

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 5

Гуманитарные науки
Технические науки

№ 2 (59)
2021

№ 2 (59) • 2021 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИГА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 5

Гуманитарные науки.
Технические науки

№ 2(59) • 2021

Сборник научных трудов

Луганск
2021

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Черных Л.А. – доктор психологических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Ротерс Т.Т. – доктор педагогических наук, профессор

Дейнека И.Г. – доктор технических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г.Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Темникова С.В. – кандидат технических наук, доцент

Редактор рубрики «Гуманитарные науки»

Дибас О.А. – кандидат исторических наук, доцент

Редактор рубрики «Технические науки»

Калайдо А.В. – кандидат технических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Авершина А.С.	– канд. техн. наук	Крысенко Д.С.	– д-р. ист. наук, доц.
Атоян А.И.	– д-р. филос. наук	Кудинов В.А.	– д-р. ист. наук, проф.
Бакаева Н.В.	– д-р. техн. наук, проф.	Лепа Р.Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Барышева Е.И.	– канд. психол. наук, доц.	Логиновский С.С.	– д-р. филос. наук, доц.
Беспалова Т.В.	– канд. полит. наук, д-р. филос. наук, доц.	Максименко Е.Г.	– д-р. психол. наук
Бредихин А.В.	– д-р. ист. наук, проф.	Михайловская О.Г.	– канд. полит. наук, доц.
Васюк А.Г.	– канд. психол. наук, доц.	Моргиков В.В.	– д-р. экон. наук, проф.
Вербенко И.А.	– д-р. физ.-мат. наук	Муртузалиев С.И.	– д-р. ист. наук, проф.
Горбенко Е.Е.	– канд. физ.-мат. наук, доц.	Поцелуев С.П.	– д-р. полит. наук, доц.
Даренский В.Ю.	– д-р. филос. наук, доц.	Проскурина Е.А.	– д-р. полит. наук, проф.
Дрозд Г.Я.	– д-р. техн. наук, проф.	Резниченко Л.А.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.
Дымарский Я.М.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.	Сильчева А.Г.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Ерхов Г.П.	– д-р. ист. наук, проф.	Скороход Н.Н.	– канд. экон. наук, доц.
Заика И.П.	– канд. экон. наук, доц.	Татаренко Т.М.	– д-р. полит. наук, проф.
Звонок Н.С.	– д-р. филос. наук	Чубова И.И.	– канд. психол. наук
Кагермазова Л.Ц.	– д-р. психол. наук	Швыров В.В.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Капустин Д.А.	– канд. техн. наук, доц.	Шевченко М.Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Киреева Е.И.	– канд. техн. наук	Шелюто В.М.	– д-р. филос. наук
Карпов В.В.	– канд. техн. наук, доц.	Шепко Л.Г.	– д-р. ист. наук, проф.

Вестник Луганского государственного педагогического университета :
В38 сб. науч. тр. / гл. ред. Л.А. Черных; вып. ред. Г.Г. Калинина; ред. сер.
С.В. Темникова. – Луганск : Книта, 2021. – № 2(59): Серия 5. Гуманитарные
науки. Технические науки. – 120 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами гуманитарных и технических наук.

Издание включено в РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 2 от 24.09.2021 г.)

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5

© Коллектив авторов, 2021
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

- Даренский В.Ю.** Ритуализм научного познания в концепции М.К. Петрова..4
Попов В.Б. Общая теория эволюции: проблема постнеклассической методологии.....11
Ищенко Н.С. Теория множественных модерностей как альтернатива модели глобализации.....18

Исторические науки и археология

- Муртузалиев С.И.** Мусульмане в политической системе Болгарии (1944–1989 гг.).....25
Ищенко В.В. Идеологическое и практическое сотрудничество католической церкви с хорватскими уставами.....32
Саидов З.А., Корниловский А.С. Царская Россия и иранские курды в первой трети XIX столетия (из военно-политической истории).....40
Савенкова И.Ю. Люди и время: профессорско-преподавательский состав Донецкого института народного образования (1923–1934).....47
Харьковский Р.Г. Политика колониальных государств в Египте в 1880-е гг. 55

Политология

- Михайловская О.Г., Кандауров Б.И.** Политические практики формирования макрорегиональной идентичности в поликультурных государствах.....61

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

- Полищук Н.А., Темникова С.В.** О некоторых вопросах нахождения приближенного решения линейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода с применением полиномов Лежандра.....69
Техтелев Ю.В. Кубическая ферромагнитная фаза в сплавах Гейслера.....76
Швыров В.В., Воронина Е.Н. Интерполяция функций с использованием пакета `scipy` в среде Python.....82

Технические науки

- Бакаева Н.В., Калайдо А.В., Скринникова А.В.** Лабораторное исследование переноса радона в пористых средах.....89
Паламарчук А.А., Сидельникова О.П. Анализ изменений в оценке условий труда по показателям напряженности трудового процесса в соответствии с ФЗ-426 от 28.12.2013 «О специальной оценке условий труда».....97

Экономические науки

- Заика И.П., Скороход Н.Н.** Отражение и развитие инновационных идей в экономической науке «советского периода»: размышления после научного семинара.....105

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 112

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 114

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

УДК 930.1

Даренский Виталий Юрьевич,
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
darenskiy1972@rambler.ru

Ритуализм научного познания в концепции М.К. Петрова

В статье анализируется особый аспект работы М.К. Петрова «Самосознание и научное творчество», связанный с анализом научного познания через понятие ритуала. Кратко рассмотренная здесь (точнее, реконструированная, поскольку в текстах самого М.К. Петрова она не выделена как особая тема) концепция ритуализма научного познания весьма ценна и актуальна. Во-первых, она позволяет включить науку в фундаментальный контекст морфологии культуры и увидеть ее весьма нетривиальные аспекты. Во-вторых, ритуал как «внутренняя форма» научного мышления роднит его одновременно и с самыми архаическими пластами культуры, и является главным источником инноваций.

Ключевые слова: М.К. Петров, наука, ритуал, структура, познание.

В работе «Самосознание и научное творчество» М.К. Петров весьма плодотворно использовал понятие «ритуал» для исследования культурно-исторического генезиса науки. Наука трактуется им как основной источник обновления социального ритуала и одновременно как один из его носителей. Следует отметить, что с формальной точки зрения научное исследование имеет циклический характер (накопление эмпирического материала – выдвижение гипотезы – экспериментальная проверка – построение теории, далее цикл повторяется), и в этом смысле всегда имеет ритуальный характер, независимо от того, о какой именно науке идет речь и на каком уровне ее развития. Поэтому анализ динамики науки в контексте понятия социального ритуала, принятый М.К. Петровым, имеет большое эвристическое значение и требует дальнейшей разработки.

Среди новейших работ, в которых идет речь о «ритуализме науки», стоит отметить «Социологию культуры» Л. Ионина. Здесь автор акцентировал внимание на ритуальном характере научных «парадигм», которые представляют собой не что иное, как самовоспроизводящиеся во всем многообразии исследований базовые теоретические модели, и в этом смысле подобны структурам ритуала. «Парадигма, – пишет он, – в высшей степени ритуалистична, причем ритуалистична в обоих смыслах этого слова: и как отвердевшая “форма”, подчиняющая себе движение творческой жизни, и как совокупность ритуалов. Весьма точно описывает деятельность ученых в рамках нормальной

науки, функционирующей на основе общепринятой парадигмы, антрополог Мэри Дуглас, считающая, что ритуалы – это определенные типы действий, служащие цели выражения веры или приверженности определенным символическим системам» [1, с. 201]. Тем самым, наука по своей структуре может рассматриваться как разновидность ритуальной деятельности, и эту структуру стоит исследовать подробнее.

М.К. Петров показывает такую предельную форму научного знания, как соотнесение его с «вечностью», что напрямую роднит его с ритуалами в традиционном смысле слова. Он ввел специальный термин «дисциплинарная вечность», весьма близкий по смыслу с понятием-метафорой «третий мир» К. Поппера, под которым он подразумевает «мир объективного содержания мышления, прежде всего, содержания научных идей». Как пишет М.К. Петров, «наличное науки – результаты, принадлежащие дисциплинарной вечности, поэтому опосредование наличным есть вместе с тем и опосредование вечным, и если дисциплинарная вечность понята как абсолют-начало, а смертные ученые, социализирующие свои результаты, изгнаны из картины как конечные и случайные моменты» [2, с. 104].

В следующем его определении ритуалистическая природа научного познания совершенно очевидна: «Вместе с тем это творение смертным вечного и опосредование результата вечностью лишь этап, предполагающий “возвращение” – приложение и получающий право на знаковое существование “всегда и повсюду” именно ради этого возвращения из “всегда и повсюду” в “сейчас и здесь” практической деятельности... В таком толковании возвращение не покидает вечности и принимает вид вторичного очищения результата от пространственно-временных и единичных отметок, на этот раз от личной и смертной характеристики творца данного результата в процессе дисциплинарной социализации, передачи индивидуального по генезису результата в общедисциплинарное достояние в акте публикации» [2, с. 104]. Это полностью соответствует и структуре традиционного ритуала (как сакрального, так и секуляризованного), в котором частное действие частного лица становится воспроизведением законов Универсума.

В самом общем виде М.К. Петров определяет ритуал как «социальную определенность». Он пишет: «реально складывающийся ритуал, социальная определенность, ориентирован как на удовлетворение потребностей человека, так и в не меньшей степени на удовлетворение нужд национального государства» [3, с. 161]. В свою очередь, «пустить корни наука может лишь на конкретной технологической почве, а сам состав возникающей науки, которая намерена стать источником нестабильности и обновления данного ритуала, во многом будет зависеть от сложившейся формы производства. Наука, таким образом, начинает движение с разных сторон, вырастает на подножном ритуальном материале, который оставлен в наследство историей» [3, с. 163]. Поэтому понятно, что и сама наука как форма деятельности выстраивается по «ритуальной» модели.

Целью работы М.К. Петрова являлось исследование «взаимодействия ритуала (наличных социальных институтов) с наукой в условиях научно-технической революции»; при этом автор исходил из того, что «процесс самооб-

новления не выглядит внутренней потребностью социальных институтов, он вполне очевидно навязан им внешним и принудительным образом» [3, с. 161]. В частности, «наука... по существу, является монополистом функции обновления ритуала... Наука обновляет ритуал не непосредственно, а опосредствованно, через фиксированный уровень, на котором разворачивается борьба – соревнование, т.е. наука не столько обновляет, сколько предлагает средства для обновления» [3, с. 109]. Здесь очевидно важное понятийное различие М.К. Петровым ритуала как общей формы деятельности («социальной определенности») и науки как той формы этой же деятельности, которая вносит в нее обновление.

Но каким образом ритуал может обновлять сам себя? (Именно поэтому и возможна наука как главный источник такого обновления). По мнению М.К. Петрова, эта возможность всегда коренится в «технологичности» ритуала: «Любой ритуал, если он не слишком склонен к злоупотреблениям и коррупции, всегда был и есть “технократия”, т.е. процесс с константой порождения, равной единице, поэтому реальная проблема будущего ритуала состоит вовсе не в том, быть или не быть ему технократией (он обязательно будет иметь константу, равную единице), а в том, какие идеи будут заложены в те законы, которые придется выдерживать и сохранять ритуалу» [3, с. 178]. В свою очередь, «условием движения к новому оказывается срыв схемы как целостности в область умопостижения, преобразование ее в этой области и возвращение в преобразованном виде в царство предметной деятельности на правах нового элемента» [3, с. 235]. Как видим, здесь имеет место та же самая процедура, на которой построен и традиционный (сакральный) ритуал: умопостижение на основе предметно-символических действий.

Отличие же науки от традиционного ритуала состоит в том, что в ней происходит «срыв схемы как целостности» – это и порождает «новое». Для анализа этого процесса следует исследовать «две важнейшие научные составляющие: а) на канон построения элементов научного знания и соединения их в целостности, на “грамматику” обновления; б) на арсенально-диссоциированное состояние элементов знания, которые можно было бы “запрягать и распрягать” в царстве умопостижений с гарантией на возвращение в царство предметной деятельности» [3, с. 235]. Тем самым, «канон построения элементов научного знания» циклически опосредован «арсеналом» диссоциированных (находящихся в свободном движении) элементов знания, что и составляет «грамматику» его обновления. В целом же в культуре, как пишет М.К. Петров, «в процессах информации и в процессах обновления ритуальной деятельности, повсюду принимая форму членораздельности – объединения и фиксации в новую связь элементов, которые никогда прежде не объединялись»; в частности же, «чистая наука готовит прикладную членораздельность, создает ее словарь – набор отмеченных на объективную истинность различений, выведенных на общедоступный уровень публикации» [3, с. 160].

Внутри указанного цикла (ритуала) «власть науки над продуктом кончается с передачей его в “техноценоз”, различённость проецируется в тело науки, с одной стороны, как требование нового, а с другой – как определение старого, наличного, того, чем продукт науки не должен быть. Вместе с

тем, в существовании для производства технологии обнаруживают ряд общих структурных и функциональных свойств, которым заведомо должен удовлетворять любой продукт науки... Все технологии инвариантны к пространству и времени, не зависят ни от места на земном шаре, ни от листка календаря. Все технологии инвариантны к источникам энергии и регулирования. В соединении с различенностью эти свойства технологий задают абстрактную априорную форму научного знания, подчиняют научное мышление требованию экспериментальной проверки, постулатам онтологической (объекты и события, различенные только по пространству и времени, идентичны) и функциональной (“черный ящик”) идентичности, однозначной определенности и т.п. Подчиняясь принципу различенности – неповторимости, наука ищет новое, ищет за пределами уже найденного» [3, с. 201]. С точки зрения своей специфической предметности и своего специфического способа объяснения мира, наука отличается от других типов познания тем, что она «свои усилия направляет на материальную причину, в ней все больше обнаруживается потенциал, и для каждой из новых потенциалов наука указывает форму и способ перевода ее из возможности в действительность, т.е. действующую причину» [3, с. 110].

Но даже и сам «причинный подход к миру», как пишет М.К. Петров, не создан самой наукой, а заимствован ею из циклизма (ритуализма) практической деятельности. Поэтому генезис научного познания состоит в том, что «причинный подход к миру есть проекция практики, предметной деятельности, есть своеобразная избирательная установка, которая позволяет видеть в мире лишь то, что удовлетворяет постулату полной причины, может найти применение в предметной деятельности и делает невидимым, исключает из рассмотрения все то, что этому постулату не удовлетворяет, и найти применения в практике не может... потерянное в области предметной деятельности искусство “запрягать и распрягать” восстанавливается в сфере умопостижения как способность оперирования понятиями, развязывания и связывания их в новые целостности» [3, с. 244]. Таков общий цикл взаимного опосредования операционального и умопостижимого, что выражается также во «встречном движении» методов индукции и дедукции.

В рамках этого цикла можно точнее определить и специфику того, что совершает наука как семиотический феномен: «К собственно науке относятся промежуточные фильтры: концепция объекта, хранителя познанных и непознанных полных причин, на входе в который наука с помощью эксперимента очищает свой исходный продукт – построенные по нормам полной причины гипотезы – от всего личного, человеческого, ценностного, и, проходя который, продукт рвет связи со своим творцом, отчуждается в элемент абсолюта – объективную истину» [3, с. 246].

На онтологическом уровне это означает, что «человек и природа оказываются здесь противопоставленными как субъект и объект, и если мы попытаемся определить эту новую точку зрения на универсалии и всеобщее, нам придется сказать, что смысл ее составляет исключение человека, его аффектов, нужд, стремлений из картины мира по принципу, который Максвелл позже сформулирует как принцип онтологической идентичности: “Вещи и явления, различенные только по месту и времени, идентичны”» [3, с. 242].

Поэтому «новое в науке безлично, инвариантно к субъекту и оторвано от него. Это достигается с помощью эксперимента, в котором новое, чем бы оно ни было по природе, получает значение объективно нового и существует дальше уже на правах факта, который не зависит ни от человека, ни от человечества. Смысл этой независимости не исчерпывается принадлежностью к объекту, в независимость входит также идея повтора, копии. Любой может повторить эксперимент и прийти к тем же результатам» [3, с. 202]. Как пишет М.К. Петров, «новое в науке возникает как “абстрактное технологическое вещество” (чистая наука), которое лишь в конечном счете, пройдя переходы к конкретному в прикладных науках, становится в сплаве с наличным знанием новыми технологиями. Однако уже с самого начала поиски нового в науке связаны и ограничены априорной структурой факта, “технологическим новым”, что оставляет за пределами поисков уникальное, единичное, не допускающее повтор-проверку» [3, с. 202]. Так происходит своеобразный «вынос за скобки» самого субъекта познания в его конечном «продукте», который, однако, не мог бы появиться без этого субъекта и его деятельности. Это общий парадокс любого ритуала.

В целом, как пишет М.К. Петров, в «творческом хаосе ученых голов, из которого современный ритуал извлекает и прибыль, и светлые надежды, и крупные неприятности» [3, с. 156] – «мы умеем создавать и поддерживать порядок, а вот создавать и поддерживать творческий хаос мы пока не научились, как и не научились хотя бы терпимо к нему относиться» [3, с. 157]. Поэтому, как иронически замечает автор, «в науке ведь, собственно, не так уж много профессионализма» [3, с. 180]. С содержательной точки зрения, «общей чертой этого творческого хаоса является, видимо... соединение того, что никогда не было соединено, самопроизвольный или под воздействием внешних сил взрыв минимум двух целостностей и формирование из их осколков новой целостности, качественно отличной от тех исходных, из обломков которых она возникает» [3, с. 157]. Последняя формулировка – это весьма емкое семиотическое определение творческого процесса.

С культурно-исторической точки зрения, как отмечает автор, «все ритуалы строятся на превращении социально-полезных процессов в репродукцию с константой порождения, равной единице; все ритуалы имеют на вооружении механизмы обновления, хотя устроены эти механизмы по-разному. Ни один из ритуалов не представляет собой замкнутую и непроницаемую для нового опыта область, но механизмы отбора и оценки, образующие избирательность ритуала, в каждом случае конкретны, включают моменты, которые могут показаться непонятными, странными и даже противоестественными с точки зрения других ритуалов. Непроходимой стены между ритуалами нет... к новому всегда могут быть найдены переходные формы, позволяющие преемственно и в сравнительно короткий срок преобразовать ритуалы доолимпийского и олимпийского типа в ритуал современного развитого, использующего науку, общества» [3, с. 182].

Переход от архаики к новому типу культуры, в котором только и становится возможной наука как форма знания и деятельности, состоял в том, что «олимпийская семиотическая система подверглась преобразованиям в

соответствии с новым законом ритуала: разрывом между словом и делом при ведущей роли слова. На опустевшем Олимпе оказался пират, законодатель и архитектор – личное существо, наделенное разумом, способностью выбора и силами для реализации этого выбора в действительность» [3, с. 183]. Тем самым, это был переход от архаического ритуала к новому типу ритуала, который способен к самообновлению.

Процесс самообновления затем уже состоит в том, что сам «продукт науки», по М.К. Петрову, «либо способен вступить в соревнование с наличными составными социальной стабильности, получить санкцию на политическое бытие и ценность, потеснить или даже вытеснить конкурентов, либо же он неспособен сделать это, тогда продукт науки остается на периферии социальности, пылится в архиве или просто гибнет. Социальному ритуалу безразлично происхождение инновации, придет ли она из Америки, из Китая или из науки» [3, с. 228]. Это и легло в основу того, что М.К. Петров называет «европейским ритуалом» – то есть порождающей моделью европейского типа социальности, в которой наука становится неотъемлемой частью. При этом «огромное число инноваций-внедрений в европейский ритуал по схеме “культурного синтеза” или заимствования-присвоения, значительную часть которых не принято ставить в связь с возникновением опытной науки, остается при всем том свидетельством подготовленности европейского ритуала к процессу обновления» [3, с. 227].

Суть «европейского ритуала» состоит в том, что «европейцы начинают осваивать новую психологическую установку, в согласии с которой личность становится высшей ценностью, законодателем и вершителем собственной судьбы. Эта установка нагружена социально как противоречие гражданского и политического, как постоянное бегство из ритуала и возвращение в него с сокровищами-“вкладами”, как борьба и соревнование личностей за признание, т.е. за право перехода из гражданского в политическое существование» [3, с. 225]. Для этого и нужна наука, в первую очередь, как источник самообновления социального ритуала, и этим же объясняется и разное восприятие инноваций в европейской и восточной науке. В восточной тоже были великие открытия, но они не приводят к общей трансформации социального ритуала, а просто «встраиваются» в него как новый, но непротиворечивый его элемент. Поэтому «реальная загадка здесь не в том, кто сделал открытие, а в том, почему накопление фундаментальности по-разному ориентировано в Китае и в Европе, почему открытие, накапливающее фундаментальность в одном ритуале, ведет себя совсем иначе в другом. Европейская фундаментальность носит воинственный и агрессивный характер» [3, с. 118]. Последнее обстоятельство объясняет исходную причину мировой экспансии «европейского ритуала»; с другой стороны, оно указывает и на его явную историческую ограниченность, на необходимость иных моделей, противостоящих европейской агрессии.

К рассматриваемой здесь проблематике ритуализма научного познания М.К. Петров относит и ее особый экзистенциальный аспект. Он пишет об этом так: «Если смысл человеческой жизни во временном исполнении социальной должности, в воспроизведении бессмертной социальной структуры

через смертных “и. о.”, то уже теперь такая жизнь становится самообманом, бессмыслицей, а в скором времени и вообще потеряет смысл. Общество перестает нуждаться в человеке – исполнителе должности, все большее число штатных единиц общество заполняет “небелковыми” соискателями, поскольку автоматы более исполнительны и экономичны, а главное – абсолютно помехоустойчивы и стерильны к мысли» [3, с. 209]. Тем самым, в науке, как способе познания, наиболее остро и очевидно выступает ключевой смысложизненный парадокс: если человек есть лишь «функция» мирового целого, пусть даже и такая возвышенная, как познание законов Универсума, все равно его бытие оказывается бессмысленным, поскольку ту же самую функцию может выполнить кто-то другой или даже вообще не человек, а намного более эффективный автомат. Тем самым, исходя из этой частной проблемы философии науки, мы выходим на духовную проблему.

Кратко рассмотренная здесь (точнее, реконструированная, поскольку в текстах самого М.К. Петрова она не выделена как особая тема) концепция ритуализма научного познания весьма ценна и актуальна. Во-первых, она позволяет включить науку в фундаментальный контекст морфологии культуры и увидеть ее весьма нетривиальные аспекты. Во-вторых, ритуал как «внутренняя форма» научного мышления роднит его одновременно и с самыми архаическими пластами культуры, и вместе с тем является главным источником концептуальных инноваций. Возможно, этим и обусловлено особое экзистенциальное очарование научного познания, сближающее его во внутреннем переживании самого ученого с поэзией и даже с религией.

Список литературы

1. **Ионин Л.Г.** Социология культуры / Л.Г. Ионин. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 333 с.
2. **Петров М.К.** Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М. : РОССПЭН, 1996. – 512 с.
3. **Петров М.К.** Самосознание и научное творчество / М.К. Петров. – Ростов-н/Д. : Изд. РГУ, 1992. – 272 с.

Darenskiy V.J.

Ritualism of scientific knowledge in the concept of M. K. Petrov

The article analyzes a special aspect of the work of M. K. Petrov “Self-consciousness and scientific creativity”, related to the analysis of scientific knowledge through the concept of ritual. The concept of ritualism of scientific knowledge, briefly considered here (or rather, reconstructed, since it is not singled out as a special topic in the texts of M. K. Petrov himself), is very valuable and relevant. First, it allows us to include science in the fundamental context of the morphology of culture and to see its very non-trivial aspects. Secondly, ritual, as the “inner form” of scientific thinking, is at the same time related to the most archaic layers of culture, and is the main source of innovation.

Key words: M. K. Petrov, science, ritual, structure, cognition.

Попов Василий Борисович,
канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Общая теория эволюции: проблема постнеклассической методологии

В статье прослеживаются общие тенденции и этапы развития эволюционного учения. Обозначены основные методологиемы, соответствующие современному (постнеклассическому) периоду эволюционизма и постнеклассической науки вообще.

Ключевые слова: *общая теория эволюции, Глобальный эволюционизм, постнеклассический холизм, тоталлогия, многомерный подход, синергетика, трасконтинуумное эпистемологическое поле, концептуальный синтез, концептуальное сопряжение, концептуальная имплементация.*

Постмодернистская борьба с метанарративами, видимо, обнаружила свою предельность, однако, и возможность построения новых универсалистских концепций представляется весьма эфемерной. Похоже, что попытки создания новых обобщающих теорий должны предприниматься на качественно иной основе, соответствующей общему состоянию постнеклассической науки. Особое место здесь занимает эволюционная теория, поскольку в своем развитии она изначально, с середины XIX века, развивалась в параллельных измерениях (естественнонаучное, прежде всего, биологическое; историко-социологическое и философское), находящихся, между тем, в состоянии концептуального взаимодействия. Ее классикой одновременно стали труды Ч. Дарвина (1859) в биологии и Л.Г. Моргана (1877) в истории и этнологии. Наглядным показателем подобных взаимосвязей стали воззрения Г. Спенсера (1862–1873), которые обозначились теоретической и методологической общностью биологии и социального познания.

Центральной нам видится идея конкуренции / борьбы за существование, восходящая к концепции Т. Мальтуса, которую Дарвин и Спенсер развивали независимо друг от друга на собственной эмпирической базе. Тем не менее, в результате всего этого и сложился так называемый социал-дарвинизм. При этом, однако, следует четко разграничивать взгляды Спенсера и У. Самнера, с одной стороны, от псевдосоциологических творений того же Л. Вольмана и Ж. Лапужа, скатившихся к социал-расизму, и даже от Л. Гумпловича.

В качестве структурообразующих методологем классического эволюционизма можно выделить линейный детерминизм, однозначный прогрессизм, градуализм и принцип конкуренции (борьбы за существование) и естественный отбор. При этом последнему, даже в биологии, Г.Спенсер не придавал столь универсального значения, как Дарвин [1, с. 61–64, прим. с. 64]. Однако, именно Спенсер предпринял попытку выработать единые принципы эволюции, характерные для всех форм жизни. Достаточно отметить его концепт о

том, что основная тенденция развития идет по линии дифференциации как движения от состояния неопределенной несвязной однородности материи к определенной структурной разнородности [Там же, с.52–53], но каждый новый ее этап должен сопровождаться дальнейшей интеграцией [2, с.615], что в схематическом виде можно обозначить как дифференциация + интеграция = адаптация. Не менее концептуально значим и его термин «социальный организм». Взаимосвязь биологического и социального познания здесь налицо, поэтому именно Спенсера следует считать основателем Общей теории эволюции (ОТЭ). В философской версии эволюционизма отметим наиболее претенциозные системы Гегеля и Маркса, что интересно, дарвинизм рассматривался как научная предпосылка марксизма. Однако в последующем в русле данной традиции под эволюцией чаще всего понимается многоаспектное развитие биологических объектов, а в социальном сегменте доминирует узкое толкование через противопоставление ее революции [3, с.786; 4, с.531–532].

Выше обозначенные моменты теоретического и методологического взаимодействия основных направлений эволюционизма позволяют говорить об их концептуальной общности через принадлежность к единому кругу идей, которые можно охватить в рамках одного эпистемологического континуума. Он образует общее пространство их взаимосвязей, не сводимых к единой «сверхтеории». Данные направления отнюдь не утрачивают своих сущностных характеристик, развертываясь в собственной системе координат (эпистемологическом поле). Об этом же свидетельствуют параллельные процессы, начинающиеся практически одновременно во всех отраслях эволюционизма.

Так, в конце XIX – начале XX века классический эволюционизм вступил в полосу системного кризиса, равнозначного как для естественнонаучной, историко-социологической и социально-философской ветвей. В естествознании произошел переход от линейно-детерминистской лапласовско-ньютонской картины мироздания к стохастичной эйнштейновской, в связи с чем пришел конец классическим версиям как холизма, так и дарвинизма. В философии рухнули универсалистско-субстанциональные философские системы (классическое гегельянство и ортодоксальный марксизм). В истории / историологии, этнологии и социологии линейно-прогрессистские воззрения были оттеснены на периферию концепциями культурного релятивизма (Ф. Боас) и циклическим цивилизационно–дискретным направлением (прежде всего О. Шпенглер и П. Сорокин).

Основные положения классического эволюционизма и предельность их эвристического потенциала достаточно обстоятельно освещены П. Штомпкой [5, с.144–151]. Не повторяя того, что уже было обозначено нами [6; 7; 8], отметим, что каждое из направлений столкнулось с различными узкими местами, ставшими объектом неклассической критики. В частности, в естественнонаучной версии эволюционизма акцент был сделан на градуализм, положение о постепенном, непрерывном накапливании мелких изменений, плавно перераставших в видовые трансформации (непрерывность, постепенность как признак классического эволюционизма у Штомпки фигурирует только под пунктом 10 [5, с.150]). Направленность эволюционного процесса, отвергающаяся классическим дарвинизмом, также оказалась в эпицентре критики (концепции номоге-

неза, ортогенеза и т.п.). В историко-социологической же – это вышеназванный линейный прогрессизм и однозначный детерминизм, в своем наиболее полном виде представленный в марксистской базисно-надстроечной схеме.

30-е – 50-е гг. XX века стали значимым рубежом в развитии Общей теории эволюции. Не случайным представляется то обстоятельство, что они ознаменовались параллельным (взаимосвязанным) ренессансом всех форм эволюционизма. В 30-е гг. в биологии формируется Синтетическая теория эволюции (СТЭ) как объединение сущностных принципов дарвинизма и популяционной генетики. В историко-социологической ветви в это же время достаточно определенно обозначился «неоэволюционизм» (теория мультилинейной эволюции Дж. Стюарда – 1955 г.). Здесь мы видим, как прорыв в одной сфере познания вызвал соответствующие новации в другой. Концептуальная сопряженность между ними представляется несомненной. Также нельзя сбрасывать со счетов и влияние холистской эволюциологии (Я. Смэтс, А. Бергсон, А.Н. Уайтхэд, Тейяр де Шарден и др.). Общая теория систем (ОТС), получившая на рубеже 40-х и 50-х гг. серьезное теоретико-методологическое приращение, тоже постулирует приоритет целого над частью, структуры над элементом. В итоге можно заключить, что период с конца XIX века до 80-х гг. XX века является самостоятельным объектом и в этом качестве заслуживает специального рассмотрения как стадийное явление (кризис классического и генезис неклассического эволюционизма, его предельное развитие и переход к постнеклассическим формам).

К началу 80-х гг. неклассический эволюционизм в значительной мере утратил свой эвристический потенциал и способность продуцировать новые, яркие идеи. Все это совпало с тотальным кризисом метанарративов и вызвало мощнейшую реакцию в виде постмодернизма, поведшего тотальную борьбу с ними по всем направлениям. Широко распространились призывы к полному отказу от эволюционизма как наследия прошлого и его сдачи в «архив науки». Общая теория эволюции ведет лишь в «западню реализма», локальные закономерности подводятся под универсальные, смешиваются идеальные категории и реальные различия, теоретическим моделям предписываются прогностические функции, что является основным механизмом формирования идеологий. В итоге эволюционизм уже принадлежит истории, а теория социальной эволюции должна быть заменена социологией социальных изменений, которая обобщает реалии социальных процессов, а не занимается конструированием неких универсалий эволюции [9, с.264–275; 5, с.21–24,234–241,290–292].

Однако вместе с распространением постмодернистской деконструкции и борьбы с метанарративами, сразу в нескольких отраслях познания обозначились прямо противоположные тенденции, в конечном счете, как нам представляется, приведшие к возникновению постнеклассического эволюционизма и холизма. Речь идет о синергетике (Г. Хакен, 1973), рассматривающей процессы самоорганизации и диссипативные общности, сначала являющейся скорее дополнением Общей теории систем Л. фон Бергаланфи (1968). Однако впоследствии ее претензии значительно возросли, она стала мыслиться в синтезе с идеями холизма и эволюционизма [10, с.75–90]. Глобальный эволюционизм, в отечественной мысли наиболее последовательно и концептуально

представленный в трудах Н.Н. Моисеева [11; 12; 13], соединился с теорией автопоезиса, распространившейся из биологии на прочие области познания [14, с. 104–110], в своем итоге дал экосистемную / экосферную теорию эволюции (ЭТЭ) [15, 16], куда присоединилась и вышеназванная синергетика. На Западе в это время говорят о подъеме нелинейного, неклассического эволюционизма [17, р.263–267; 18, р.176,180–181; 19, с.338]. Наконец, в 1993 г. В.В. Кизимой был провозглашен Тоталлогический манифест, провозгласивший создание нового подхода к целостности / тотальности [20].

Настоятельной необходимостью представляется новая постнеклассическая методология Общей теории эволюции. Задачей здесь будет не построение единой всеобъясняющей метатеории, базирующейся на неких универсальных законах в духе всеобщего эволюционизма Г. Спенсера (это видится невозможным в принципе), а концептуальное осмысление круга общих проблем, с которыми в рамках того или иного дискурса сталкиваются разные направления эволюционизма. Это позволит соединить принципы направленности и закономерности эволюционного процесса на глобальном (онтологическом) уровне со стохастичностью его протекания в его различных измерениях.

Подобная постановка проблемы предполагает синтезный подход, который является единственно возможным в условиях дискретного развития различных ветвей эволюционизма. Однако, если научный синтез в его классическом понимании заключается в сведении воедино в рамках общего направления различных методологий, подходов, принципов, взятых из разных, хотя, как правило, смежных отраслей познания, то постклассический синтез затребовал объемную теорию эпистемологического континуума как диффузного поля, где разворачивается сопряженное развитие несмешивающихся друг в друга теорий из разных дисциплин. Как относительно самостоятельное явление, оно, выходя за рамки традиционных эпистемологических сфер, не столько размывает их, сколько раскрывает смежное измерение, трансконтинуумного характера. Данный когнитивный феномен раскрывается нами через категории «концептуальная сопряженность» / «связка» / «имплементация».

Под первой мы понимаем ситуацию синхронного развития нескольких направлений, концептуально взаимодействующих друг с другом и взаимно трансформирующихся в результате подобных воздействий. Здесь происходит нечто подобное сопряженному типу развития в теории общественной эволюции, о котором мы уже говорили [21, с. 47–53]. Вышеприведенные примеры параллельного развития всех отраслей эволюционизма, сопровождающиеся взаимным концептуальным обогащением, например, биологической теории эволюции (БТЭ), на которой, в основном, и базируется Глобальный универсализм, социологического / историологического, социально-философского познания, синергетики и неклассического холизма и т.п. – наглядное тому подтверждение.

Этот феномен призвана уточнить другая категория (концептуальная связка), которая предполагает сопряженное развитие уже конкретных методологий, теорий, подходов из разных направлений различных наук. Здесь следует принять во внимание теоретические разработки М.А. Чешкова, который использует понятие «связка» для раскрытия сущности «сораздельных отношений» как

антиномичной диады, покрывающей процессы и структуры, противоположные по направленности и качествам [22, с.87]. Думается, что «связка» может пониматься и более широко, не сводясь к антиномичным диадам. Тут может иметь место и синхронное развитие методологием одного макронаправления, но в разных трактовках, исходящих из смежных, а порой и далеких друг от друга наук (варианформистские подходы в биологии и в теории социальных структур, теория эволюционного многообразия, по разному преломляющаяся в биологической и социальной теории эволюции [23, с. 133–135, 241–258]).

Концептуальная имплементация предполагает внедрение методологемы, теории, подхода и т.п. из одного эпистемологического континуума в другой с последующей трансформацией ее методологического аппарата и сопряженных с ней когнитивных направлений. Примером здесь может быть внедрение биологической теории эволюции А.Н. Северцева в структуру историологическо–философского познания. О плодотворности подобной имплементации было заявлено еще в ходе дискуссий конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. [24, с.49–50, 53–57]. Эти воззрения поддерживались и нами [21], а в последнее время Л.Е. Грининым и А.В. Коротаевым [25]. Новые возможности раскрывает концептуальный синтез неклассического холизма (тоталлогии [26; 27],) с многомерным подходом [28; 29], о чем уже было заявлено [30]. Проблема эвристического потенциала новых постнеклассических методов здесь лишь обозначена, однако несомненным представляется то обстоятельство, что дальнейшее развитие как эволюционизма, так и, возможно, всей постнеклассической науки связано с подобными нелинейными, многомерными синтезами, могущими преодолеть постмодернистскую иронию по отношению к «великим» теориям.

Такой потребности соответствует отмеченная выше эволюция системного мышления, возникновение в 70–80-е гг. XX в. новой его парадигмы. На смену исследованиям систем как жестких, равновесных, линейно изменяющихся объектов пришла стратегия исследований сложности, неравновесности, нелинейности и более высокой организованности. Антропосоциетальный подход находится в русле этой тенденции. Он предполагает, что современный социум должен обладать качествами сетевой, неравновесной, нелинейной системы, которая тоже подвержена угрозам рисков, катастроф, но в зрелом состоянии обладает способностью спонтанно порождать из беспорядка и хаоса порядок и организацию, это должна быть гибкая система. Антропосоциетальный подход состоит в понимании общества как антропосоциокультурного целого, которое устойчиво функционирует благодаря определенному соотношению его социокультурного сообщества с его членами. Данный подход представляет собой современную, антропнодеятельностную интерпретацию классического социокультурного подхода, отличающуюся от распространенной интерпретации. Он означает понимание общества не просто как двухкомпонентной – социальной и культурной – совокупности (системы), а как взаимопроникновения трех компонент – человека, социума и культуры, – которое возникает из взаимодействий людей, индивидов, их групп и представляет собой родовое, антропосоциокультурное целое (тотальность). Но если удерживать внимание на целостности общества как объекта изучения, т.е. следовать принципу социетальности как методологическому основанию социальной философии, то

следует расширить его название и использовать термин антропосоциетальный подход. Вместе с тем антропосоциетальный подход соответствует новым тенденциям в эволюции обществ и индивидов. Он включает понимание того, что в либерально зрелых обществах по мере развития их культуры и личностей нарастает противодействие индивидов давлению со стороны социума – социальных систем или отчуждение от этих систем; действия / взаимодействия индивидов и социальных общностей все более приобретают характер диффузных обменов, наблюдается индивидуализация обществ. Они все в большей степени подвергаются угрозам разнообразных рисков, включая риск катастрофы. Это требует существенных изменений в построении общества, прежде всего, социума как системы.

Список литературы

1. **Спенсер Г.** Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер; перевод с англ.; под ред. Н.А. Рубакина. – Мн. : Современный литератор, 1998. – 1408 с.
2. **Спенсер Г.** Основные начала / Г. Спенсер // Антология мировой философии. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3. – С. 608–620.
3. **Философский** энциклопедический словарь / глав. ред. Л.Ф. Ильичев. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. **Философская** энциклопедия / глав. ред. Ф.В.Константинов. – М. : Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – 740 с.
5. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 417 с.
6. **Попов В.Б.** Становление эволюционной теории: дискретность и классика концептуального сопряжения / В.Б. Попов // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. – 2017.– № 4. – Ч.1. – С. 102–109.
7. **Попов В.Б.** Эволюция эволюционизма: классика и постклассическая трансформация / В.Б. Попов // Культура и цивилизация. – 2018. – Вып. 2 (8). – С. 28–31.
8. **Попов В.Б.** Постклассическая система мироздания: новые вызовы и ответы эволюционизма. Статья 1. / В.Б.Попов // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. – 2018. – № 10. – С. 116–129.
9. **Будон Р.** Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 284 с.
10. **Князева Е.Н.** Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
11. **Моисеев Н.Н.** Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М. : Мол. гв., 1990. – 352 с.
12. **Моисеев Н.Н.** Универсальный эволюционизм / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С.3–28.
13. **Моисеев Н.Н.** Системная организация биосферы и концепция коэволюции / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 2000. № 2. – С. 123–130.
14. **Луман Н.** Эволюция / Н. Луман. – М. : Логос, 2005. – 256 с.

15. **Чайковский Ю.В.** Активный, связанный мир / Ю.В. Чайковский. – М. : ТНИ КМК, 2008. – 726 с.
16. **Назаров В.И.** Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели / В.И. Назаров. – М. : КомКнига, 2005. – 520 с.
17. **Carneiro R.L.** Evolutionism in Cultural Antropology: A Critical History / Robert R. Carneiro. – Boulder, CO: Westview Press, 2003. – 384
18. **Sanderson S.K.** Review of R.L.Carneiro, Evolutionism in Cultural Antropology: A Critical History / Stephen K. Sanderson // Social Evolution and History. 2004. V. 3. № 2. P. 176–185.
19. **Классен Х.Й.М.** Эволюционизм в развитии / Х.Й.М. Классен // Эволюция: Дискуссионные проблемы глобальных эволюционных процессов. – М. : Либроком, 2011. С. 337–354.
20. **Кизима В.В.** Тоталлогические аллюзии / В.В. Кизима // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К., 1995. – С. 20–105.
21. **Попов В.Б.** Синхронное и диахронное измерения всемирной истории / В.Б. Попов // Практична філософія. – 2004. – № 4. – С.46–58.
22. **Чешков М.А.** Двойная спираль глобализации / М.А. Чешков. – М. : Изд-во ИМЭМО РАН, 2007. – 178 с.
23. **Попов В.Б.** Антропосоциетальный Универсум: многомерная эволюция / В.Б. Попов. – Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. – 426 с.
24. **Формации или цивилизации (материалы «круглого стола»)** // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 34–59.
25. **Гринин Л.Е.** Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация мир-системы / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М. : Либроком, 2009. – 568 с.
26. **Кизима В.В.** Тоталлогия / В.В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
27. **Кизима В.В.** Социум и бытие / В.В. Кизима . – К. : ПАРАПАН, 2007. – 204 с.
28. **Алтухов В.** Многомерный мир третьего тысячелетия / В. Алтухов // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7. – С. 30–38.
29. **Алтухов В.Л.** Логика человеко- и мироустройства / В.Л. Алтухов. – М. : Компания Спутник, 2003. – 97 с.
30. **Попов В.Б.** Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности / В.Б. Попов // Гілея. – 2012. Вип. 59. – С. 318–326.

Popov V.B.

General theory of evolution: the problem of post-nonclassical methodology

The article traces the general trends and stages in the development of evolutionary doctrine. The main methodologemmas corresponding to the modern (post-non-classical) period of evolutionism and post-non-classical science in general are outlined.

Key words: *General theory of evolution, Global evolutionism, post-nonclassical holism, totallogy, multidimensional approach, synergetics, transcontinuum epistemological field, conceptual synthesis, conceptual conjugation, conceptual implementation.*

УДК 316.422

Ищенко Нина Сергеевна,
канд. филос. наук, доцент кафедры
музыкального искусства эстрады
Луганской государственной академии
культуры и искусств имени М. Матусовского
niofterna@gmail.com

Теория множественных модерностей как альтернатива модели глобализации

В статье рассматриваются альтернативы теории глобализации: цивилизационный подход, глокализация, гибридизация. Проанализированы основные недостатки этих теорий: принципиальная невозможность для цивилизации усваивать достижения других культур (цивилизационный подход), подчиненность обществ глобальной системе в ущерб национальным интересам (глокализация), декларируемая, но не реализованная ценность незападных культур в процессе культурного контакта с цивилизацией Запада (гибридизация). Также рассмотрена теория множественных модерностей, в которой сняты указанные недостатки теорий межкультурного взаимодействия при сохранении их достоинств: учитываются как исторически сложившиеся культурные константы рассматриваемого общества, так и тот факт, что связность человечества как целого сложилась и осуществляется в рамках, заданных западной культурой. В то же время теория множественных модерностей описывается автохтонное развитие обществ в рамках, заданных их историей и культурой, которые задают границы трансформации институтов общества модерна, порожденного западной культурой.

Ключевые слова: *глобализация, модернизация, линейный прогресс, универсализация, гомогенизация, глокализация, гибридизация, множественные модерности.*

Исследователи отличают глобализацию как процесс создания единого социокультурного пространства от глобализма, идеологии глобализации, которая является только одним из способов описать это пространство и его динамику [10, с. 688; 3, с. 188–198]. В статье будут рассмотрены теории глобализации, существующие в настоящее время, охарактеризованы их недостатки и показаны достоинства теории множественных модерностей, которая выступает как альтернатива модели глобализации.

Три варианта описания и возможного будущего развития глобальной культуры были предложены американским исследователем Я.Н. Питерсе [5, с. 16]. Он различает следующие теории глобализации: гомогенизация (универсализация), дифференциация (поляризация, глокализация), гибридизация. Теория гомогенизации представляет собой теорию глобализации в идеологическом смысле. Эта концепция также носит название универсализации, модернизации и линейного прогресса. Теория прогресса утверждает, что все общества развиваются по одним и тем же законам. Об-

щества Западной Европы первыми создали государства и культуру модерна, а остальные общества планеты должны естественным путем с помощью европейцев и ориентируясь на их образцы, достигнуть того же состояния. В результате на всей планете установится однородная (гомогенная) глобальная универсальная культура модерна, в которой будет доминировать европейская культура.

Основателем теории модернизации был Макс Вебер, который считал, что современное общество – уникальный феномен Запада, который имеет универсальное значение и должен быть глобально распространен как наиболее отвечающий критериям эффективности, производительности и адаптивности, а также обеспечивающий торжество разума и свободы [4, с. 4–42].

В начале XX века модернизация понималась как объективный процесс, имеющий собственную логику развития и реализуемый в серии широкомасштабных социальных преобразований, которые полностью перестраивают промышленную, образовательную и политическую сферу общества, приводя к индустриализации в производстве, всеобщему образованию в общественной жизни и демократическому режиму в политике. На данный момент это видение будущего уже не считается само собой разумеющимся и единственным [9, с. 14].

За сто лет, прошедшие со времени появления теории М. Вебера, не было найдено однозначных ответов даже на вопросы о том, какие именно феномены составляют модернность, являются ли они связанными или допускают автономию по отношению друг к другу. Также неясно, почему эти феномены в комплексе возникли именно в Западной Европе и почему они не возникли или не смогли развиться до «западного» уровня в других культурах. Кроме того, непонятно, почему эти феномены имеют универсальное значение и ценность для всех культур и верно ли последнее [4, с. 42].

В конце XX века стало очевидным, что ожидаемой гомогенизации культуры не происходит. Во многих странах и культурных регионах культурная экспансия западной культуры приводит не к адаптации и ассимиляции других народов, а к усилению борьбы за культурную самобытность, к появлению нативистских движений, к усилению изоляционистских и фундаменталистских течений. Концептуализация этих процессов происходит в теориях локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель), глокализации (Р. Робертсон), гибридации (Дж. Деланти, Я.Н. Питерсе, Р. Бабьер).

Теория локальных цивилизаций представляет собой вклад русских мыслителей в мировую историософию. Это оригинальная теория истории, разработанная русским философом Н.Я. Данилевским. Теория локальных цивилизаций утверждает, что все возможные варианты развития общества и его культуры предопределяются традициями, которые сложились исторически и задают неизменный вектор движения социокультуры. В глобальном обществе, где господствуют западные ценности, теория локальных цивилизаций многими воспринимается как обоснование того, что другие народы никогда не овладеют достижениями западной цивилизации и навсегда сохранят свое периферийное положение.

Концепция глокализации была предложена английским социологом Р. Робертсоном [7, с. 111]. Глокализация сочетает глобальность и локальность, соответствует термину «новый регионализм» и старается учитывать культурные особенности регионов при усвоении ими глобальных ценностей. Глокализация описывает процесс включения незападных обществ в единое глобальное пространство в интересах субъектов глобальной культуры, идеологи которой считают, что всеобщая гомогенизация приведет к исчезновению рынков и коллапсу, потому нужно развивать не только единое экономическое пространство, но и его локальные подсистемы с региональной спецификой.

Концепция гибридизации (Я.Н. Питерсе), или единства в многообразии (Дж. Деланти), представляется современным исследователям самой предпочтительной альтернативой гомогенизации. Питерсе полагает, что «концепция гибридизации предлагает противоядие от культурного дифференциализма расовых и националистических доктрин. Она отвергает национализм, подрывает политику формирования этнической идентичности и основы всяких притязаний на чистоту и исключительность [1, с. 323]. Гибридизация предполагает сохранение разнообразия при формировании определенной степени единства [1, р. 651].

В применении к незападным странам теория гибридизации конкретизируется в моделях метиссажа (Р. Бабьер), которые предполагают, что элементы западной и незападных культур будут соединяться, не ущемляя друг друга, в новые культурные структуры, которые зависят от специфики конкретной страны [5, с. 17]. На данный момент эти теории представляют собой скорее проект и идеологию, чем описание социокультурной реальности незападных обществ. Экспансивный характер западной культуры сохраняется, начиная с эпохи Великих географических открытий и до наших дней, уважительное отношение к другим культурам и доступ для их представителей к власти и ресурсам остается, как правило, на уровне благих пожеланий. Таким образом, теории гибридизации и метиссажа фиксируют наличное положение дел, но не дают теоретических концептов, имеющих прогностические функции.

Итак, хотя предсказанной гомогенизации человечества не произошло, новые концепции не объясняют всех имеющихся явлений. Представляется, что путь к решению проблемы лежит через анализ базовых предпосылок концепции модернизации в ее классическом варианте.

В классической теории модернизации описывались два принципиально разных процесса: процесс возникновения первых современных обществ в Западной Европе и процесс распространения современного типа общества в другие культуры [4, с. 41]. В XIX веке считалось, что этапы развития европейских обществ будут повторяться в любых других обществах независимо от их контакта с европейской культурой, европеизация лишь несколько ускоряет прогресс, но не меняет его сущности. В такой теории специфика незападных обществ не является решающим фактором, регулирующим развитие социума, и не может принципиально изменить схему развития. Неудача глобализации как гомогенизации требует пересмотра именно этого краеугольного положения и приводит к выводу, что процесс усвоения европейского варианта модер-

ности отличается от процесса порождения модерности в самой Европе, и эти отличия принципиальны.

Пересмотр классической теории модерности проходит в рамках теории множественных модерностей (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Д. Инглис, Д. Уитрок, Й. Тернборн, М. Масловский), которая учитывает исторический контекст межкультурного взаимодействия и более чем трехвековой опыт попыток ассимиляции ценностей модерна в незападных культурах.

Теория множественных модерностей отказывается от базового представления о модернизации как о переходе от традиционного общества к обществу модерна. Получившиеся в результате трехвекового развития европейские и вестернизированные общества имеют столь разнородные характеристики, что объединить их в едином понятии современного общества не представляется возможным.

История XX века показывает, что традиционность и модерность не исключают друг друга, а могут сосуществовать в одной культуре. Традиции присутствуют в современном обществе и являются одним из двигателей модернизации. Более того, новые традиции складываются в современных условиях, уже в процессе модернизации. В то же время все многообразие культурных и социальных форм, возникающих в современных обществах, не может быть объяснено только исторически сложившейся траекторией их культурного развития, а возникает, в том числе, как реакция модерности на саму себя [4, с. 45].

Американский и израильский социолог Ш. Эйзенштадт был одним из первых, кто в 50–60-е гг. прошлого века обратил внимание на распад ранней теории модернизации и недостаточность противопоставления традиции и современности для анализа всего многообразия социокультурной динамики двадцатого века [12, с. 82]. Эйзенштадт выделил в классической теории модерна дихотомии модернизации (свобода и авторитарность, революционность и постепенность, рациональность и религиозность) и показал, что они являются концептуализацией европейского опыта, который неприменим к другим культурам, где те же дихотомии либо не существуют, либо занимают другое место в структуре культуры. В частности, эрозия традиционного и религиозного сама по себе не приводит к торжеству рациональности и модерности, как это имело место в Западной Европе.

Важным шагом на пути переосмысления теории модернизации была предложенная Эйзенштадтом концепция множественных модерностей (*multiple modernities*), которые понимаются как непрерывное переосмысление основных ценностей модерна и новое обоснование их на другой культурной основе. Правда, Эйзенштадт понимал межкультурное взаимодействие современности как взаимодействие не между культурами, а между разными интерпретациями одной культуры, современной западной [12, с. 83–84]. Дальнейшие исследования показали, что ситуация сложнее.

Чешский историк, философ и социолог Й. Арнасон разрабатывает модель советского модерна. Он первым в постсоветском мире предостерегал от увлечения идеологическими схемами при анализе распада СССР. Многие исследователи того времени поспешили объявить СССР антимодерном, псевдомодерном, немодерном и таким образом легко объяснили крушение

советского проекта как ошибочного, идущего против тенденций современного мира, неправильного, иррационального и так далее. Арнасон показывает, что коммунистические режимы XX века вообще и советский строй в частности были обществами модерна, и таким образом их гибель и разрушение вскрывают общие системные проблемы модерна как такового [2, с. 10–11]. Арнасон также сформулировал концепцию имперской модернизации и исследовал роль социальных имперских структур в развитии разных вариантов модерна [8].

В современной России теорией множественных модерностей незападных обществ, включая российское, занимаются М.В. Масловский, Р.Г. Браславский.

Модерность в теории множественных модерностей понимается не как усвоение универсальных ценностей и трансформация обществ по направлению к единому универсальному образцу, а как развитие автохтонной социокультуры в условиях культурной экспансии западной культуры. Коммуникационный аспект такого развития представляет собой трансформацию смыслов исходной социокультуры под влиянием смыслов западной культуры. Такая трансформация происходит в границах, которые задаются автохтонной социокультурой, активизируя заложенные в ней потенции.

В теории множественных модерностей модерность представляет собой не цель социокультурных трансформаций, не заданный итог развития общества или некоторый образец, а является характеристикой интенсивности социокультурной динамики, скорости трансформаций [6]. Современное общество быстро изменяется, но вектор этих изменений определяется культурной памятью социокультурной системы и взаимодействием с другими культурами в рамках единого глобального пространства планеты.

Итак, при всей многозначности и сложности культурных и социальных феноменов в современных обществах, теория множественных модерностей учитывает как исторически сложившиеся культурные константы рассматриваемого общества, так и тот факт, что связность человечества как целого сложилась и осуществляется в рамках, заданных западной культурой. Таким образом, учитываются и достижения теории локальных цивилизаций, которая постулирует существование несводимых друг к другу культурных миров, и достоинства концепции глокализации, для которой национальная специфика развивается только в рамках глобального западного проекта. Достижения теории гибридизации интегрированы теорией множественных модерностей, поскольку каждая модерность развивается самостоятельно, в то же время усваивая и трансформируя элементы общества модерна, порожденного западной культурой.

Таким образом, рассмотрение сложной социокультурной системы, как на современном этапе развития, так и в исторической перспективе, требует анализа и культурного ядра социокультурной системы, и комплекса феноменов модерности как причины социокультурной динамики. Этот подход применим как к незападным социокультурным системам, так и к европейским социокультурам, породившим модерность.

Список литературы

1. **Арнасон Й.** Коммунизм и модерн / Й. Арнасон // Социологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 10–35.
2. **Бек У.** Что такое глобализация? / У. Бек; [Пер. с нем. А. Григорьев и В. Седельник; общ. ред. и послесл. А. Филиппова]. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 301 с.
3. **Браславский Р.Г.** Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных общества / Р.Г. Браславский // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет социологии; Социологический институт Российской академии наук; Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2012. – Том XV, № 6 (65), Специальный выпуск. – С. 30–49.
4. **Дианова В.М.** К построению теории межкультурного взаимодействия / В.М. Дианова // Международные отношения и диалог культур; под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – С. 11–19.
5. **Иванов А.В.** «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации / А.В. Иванов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6 (ч. 3). – С. 654–659.
6. **Кожевников Н.Н.** Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты / Н.Н. Кожевников, Н.Л. Пашкевич // Вестник ЯГУ. – 2005. – № 3. – Том. 2. – С. 111–115.
7. **Масловский М.В.** Изобретение имперской традиции и множественные модерны: очерк концепций [Электронный ресурс] / М. В. Масловский // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 6 (104). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/104/izobretenie-imperskoj-tradicii-i-mnozhestvennye-moderny-ocherk.html>
8. **Масловский М.В.** Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии / М.В. Масловский // Социологические исследования. – 2016. – №7. – С. 11–18.
9. **Межуев В.М.** Культура в эпоху глобализации / В.М. Межуев // Социокультурная антропология: история, теория и методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю.М. Резника. – М. : Академический Проект; Культура; Киров : Константа, 2012. – С. 688–694.
10. **Питерсе Я.Н.** Глобализация и культура: три парадигмы / Я.Н. Питерсе // Этнос и политика: Хрестоматия. – М. : Издательство УРАО, 2000. – С. 319 – 325.
11. **Федотова В.Г.** Модернизация и традиция / В.Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 80–91.
12. **Delanty G.** Cultural diversity, democracy and the prospects for cosmopolitanism: a theory of cultural encounters // British Journal of Sociology. 2011. – № 62(4). – P. 633–656.

Ishchenko N.S.

Theory of Multiple Moderns as an Alternative to the Globalization Model

The article seals with the alternatives to the theory of globalization: civilizational approach, glocalization, hybridization. The main drawbacks of these theories are analyzed: the fundamental impossibility for civilization to assimilate the achievements of other cultures (civilizational approach), the subordination of societies to the global system to the detriment of national interests (glocalization), the declared but not realized value of non-Western cultures in the process of cultural contact with the civilization of the West (hybridization). The theory of multiple modernities is also considered, in which the indicated shortcomings of the theories of intercultural interaction are removed while maintaining their merits: both the historically established cultural constants of the society in question are taken into account, and the fact that the connectivity of humanity as a whole has developed and is carried out within the framework set by Western culture. At the same time, the theory of multiple modernities describes the autochthonous development of societies within the framework set by their history and culture, which set the boundaries for the transformation of the institutions of modern society generated by Western culture.

Key words: globalization, modernization, linear progress, universalization, homogenization, glocalization, hybridization, multiple modernities

Исторические науки и археология

УДК 94

Муртузалиев Сергей Ибрагимович,
д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры всемирной истории
и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
msihistory2000@yandex.ru

Мусульмане в политической системе Болгарии (1944–1989)

В статье раскрывается сложное положение мусульманского населения Болгарии в период от освобождения страны от фашистского режима войсками СССР до демократической революции. Непоследовательность деятельности ЦК БКП, проведение политики «возродительного процесса» и «Великой экскурсии» – избавление от мусульман, переселение их в Турцию, привели к свержению Т. Живкова и революции 1989 г.

Ключевые слова: болгары-мусульмане, турки, политика ЦК БКП, непоследовательность, переселение, Турция.

После 9 сентября 1944 г. Болгария стала проводить новую политику, одна из проблем которой связана с почти пятивековым наследием Османской империи – значительным количеством мусульман, в большинстве своем этническими болгарами, изучение положения которых является целью статьи. Новизна работы состоит в том, что она основана на критическом анализе официальных документов и исследований болгарских авторов.

В родопских селах переворот 9 сентября прошел без особых трудностей. Новая власть сделала первые серьезные шаги для прекращения практики назначения на должности кметов (председатель городского или сельского муниципального совета) и сборщиков налогов только христиан [1 2, с. 44]. В формирующиеся городские и сельские комитеты Отечественного фронта (ОФ) в болгаро-мусульманских районах, как правило, стали включать представителей болгаро-мусульманского населения. Местные коммунисты в это время готовили кампанию против товарищества «Родина». Еще до начала кампании против товарищества и непосредственно после переворота, в процессе формирования местных комитетов ОФ и органов власти, активная часть родинцев входила в состав этих комитетов именно как представители болгаро-мусульманского населения.

17 сентября 1944 г. была провозглашена одна из задач программы ОФ: «Полная свобода вероисповедания и религиозная терпимость. Упорядочивание режима церкви и отделение церкви от государства» [2, с. 46], восстановление свободы вероисповедания и прав, особенно болгарских мусульман и евреев, которых дискриминировал прежний режим. Из-за тесной связи между товариществом «Родина» и старым государственным аппаратом для большей части болгарских мусульман восстановление религиозной свободы в тот

момент было связано с отрицанием этой организации [5, с. 211]. 10 октября 1944 г. в г. Смолян прошло собрание болгарских мусульман, которое официально заклеямило «Родину». Собрание положило начало большой антиродинской кампании, совпавшей с акцией поощрения болгарского населения по возвращению турецко-арабских имен и внешних признаков вероисповедания.

Большинство партийных и ОФ-руководителей того времени считало, что приобщение болгарских мусульман к власти необходимо проводить посредством улучшения их материального положения, обеспечения рабочими местами и пропитанием, что должно привести к уравниванию их положения с христианским населением [2, с. 47]. Уравнительное распределение продуктовых пайков среди болгар-мусульман и турок вместе с остальными болгарскими гражданами имело большое значение для привлечения этих людей в лагерь сторонников новой власти.

Болгарская Коммунистическая партия (БКП) проводила политику создания самостоятельных ОФ-организаций и комиссий из представителей различных этнических общностей – евреев, армян, цыган и др. Предпринимались шаги по учреждению такой структуры и среди мусульман. Новая власть не делала различий между турками и болгарами-мусульманами. 27 и 28 декабря 1944 г. в Софии была созвана конференция представителей турецкого населения, организованная Национальным комитетом ОФ и Главным муфтиятом, но подбор делегатов осуществлялся мечетскими попечительствами [2, с. 48]. В результате все делегаты были представителями наиболее консервативной части мусульман. Предметом обсуждения стала тяжелая жизнь до переворота 9 сентября 1944 г. и дискриминация меньшинств официальной властью, с одной стороны, а с другой – перспективы болгарских мусульман и меры для привлечения большей их части к ОФ и его политике. Было принято решение об отмене термина «болгаро-мохамедани» и замене его на «помак-мусульманин», это название было ближе народу и давало гражданские права, признание меньшинств [7, с. 88].

Поскольку в 1942-1944 гг. часть населения вынужденно изменила свои турецко-арабские имена на болгарские, в 1945 г. была внесена поправка в «Закон личности», согласно которой болгарам-мусульманам предоставлялось право по облегченной процедуре возвращать свои старые имена не судебным, а административным способом. Закон стал официальным актом, свидетельствующим о коренном изменении политики в отношении болгарских мусульман [1, с. 293].

В период с 1945 по 1947 гг. проблема болгарских мусульман была тесно переплетена с политическими процессами внутри страны, связана с формированием политической оппозиции и проведением меньше, чем за год трех последовательных выборов (XXVI съезд Народного собрания, референдум об отмене монархии и выборы в VI Народное собрание) [1, с. 244]. В этой связи отношение болгарских мусульман к сложившейся ситуации имело значение для их взаимоотношений с официальной властью. Предвыборная кампания ОФ 1945 г. совпала с влиянием греческих «меморандумов помацкого населения», выдвинувших требование о переходе обширных территорий Родоп к Греции. Выборы 1945 г. были первыми парламентскими выборами, в которых участвовали женщины-мусульманки [3, с. 107].

В 1946 г. была проведена перепись населения Болгарии. Но результаты подсчета мусульманского населения были весьма проблематичны, т.к. в инструкции к переписи не были даны точные указания относительно графы «национальность». В переписи оказалось много нестыковок. По официальным данным общее количество болгаро-мусульманского населения составляло 30,13% [9, с. 68]. Перепись стала еще одним шагом новой власти в сторону болгарских мусульман, предоставив им свободу в демонстрации их религиозных чувств и этнических предпочтений. Другим проявлением толерантности в отношении религиозных дел мусульман (в т.ч. и турок) была передача им права самим выбирать духовных руководителей – не только имамов и мулл, но и районных муфтиев.

С 1947 г. правительство начинает менять свое отношение к определенной части болгарских мусульман. В какой-то степени это было спровоцировано поведением самих болгарских мусульман, проживавших на границе с Грецией. Некоторые из них нелегально переселялись в Грецию, другие же, недовольные властью, формировали вооруженные группы сопротивления. Они же организовывали попытки бегства местного населения в Грецию.

В 1948 г. в отделах ЦК по пропаганде и агитации, занимавшихся меньшинствами, при содействии тайных служб, была разработана концепция о турках как о чуждом элементе и «пятой колонне» Турции на территории Болгарии. Миф о «пятой колонне» был обоснован на пленуме ЦК БКП. Г. Димитров заявил, что «на нашей границе живёт в сущности неболгарское население, которое представляет постоянную язву для нашей страны. Перед нами как партией и правительством стоит вопрос о том, чтобы удалить его оттуда и поселить в другом месте, а там поселить наше, собственное болгарское население» [6, с. 36].

Причиной такого решения явилось то, что еще в мае 1947 г. Турция объявила, что готова к принятию балканских турок, а чуть позже поставила вопрос о положении болгарских турок. Число пограничных инцидентов увеличивалось, а пропагандистская война разрасталась [9, с. 103–104]. Чтобы уменьшить возникшее напряжение, ЦК БКП решил выселить тех, кто желает, а в случае, если Турция откажется их принимать – не возвращать их в родные места, а поселять в Северной Болгарии. Окончательное решение о выселении турок из Болгарии было принято в 1950 г. В 1950–1951 гг. Болгарию покинули 153 998 человек. Другие 110 000 человек, получившие визы, не успели пересечь границу, т.к. она была закрыта турецкой стороной [6, с. 37–38]. Переписью 1956 г. было отмечено резкое уменьшение турецкого населения – в стране осталось только 656 025 турок (8,62% от всего населения страны) [8, с. 132].

После акции переселения БКП приняла меры для приобщения турок к коммунистической идеологии. Было решено активизировать деятельность ОФ среди турецкого населения и готовить партийные кадры. Началась публикация марксистско-ленинской литературы на турецком языке, создана система привилегий для детей «болгарских граждан турецкого происхождения». Но из-за предоставленных турецкому населению привилегий эта политика привела к дискриминации представителей других этнических групп (цыган, татар, болгарских мусульман) [4, с. 380]. Перепись 1965 г. показала

возрастание численности турок до 746 755 человек (9, 08% от всего населения страны) [6, с. 39].

Вместе с попытками приобщения турецкого населения к идеологии БКП, с 60-х годов началась идеологическая подготовка изменения политики в отношении турок с целью полной их ассимиляции. Стратегическая задача заключалась в превращении Болгарии в мононациональное государство, нация должна была стать гомогенной в идеологическом и этническом смысле [5, с. 222]. Этот антирелигиозный, болгаро-национальный курс укрепился после прихода к власти Т. Живкова в 1962 г. Последовали запреты и изменения в программах государственных турецких начальных школ, стали закрываться средние школы, уменьшалось число журналов (или их начали издавать на болгарском языке), закрывались театры, запрещалось разговаривать на родном турецком языке.

Наряду с этим официальная власть готовила новую переселенческую волну. В ней планировалось охватить две категории турок. Первая включала тех, кто не успел покинуть страну, несмотря на полученные визы, в период 1950–1951 гг. Вторая группа охватывала турок, которые не хотели «интегрироваться» в болгарское социалистическое общество. В результате, в 1969–1978 гг. выселили примерно 114 392 человека [6, с. 40].

Кульминацией насильственной политики ассимиляции было изменение имен болгарских турок зимой 1984–1985 гг. Переименование цыган, помаков проходило без серьезных сотрясений – это дало основание властям надеяться, что и с турками не будет проблем. 19 июня 1984 г. решением Политбюро ЦК БКП «О дальнейшем сплочении и приобщении болгарских турок к делу социализма, к политике БКП» было положено начало так называемого «возродительного процесса» [10, с. 89].

Сама кампания началась в декабре в Кирджалийском и Хасковском округах. Из Восточных Родоп она распространилась до Центральной и Северо-восточной Болгарии и охватила все села, населенные турками. Государство использовало различные формы натиска – устрашение административными мерами, экономический шантаж и прямое насилие. Началось поспешное изменение традиционных топонимов, запрещалось говорить на турецком языке в публичных местах, запрещалась мусульманская одежда, турецкая музыка и т.д.

28 января 1985 г. ЦК БКП провело совещание партийного актива г. София, объявившего о начале «возродительного процесса» (далее «ВЗ»), целью которого было усиление болгарского национального сознания, приобщение переименованных к болгарской нации. Во время «ВЗ» большое количество болгарских турок было арестовано и отправлено в тюрьмы и лагеря [6, с. 51]. Большинство турок, сопротивлявшихся переименованию, были образованными людьми, представителями интеллигенции.

Во время «ВЗ» имели место случаи арестов из-за совершения криминальных деяний – например, фальсификация заграничных паспортов [9, с. 195]. Турки, которые смогли избежать тюрьмы, были расселены внутри страны. После проведения «ВЗ» было дано его идеологическое обоснование. В феврале 1988 г. были представлены «Тезисы Возродительного процесса», провозгла-

сившие, что это был «процесс возрождения, очищения и подъема болгарского национального сознания» [6, с. 57]. Болгария, которая до этого признавала турок в стране как национальное меньшинство, объявила, что все мусульмане были наследниками не «колонизаторов-турок, а насильственно исламизированных в ходе турецкого рабства болгар».

БКП выдвинула тезис о роли этноса при определении идентичности. Идея о мононациональном государстве гласила: «...мера этнической принадлежности – это связь с болгарской нацией ... Болгарская нация формируется на основе этнокультурного наследия одной народности – болгарской» [6, с. 58–59]. Нация была отождествлена с доминирующим этносом, игнорировалось разнообразие этнического ее состава. Для достижения цели, создания единой болгарской нации, необходимо было доказать, что турецкое население принадлежит к болгарскому этносу. Также был выдвинут тезис о существовании двух неравномерно развивающихся частях болгарской народности – болгарской и турецкой. Поэтому «ВЗ» рассматривался как устранение всех различий, которые исторически были созданы среди болгарской нации турками. Утверждалось, что «возродительный процесс» имел этноконсолидирующую функцию среди той части болгарского народа, которая была подвергнута исламской и этнической ассимиляции. «ВЗ» был превращен в «объективное явление жизни болгарского народа, желание преодолеть последствия османского рабства и остановить разрушение болгарской национальной идентичности, проявить инстинкт самосохранения болгарской нации, сопротивление имперским амбициям соседних держав» [9, с. 190].

Исследователи указывают на ряд причин, побудивших власть к тотальной ассимиляции турецкого меньшинства: желание турок получить автономию, опасность повторения «Кипрского варианта», растущая турецкая пропаганда, разрастание исламского фундаментализма и др. Важна была демографическая ситуация – спад рождаемости болгар, тогда как среди турок и цыган прирост населения был в два раза больше – все это наметило неблагоприятную тенденцию, угрожавшую существованию болгарской нации. По мнению И. Карахасан-Чънар, истина в том, что в ходе строительства «единой социалистической нации» рано или поздно дошло бы до «болгаризации» турецкого населения [5, с. 224].

Подготовка нового выселения турецкого населения из Болгарии была начата в середине 80-х годов. Идея появилась после кампании по замене турецких имен на болгарские в конце 1984 г.– начале 1985 г. 9 мая 1989 г. Народное собрание приняло «Закон о заграничных паспортах». Согласно ему, болгарские граждане получили право покинуть страну и проживать временно или постоянно в другом государстве [10, с. 466]. 29 мая Тодор Живков объявил об открытии границы для всех болгарских мусульман, которые «хотят уехать в Турцию и жить там» [9, с. 208].

Однако летом 1989 г. руководство БКП было вынуждено на время скорректировать свою позицию в отношении переселения. Причиной стало массовое недовольство населения «возродительным процессом»: мирные демонстрации, шествия и голодные стачки в Северо-восточной Болгарии, требование возвращения турецко-арабских имен. Многие отказывались работать.

Промышленность и сельское хозяйство остались без рабочих рук. Активизировалась деятельность международной общественности, протестовавшей против ассимиляционной кампании, проводимой в отношении мусульманского населения страны.

Решение болгарского правительства об открытии границы с Турцией летом 1989 г. оказалось неожиданным. Государство сделало попытку удержать только тех турок, которые имели хорошее образование, не сопротивлялись переименованию, стремились приобщиться к социалистическому обществу и компактно жили в турецких районах. Конец «Великой экскурсии» был положен 22 августа 1989 г. Турция в одностороннем порядке закрыла границу и объявила о введении визового режима для эмигрантов из Болгарии. За два месяца Болгарию покинуло около 310–370 тысяч человек [6, с. 71].

Результаты «возродительного процесса» были многочисленны и почти все негативны не только для мусульманского населения, но и для болгарского общества в целом:

1. «ВЗ» привел к изоляции турецкой общности и обращению к ее прошлому и корням. Политическое и физическое насилие вызвало сопротивление болгарских турок, пытавшихся выяснить истину своего происхождения, вернуться к исламу и восстановить забытые традиции. Они начали не только ощущать, но и публично объявлять о своей принадлежности к мусульманской и турецкой общности.

2. «ВЗ» негативно отразился на межэтнических отношениях в стране. Большое число болгар не были согласны с политикой смены имен у турок, политические события привели к конфликту между двумя группами (болгары и турки).

3. «ВЗ» был основной причиной «Великой экскурсии» летом 1989 г. и массовой эмиграции болгарских турок в Турцию.

4. Ассимиляционная политика и явное нарушение человеческих прав в стране вызвало сопротивление в обществе, которое привело к свержению Тодора Живкова в ноябре 1989 г. и переходу Болгарии к демократическим формам правления.

Завершая, отметим, что с установлением социалистического режима были сделаны первые шаги для включения представителей болгарских мусульман в местную власть. В 1946 г. болгарским мусульманам предоставили свободу вероисповедания и этнических предпочтений. Перемены в болгарской политике в отношении национальных и религиозных меньшинств начались в 1948 г. Была разработана и утверждена концепция о турках как чуждом элементе и «пятой колонне» Турции на территории Болгарии.

С приходом к власти Т. Живкова была сформулирована стратегическая задача, заключающаяся в превращении Болгарии в мононациональное государство, которая могла быть реализована благодаря политике полной ассимиляции турок. Квинтэссенцией политики Живкова в отношении меньшинств стал так называемый «возродительный процесс», который вылился в «Великую экскурсию», приведшей к эмиграции огромного количества турок и болгарских мусульман.

Список литературы

1. **Георгиева Ц.** Помаци – българи-мюсюлмани / Ц. Георгиева // Общности и идентичности в България. – София, 1998. – С. 286–308.
2. **Груев М.** Между петолъчката и полумесеца. Българите мюсюлмани и политическият живот (1944-1959) / М. Груев. – София, 2003.
3. **Даскалова К.** Женски идентичности на Балканите / К. Даскалова. – София, 2004.
4. **Желязкова А.** Турци / А. Желязкова // Общности и идентичности в България. – София, 1998. – С. 371–397.
5. **Карахасан-Чънар И.** Етническите малцинства в България (история, култура, религия, обреден календар) / И. Карахасан-Чънар. – София, 2005.
6. **Маева М.** Българските турци-преселенци в република Турция (култура и идентичност) / М. Маева. – София, 2006.
7. **Райчевски С.** Българите мохамедани / С. Райчевски. – София, 1998.
8. **Стоянов, В.** Турското население в България между полюсите на етническата политика. – София, 1998.
9. **Стоянов В.** Турците в България / В. Стоянов // Връзки на съвместимост и несъвместимост между християни и мюсюлмани в България. – София, 1996.
10. **Ялъмов И.** История на турската общност в България / И. Ялъмов. – София, 2002.

Murtuzaliev S.I.

Muslims in the political system of Bulgaria (1944–1989)

The article reveals the difficult situation of the Muslim population of Bulgaria during the period from the liberation of the country from the fascist regime by the troops of the USSR to the democratic revolution. The inconsistency of the activities of the Central Committee of the BCP, the implementation of the policy of the “revival process” and the “Great excursion” - getting rid of Muslims, resettling them to Turkey, led to the overthrow of T. Zhivkov and the 1989 revolution.

Key words: Muslim Bulgarians, Turks, BKP Central Committee policy, inconsistency, resettlement, Turkey.

УДК [94:272/273](497.5) – 048.87 «1941/1945»

Ищенко Валентина Владимировна,
канд. ист. наук, доцент кафедры
всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
beauty_v@ukr.net

Идеологическое и практическое сотрудничество католической церкви с хорватскими усташами

В статье исследованы место католической церкви в усташской идеологии и ее роль в практическом применении основных усташских идей в период существования Независимого государства Хорватия. Освещена эволюция отношения католического клира к политике усташей, а также определена позиция церкви в вопросе проведения этнорелигиозной унификации Хорватии.

Ключевые слова: усташи, НГХ, католическая церковь, этнорелигиозная унификация, радикальный национализм.

Католическая церковь всегда играла важную роль в судьбе хорватского народа. Потеряв собственную государственность еще в период Средневековья, хорваты научились сохранять и отстаивать свою национальную идентичность. В этом контексте именно католичество стало для них ключевым элементом в подтверждении самобытности в период существования централизованного Королевства сербов, хорватов и словенцев и Югославии. При становлении Независимого государства Хорватия (далее – НГХ), которое стало результатом деятельности профашистской организации усташей, в официальных документах католическая вера фигурировала как определяющий маркер принадлежности того или иного гражданина к хорватскому народу. Именно поэтому для понимания внутренней политики НГХ необходимо определить роль католической церкви в становлении и легитимации режима, а также ее отношение к этническим чисткам в Хорватии в период 1941–1945 гг.

Историография проблемы начала формироваться сразу после ликвидации НГХ и эмиграции сторонников усташей за пределы Хорватии. Хорватская националистическая эмигрантская историография не уделяла существенного внимания исследованию места и роли католической церкви в Хорватии указанного периода. Отмечалось огромное влияние церкви на формирование хорватского национального сознания, однако клерикальный характер усташской диктатуры отрицался [2; 8]. Первые научные публикации по этой проблематике появились в социалистической Югославии. Особо стоит отметить работу В. Новака «Магнум кримен. Полстолетия клерикализма в Хорватии», в которой автор обобщил большое количество источников [4]. Он представил хорватский религиозный фанатизм как основной фактор сербофобской политики усташей и инструмент контроля со стороны Ватикана над хорватской территорией. Историография проблемы в Республике Хорватия после 1991 г. отличается многовекторностью и основывается на теоретико-методологи-

ческом инструментарии хорватской эмиграции. Для нее характерны приуменьшение масштабов геноцида сербов, оправдание внутренней и внешней политики НГХ и др. [3]. В 1996 г. в Загребе были опубликованы архивные материалы, касающиеся архиепископа А. Степинаца и политики Ватикана в НГХ, которые во многом ставят под сомнение концепцию клерофашизма. Следует отметить работы А.Ривели «Архиепископ геноцида» [9], Д. Бартона «Хорватия 1941–1945» [1], в которых авторы сделали попытки продемонстрировать не только жестокую религиозную политику усташей, но и отметили эффективность работы усташского правительства в военное время. Таким образом, в историографии сложилось несколько противоположных взглядов на место католической церкви в НГХ, что требует осуществления непредвзятого анализа свидетельств источников и уточнения достижений мировой исторической мысли.

Католическая церковь представляла собой олицетворение национальной идентичности хорватов в противовес православным сербам. Принадлежность хорватов к католической церкви была воплощением принадлежности этого народа к европейской цивилизации, что лидерами усташского движения позиционировалось как прогрессивная позиция по сравнению с православной цивилизацией. Антагонизм между православием и католичеством имеет мировоззренческие корни, сущность его заключалась в стремлении католической церкви построить идеальное общество на земле. Свои истоки это стремление имело в позднеримскую эпоху и были воплощены в иерархии католической церкви, во главе которой находится одна непогрешимая личность. Попытки перенести подобное устройство на все общество периодически случались в истории католицизма и ранее, но в случае Независимого государства Хорватия причины такого колоссального влияния католической церкви кроются не только в тоталитарной сущности его организации, но и в социально-экономических факторах.

В составе Королевства СХС / Югославии хорватские земли были наиболее экономически развитым регионом, ведь на этих территориях концентрировалось около 70% всей промышленности страны, а банки Хорватии были тесно связаны с финансовыми структурами большинства развитых европейских государств и были самыми крупными в Королевстве. Однако это утверждение касалось, прежде всего, городов, расположенных на Адриатическом побережье. Остальные территории Хорватии и особенно Боснии, входившей в состав НГХ, принадлежали к сельскохозяйственным регионам. Общество сохраняло много традиционных черт, основной из которых был высокий авторитет церкви. Политическое устройство Королевства СХС, при котором основные должности в центральном аппарате власти занимали представители сербского народа, приводило к тому, что во всех социально-экономических проблемах обвинялись именно сербы, сербская власть. В условиях многонационального государства это приводило к росту радикального национализма.

Хорватский национализм зародился еще в конце XIX в. в виде Чистой партии права, которая первоначально возглавлялась Й. Франко, а с 1915 г. – А. Павеличем [7, с. 125]. Центральной позицией в программном документе партии было стремление к предоставлению Хорватии независимости на ос-

новании существования такого государства в эпоху Средневековья. Эта политическая организация действовала легальными методами, однако имела явно выраженную антисербскую направленность, что, кстати, вполне отвечало австро-венгерской внешней политике. Особенностью хорватского национализма также была терпимость к евреям, что объяснялось еврейским происхождением большинства его идеологов. Однако после провозглашения НГХ репрессии против еврейского населения проводились очень активно, и это было тесно связано с давлением гитлеровской Германии на руководство марионеточного государства.

Радикализация хорватского националистического движения приходится на 1929 г., период установления в Королевстве СХС личной диктатуры короля Александра Карагеоргиевича: А. Павелич, который был сторонником независимости хорватского народа и противником диктатуры короля Александра, эмигрировал в Австрию, потом в Болгарию, а оттуда – в Италию, где получил поддержку своей деятельности со стороны дуче Б. Муссолини. Таким образом, будущий лидер усташей налаживал связи с теми политиками-эмигрантами, которые поддерживали идею создания независимой Хорватии. В частности, в Вене А. Павелич встретился с группой «франковцев», среди членов которой выделялись активной позицией генерал С. Саркотич, офицеры бывшей австро-венгерской армии И. Перчевич и С. Дуич. Именно они стояли у истоков широкого движения в Австрии и Венгрии против создания Королевства СХС. Центром этого движения был Хорватский эмигрантский комитет во главе с И.Франком, сыном известного «франковца» Й.Франка [1, с. 212].

Результатом пребывания А. Павелича в Болгарии стало появление «Декларации» о дальнейшей совместной работе хорватских и македонских сепаратистов ради установления «народных законов» и достижения политической свободы Хорватии и Македонии [6, с. 117]. Вскоре об этом стало известно Белграду, поэтому политик был вынужден покинуть Софию и отправиться в Италию. Там хорватские усташи во главе с А. Павеличем приступили к созданию небольших военных формирований, члены которых осуществляли террористические акты против центральной власти в Югославии. Постепенно, благодаря финансовой поддержке итальянских властей, усташи организовали специальные лагеря для проживания и тренировок. Уже в 1929 г. А. Павелич создал новую организацию – Усташа – хорватское освободительное движение, в состав которой вошли хорватские эмигранты из разных европейских стран, которых на итальянской земле объединяла общая цель.

Главная задача организации была отражена в конституции движения, принятой на основе положений программы Чистой партии права – при помощи вооруженного восстания освободить хорватские земли для дальнейшего независимого существования в пределах исторических границ [5, с. 45]. Отстаивая политические права хорватов, усташи провозглашали: «...мы отстаиваем хорватскую государственную самостоятельность и боремся, чтобы в Хорватии господствовал только хорватский народ...» [5, с. 45]. Они считали свою борьбу неразрывно связанной с Божьим благословением, а в присяге, которую давал каждый член движения, звучало: «Клянемся Богом и всем святым, что...будем выполнять все указания Поглавника... и хранить тайны...

Пусть Бог поможет нам!» [5, с. 46]. Однако стоит отметить, что на этом этапе своей деятельности члены движения не были сторонниками клерикального направления – католическая вера воспринималась ими как основной признак принадлежности к хорватскому народу и не более того. На это время приходится и широкое привлечение к хорватскому националистическому движению и деятелей католической церкви. Это проводилось в форме агитационной работы со студентами католических учебных заведений или монахами – выходцами из Хорватии. Экономический кризис 30-х гг. прошлого века подготовил почву для восприятия ими праворадикальных идей [9, с. 58].

Усташи не принимали господства на своей Родине сербской власти. Подтверждением этому служит обнародованный в 1933 г. А. Павеличем документ под названием «Принципы хорватского усташского движения», в котором акцентировалось внимание на историческом праве хорватского народа на проживание в независимом государстве [3, с. 68]. Автор утверждал, что хорваты всегда были свободным народом, создав свое государство в то время, когда другие народы были раздроблены и неорганизованны. Хорватское государство всегда обеспечивало благополучие своим гражданам, каждый хорват чувствовал поддержку власти. Особого внимания заслуживало крестьянство как основа всего существования государства [4, с. 53]. Этим документом усташское руководство в который раз засвидетельствовало серьезность своих намерений в деле отстаивания своих прав и выделения этнических хорватских земель в целостное самостоятельное государство. Опираясь на поддержку фашистов Италии, хорватские усташи пытались наладить связи и с Германией для усиления своих позиций и распространения националистических идей, но ни одно немецкое ведомство не обратило внимания на малочисленную хорватскую организацию.

С 1937 г. началось постепенное возвращение в хорватские земли крайне правых деятелей движения – М. Будака, Ю. Францетича, Й. Милковича и др. Для организации их деятельности глава усташского движения А. Павелич написал специальные «Правила» по организации и дальнейшей деятельности усташских формирований [5, с. 46]. Документ был составлен в 1938 г., и на его страницах четко обозначены главные задачи усташей, методы их борьбы, цель и способы ее достижения: «...усташи имеют задачу всеми способами... освободить Хорватию, чтобы она стала самостоятельной...на всем историческом пространстве» [11, с. 225]. Кроме того, был прописан состав движения, условия присоединения к нему и организационная структура усташских организаций. Таким образом, с помощью этого документа усташский лидер стремился консолидировать и структурировать хорватских повстанцев, имея целью достижение полной независимости хорватских земель.

С 1940 г. деятельность усташей активизировалась, что было связано с успешным ходом военных действий их главных союзников – Италии и Германии. Так, в ноябре из Сплита к руководству недавно созданной Хорватской Бановины поступило сообщение о необходимости усиления охраны приграничных с Италией территорий в связи с ввозной угрозой нападения усташей [7, с. 280]. Поэтому перед властями автономии встала задача любыми способами предотвратить деятельность усташей. Следует отметить, что

разведка Бановины работала достаточно хорошо, поскольку руководство имело подробную информацию о каждом из 839 членов усташских организаций, которые находились в Италии в 1940 г. [7, с. 282].

Для координации и поддержки тех усташей, которые подпольно действовали на территории Бановины, А. Павелич издал «Воззвание к Родине», в котором указывалось, что главной целью организации остается освобождение страны, которое состоится с помощью союзников [4, с. 61]. Для этих надежд были основания: зимой 1940 г. Б. Муссолини предложил А. Павеличу разработать совместный план раздела королевства Югославия, создав из части ее территории независимое государство Хорватия под итальянским протекторатом. В начале апреля 1941 г. он уже возглавил правительство НГХ.

Стоит отметить, что за исключением цели приобретения независимости и призыва к католическому интегрализму, усташское движение не имело четкой политической программы. Этот пробел заполнил Поглавник в качестве диктатора и премьер-министра НГХ путем создания «программы намерений»: деятельность государства должна быть направлена на превращение Хорватии в родину чистого душой и телом народа, лишённого расовых примесей и очищенного от личностей, далеких от католических идей. Хорватское государство, которым А. Павелич собирался руководить, насчитывало около 6,5 млн. жителей, из них примерно 2 млн. были православными сербами и 90 тыс. – евреями [1, с. 238].

Принципиальным вопросом для усташской диктатуры было истребление сербов. Последние считались нацией, которая могла «осквернить» чистую хорватскую расу; это были православные раскольники, противники римской церкви. Уже 18 апреля 1941 г. Поглавник издал первые постановления расистского содержания: они предусматривали назначение государственных комиссаров на частные предприятия, принадлежащие сербским или европейским предпринимателям, и конфискацию всех их автотранспортных средств. В этот же день было распространено и другое распоряжение Центрального усташского управления (временное название будущего Министерства внутренних дел), которое предусматривало «арест всех сербов и всех евреев, известных своими связями с коммунистами, даже на основании одних лишь подозрений» [6, с. 191].

Постановление правительства, изданное 25 апреля 1941 г., запрещало «использование кириллицы как в частной, так и в общественной жизни». Через пять дней после этого указом «О защите арийской расы и чести хорватского народа» была основана комиссия по расовой политике, уполномоченная принимать и изменять решения во всех случаях сомнительной расовой принадлежности. Этим указом предусматривалось общественное распознавание расово-религиозной принадлежности путем обязанности сербов носить нарукавную нашивку синего цвета с буквой «П», а евреев – звезду Давида [6, с. 198].

После того, как все политические партии были провозглашены незаконными, их лидеры были арестованы и отправлены в концлагеря. Была ликвидирована свобода печати: разрешенными информационными изданиями оставались лишь усташские и католические газеты [11, с. 230]. Католическая религия была провозглашена официальной государственной религией. В НГХ

право голоса имели только два органа: усташское правительство и католическая церковь. Именно с этого времени усташское руководство все больше склоняется к клерикализму как единственно истинному пути развития национального государства.

Расовая программа Поглавника была изложена и подтверждена на всех уровнях усташской власти при полном молчании хорватской католической церкви. Все подразделения усташских силовых структур имели в распоряжении католических священников; некоторые из них, хоть и носили сутану, лично принимали участие в массовых убийствах; другие ограничивались тем, что оправдывали этнорелигиозные массовые казни тем, что они осуществлялись во имя Бога. Военных священников было немного, и они подчинялись военному папскому викарию, то есть А. Степинацу. Поддержка архиепископом А. Степинацем усташской диктатуры воплотилась также в попытках добиться дипломатического признания НГХ со стороны Ватикана. Однако этого не произошло: Ватикан отказался официально признавать государство с незавершенным военным конфликтом. Хотя все же фактическое признание состоялось – А. Павелич был принят папой Пием XII [12, с. 85].

Таким образом, католическая церковь, как в Хорватии, так и в Ватикане, поддержала усташскую диктатуру. Следует отметить, что католические круги боснийских территорий, которые стали частью НГХ, проявляли значительно больше радикализма в своих высказываниях и действиях, чем их хорватские единомышленники. Это было связано с полирелигиозностью местного населения, что порождало постоянную конкуренцию между разными конфессиями и желание утвердить ведущей собственную религию.

Хорватская власть активно поддерживала переход сербов из православия в католичество. А. Степинац считал раскол христианства проклятием Европы, в чем его поддерживали не только другие иерархи католической церкви, но и руководители НГХ. 30 июля 1941 г. был издан отдельный закон о переходе в католичество и создана специальная комиссия для этих целей во главе с личным капелланом А. Павелича. Перекрещивали в основном малограмотных крестьян, ведь образованные сербы считались носителями сербского национального сознания и не могли стать настоящими хорватами [9, с. 181].

Согласно докладу архиепископа А. Степинаца римскому папе, на 8 мая 1944 г. 240 тыс. сербов перешли в католичество, хотя Сербская православная церковь называла число в 350 тыс. за весь период войны [8, с. 310].

В то же время в личном общении с лидерами государства католические иерархи высказывали недовольство проведением этнорелигиозных чисток, осуждая создание концентрационных лагерей для сербов и евреев. А. Степинац, по некоторым сведениям, пытался прекратить массовые убийства, понимая, что они дискредитируют процесс добровольного перехода сербов в католичество. В июне 1943 г. архиепископ даже публично выступил против незаконного преследования православных жителей Хорватии [8, с. 312]. В то же время А. Степинац неоднократно оправдывал усташский режим перед папой римским.

Таким образом, сопоставление фактов дает основания сделать следующие выводы. Идеология и внутривластная практика усташского движения находились под существенным влиянием религиозного фундаментализма.

ма. Это влияние было обусловлено как той ролью, которую играла католическая церковь в сохранении хорватской национальной идентичности, так и политическими устремлениями лидеров усташей с помощью ассоциирования себя с католической церковью, чтобы обеспечить легитимацию политического режима, установленного благодаря иностранным силам. Без участия последних усташа не имели шансов на победу, подтверждением чего являются неудачные попытки поднять народное восстание в середине 30-х гг. прошлого века. В то же время сама католическая церковь в лице ее высших иерархов поддерживала становление НГХ как воплощение хорватской национальной идеи. Отношение церкви к этнорелигиозным чисткам против сербов и евреев было неоднозначным. Отдельные деятели полностью поддерживали такие действия и даже лично принимали участие в массовых казнях. Позиция высших иерархов была более умеренной: они открыто не связывали себя с подобными акциями, но и не высказывались публично против них. В общей сложности католическая церковь полностью поддерживала курс на этнорелигиозную унификацию НГХ, иногда высказывая недовольство только методами проведения усташской политики. Основной причиной такой позиции была тесная связь клира с хорватским национальным движением, которая прослеживается до самого краха режима 8 мая 1945 г.

Список литературы

1. **Беляков С.С.** Усташа: между фашизмом и этническим национализмом : монография / С.С. Беляков. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2009. – 320 с.
2. **Волков В.Н.** Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы / В.Н. Волков. – М. : Наука, 2000. – 368 с.
3. **Петрович Р.** Геноцид с благословения Ватикана / Р. Петрович. – Нижний Новгород : Слово, 1999. – 212 с.
4. **Ривели М.** Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945 / М. Ривели. – М. : Иностранная литература, 2011. – 224 с.
5. **Романенко С.А.** Великохорватская национальная идеология в начале XX века / С.А. Романенко // Славяноведение. – 1998. – № 5. – С. 24–37.
6. **Ромов Р.Б.** Усташа: Теория и практика борьбы за национальные интересы / Р.Б. Ромов // Югославянская история в новое и новейшее время: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). – М. : Наука, 2002. – С. 223–233.
7. **Barton D.** Croatia 1941–1946 / D. Barton. – Zagreb : Naklada Pavicic, 1993. – 342 p.
8. **Boban L.** Hrvatska u arhivima izbegličke vlade. 1941–1943: Izvještaji informatora o prilikama u Hrvatskoj / L. Boban. – Zagreb: Golden marketing, 1985. – 515 s.
9. **Живојиновић Д.Р.** Ватикан, католичка црква и југословенска власт. 1941–1958 / Д.Р. Живојиновић. – Београд : Nova knjiga, 1994. – 446 с.
10. **Matkovic H.** Povijest Nezavisne Drzave Hrvatske / H. Matkovic. – Zagreb : Naklada Pavicic, 2002. – 332 s.

11. **Novak V.** Magnum crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj / V. Novak. – Beograd : Nova knjiga, 1986. – 118 s.
12. **Ustav Ustaše**, Hrvatske Revolucionarne organizacije // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. – Zagreb, 1995. – S. 45–47.

Ischenko V.V.

**Ideological and Practical Cooperation of the Catholic Church
with Croatian Ustashes**

The article examines the place of the Catholic Church in the Ustash ideology and its role in the practical application of the main Ustash ideas during the existence of the Independent State of Croatia. The evolution of the attitude of the Catholic clergy to the policy of the Ustasha is highlighted, as well as the position of the church on the issue of ethno-religious unification of Croatia.

Key words: *Ustashi, ISCr, Catholic Church, this religious unification, radical nationalism.*

УДК 94 [(470+571): 55] “180/183”

Саидов Зиявудин Абасович,
канд. ист. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой всемирной истории
и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ziyavudin59@mail.ru

Корниловский Алексей Сергеевич,
ст. преподаватель кафедры
всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
akornils@yandex.ru

Царская Россия и иранские курды в первой трети XIX столетия (из военно-политической истории)

В статье рассматриваются основные аспекты становления взаимоотношений царской России с курдскими племенами Ирана в первой трети XIX столетия. На основе изучения источников и научной литературы была предпринята попытка комплексного исследования российско-курдских военно-политических связей того периода. Особое внимание уделено участию курдов в русско-иранских войнах начала XIX в.

Ключевые слова: Россия; курды; Иран (Персия); Закавказье; русско-иранские войны.

Драматические события гражданской войны в Сирии вновь привлекли внимание международной общественности к одной из самых сложных проблем современной мировой политики – курдскому вопросу. Он возник на Ближнем Востоке более двухсот лет назад, но не потерял своей остроты и в наше время. В его основе лежит стремление более чем 35-миллионного курдского народа, территория исконного обитания которого в силу различных причин оказалась разделённой между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией, к национальному самоопределению и независимости. Игнорирование этнической идентичности курдов правящими режимами стран их компактного проживания и вызванная этим необходимость защиты курдским населением своих законных прав оказывают серьёзное дестабилизирующее воздействие на обстановку во всей Западной Азии.

В настоящий момент курдский вопрос остаётся ключевой внутриполитической проблемой для всех без исключения выше перечисленных государств региона. Вместе с тем, он непосредственным образом затрагивает и геополитические интересы великих держав, в том числе и Российской Федерации, которая в реализации своего внешнеполитического курса на ближневосточной арене так или иначе вынуждена взаимодействовать с курдами. В этих условиях обращение к уже имеющемуся историческому

опыту взаимоотношений России с курдами приобретает несомненное научное значение.

История российско-курдских отношений получила достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. Среди учёных, занимавшихся разработкой данной темы, можно назвать Н.А. Халфина, М.С. Лазарева, Х.М. Чатоева, О.И. Жигалингу, Р. Олсона, М.А. Рейнольдса и других авторов. Однако анализ существующей литературы свидетельствует о том, что вопросы, связанные с зарождением и развитием военно-политических контактов царской России с иранскими курдами в первой трети XIX столетия, практически не рассматривались. Всё это делает необходимым проведение дальнейших исследований в этом направлении.

С конца XVIII в. наблюдается процесс активного продвижения Российской империи в Закавказье. Присоединив Грузию (в 1801 г.), Иметрию, Мингрелию и Гянджинское ханство (в 1804 г.), Россия не только окончательно отодвинула свою южную границу за Главный Кавказский хребет, но и вплотную приблизилась к курдским владениям шахского Ирана, войдя тем самым в прямое соприкосновение с подвластными Тегерану курдскими племенами.

В этот период курды интересовали царское правительство исключительно с военной точки зрения. Не прекращавшиеся на протяжении всей первой трети XIX в. войны между Россией и Ираном из-за господства на Южном Кавказе поставили вопрос и об участии в них иранских курдов, земли которых примыкали к основным театрам военных действий. В ходе этих вооружённых конфликтов российские правительственные круги стремились заручиться содействием курдов и привлечь их на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать их.

Начало официальным контактам российских представителей с курдскими старшинами было положено в 1804 г. во время русско-иранской войны 1804–1813 гг. На этом этапе, прежде всего, имели место переговоры с главами курдских племён, обитавших вблизи русской границы. При этом российские военачальники первостепенное значение придавали установлению прочных связей с курдами Эриванского ханства, вожди которых предоставили свои конные отряды в распоряжение местных персидских властей.

Так, уже летом 1804 г. главнокомандующий в Грузии князь П.Д. Цицианов, готовясь к осаде Эривани, вступил в переписку с предводителем эриванских курдов Хусейн-агой. В своём письме от 24 июля 1804 г. Цицианов предлагал Хусейн-аге перейти на сторону России и принять её подданство. Он обещал курдскому вождю сохранить за ним все его права и привилегии [1, т. 2, с. 617]. Однако Хусейн-ага не ответил на эти предложения.

Не добившись благоприятных результатов от своих обращений к эриванским курдам, П.Д. Цицианов стал «угрожать им силой оружия» [2, с. 14]. Под давлением этих угроз курды оставили эриванского сердара и прекратили враждебные действия против российских войск. Но, вместе с тем, они не переходили и на сторону России, так как не были твёрдо уверенными в её победе над Персией. Тем не менее, подобные сношения принесли российскому командованию определённую пользу, заставив на время бездействовать многочисленную курдскую конницу.

Однако развить успех Цицианову не удалось. Вследствие непростых климатических условий, эпидемий, отсутствия тяжёлых орудий в сентябре 1804 г. он был вынужден снять осаду Эривани и отступить в Грузию. После отступления русских от Эривани курды, как свидетельствует источник, «снова помирились с эриванским ханом» [1, т.2, с. 913].

В следующем, 1805 г., П.Д. Цицианов приступил к покорению Карабахского и Шекинского ханств. Для защиты кавказской границы от возможных нападений неприятеля со стороны Эриванского ханства в Грузию был оставлен небольшой военный контингент (два неполных пехотных полка) под командованием генерал-майора П.Д. Несветаева, которому Цицианов поручил вести переговоры с курдами.

В течение всего 1805 г. Несветаев предпринимал неоднократные попытки склонить эриванских курдов к союзу с Россией. Но они также не имели успехов. Сам П.Д. Несветаев объяснял причины неудач русской политики по отношению к курдам тем, что российским войскам так и не удалось захватить Эривань в 1804 г. В донесении от 24 октября 1805 г. князю Цицианову он отмечал: «Касательно соединения куртинцев с эриванским начальником Мехти Кули-ханом..., то их принудило дотоле рабелепствовать Эривани, пока она нами не будет занята, ибо здешние народы предаются по обстоятельствам» [1, т. 2, с. 171].

Действительно. Курдские вожди вели переговоры с Несветаевым и давали ему разнообразные обещания лишь до тех пор, пока были уверены во вторичном наступлении царской армии на Эривань. Но так как этого не произошло, то они снова стали собирать свои отряды и совершать нашествия на приграничные селения российского Закавказья, а также соседнего турецкого Карсского пашалыка, с правителем которого Мамед-пашою Цицианов поддерживал дружественные отношения [1, т.2, с. 862].

Убедившись окончательно во враждебной позиции иранских курдов, П.Д. Цицианов приказал генералу Несветаеву «действовать против них оружием» [1, т. 2, с. 1032]. Осенью 1805 г. Несветаев совершил ряд карательных экспедиций в пределы Эриванского ханства и особенно жестоко расправился с курдами в начале ноября 1805 г.

С небольшим отрядом (500 пехотинцев, 180 казаков при 22 орудиях) он 7 ноября выступил из Грузии в направлении Гечильского укрепления, захваченного курдами, и на рассвете 8 ноября овладел им. Затем Несветаев направил свой отряд на Амарат, «важное сердце курдистанского населения». Однако слухи о чуме заставили его прекратить поход и отойти в Грузию [3, с. 433]. На обратном пути около 3 тыс. конных курдов пытались атаковать малочисленный русский отряд, но «огонь артиллерии всякий раз отбивал их, нанося большие потери» [1. т. 2, с. 630–631].

Эта и другие подобные ей карательные экспедиции имели для России огромное значение. После ряда серьёзных поражений иранские курды, по словам видного российского военного историка генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова, «были вынуждены прекращать свои набеги в наших пределах» [2, с. 17].

Приемник П.Д. Цицианова граф И.В. Гудович, ведя войну против Персии, также пытался заручиться содействием курдских племён. Первоначаль-

ные сношения Гудовича с курдами в 1807 г. имели своим следствием то, что когда в 1808 г. русская армия во второй раз осадила Эривань, значительная часть курдов заняла выжидательную позицию, откочевав на правый берег Аракса.

В октябре 1808 г. И.В. Гудович направил три письма предводителю эриванских курдов Хусейн-аге и его соправителю Абдул-аге, приглашая их прибыть в его лагерь под Эриванью и открыто присоединиться к России. Он гарантировал курдским вождям «полную безопасность, оставление власти над курдами в их руках» и даже «возвращение им тех деревень, которые были захвачены неприятелем за Араксом» [1, т. 3, с. 247, 249]. Курдские старшины, изъявляя через посредников свою преданность царскому правительству, в ставку Гудовича, однако, не явились. Тем не менее, подвластные им племена «оставались в полном бездействии», что во многом обеспечило безопасность тыловых коммуникаций русской армии в Закавказье [1, т. 3, с. 258].

Потерпев неудачу при генеральном штурме Эривани 17 ноября 1808 г. И.В. Гудович снял осаду города и отошёл на зиму в Грузию. С уходом российских войск из Эриванского ханства влияние России на местных курдов на время было утрачено.

Следующие, после Гудовича, главнокомандующие на Кавказе – генерал от кавалерии П.А. Тормасов (с 1809 г.), маркиз Ф.О. Пауллуччи (с 1811 г.) и генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев (с 1812 г.) продолжали поддерживать тесные отношения с иранскими курдами. Общий характер этих отношений оставался таким же, как и при князе П.Д. Цицианове и графе И.В. Гудовиче. Курдским вождям предлагали добровольный переход в русское подданство с сохранением за ними всех их привилегий и земель. Без крайней необходимости старались не раздражать курдские племена военными действиями. Но в то же время российские военачальники не оставляли без сурового наказания ни одного их вторжения и грабежа на территории Российской империи.

В целом подобная политика вполне достигла желательной для России цели. Курды, хотя и не переходили в русское подданство, старались избегать столкновений с российскими воинскими частями. Более того, в этот период среди части иранских курдов обозначилась тенденция к сотрудничеству с царским правительством и оказанию ему посильной военной помощи. Так, например, ещё в 1806 г. в составе Шекинской конницы курдские всадники участвовали в покорении Кубинского ханства, а в мае 1812 г. в отражении персидского вторжения на Карабах. В октябре 1812 г. совместно с войсками генерала П.С. Котляревского курды приняли участие в разгроме основных сил персидской армии в битве при Асландузе [1, т. 5, с. 682, 684–685, 690].

В это же время отдельные приграничные с Россией курдские племена стали выражать стремление к переходу в русское подданство. Так, в конце 1807 г. около 600 курдских семей обратились к кавказским властям с просьбой разрешить им переселиться в пределы Закавказья. О своей готовности признать над собой верховенство российского правительства заявили также курды Карадага [1, т. 3, с. 433].

Однако нередкими были случаи нападений иранских курдов на российскую территорию. Это вынуждало российских военачальников применять по

отношению к иранским курдам карательные меры. Наиболее эффективным способом обеспечения безопасности закавказских владений царской России от вторжений курдов оказались экспедиции российских войск в район курдских кочёвок, сопровождавшиеся разорением и уничтожением всего принадлежавшего им имущества [2, с. 22–23].

В результате военных поражений Персии в русско-иранской войне 1804–1813 гг. Россия значительно усилила свои позиции на Кавказе. В сентябре 1813 г. по инициативе шахского правительства между главнокомандующим иранской армией наследным принцем Аббасом-мирзою и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ртищевым начались переговоры по поводу заключения мирного договора. Они завершились 12 октября 1813 г. подписанием так называемого Гулистанского трактата. По условиям этого соглашения к Российской империи наряду с другими землями отходило также Карабахское ханство [4, с. 104], среди населения которого были в том числе и курды.

Русско-иранская война 1804–1813 гг. не разрешила острых противоречий между Россией и Ираном в закавказском регионе. Персидские правительственные круги не примирились с потерей значительных территорий. Подстрекаемая английскими дипломатами, Персия готовилась к новой войне с Россией. В июне 1826 г. 60 тыс. иранская армия, нарушив условия Гулистанского соглашения, внезапно напала на Карабахское ханство, намереваясь одним мощным ударом покончить с русским господством на Кавказе.

Во второй русско-иранской войне 1826–1828 гг. ослабевшая персидская монархия не могла уже в полной мере рассчитывать на поддержку курдов, так как ещё до начала войны многие курдские племена восстали против Ирана. Например, в 1817–1818 гг. крупное племя бильбасов, обитавшее в Северо-Западной Персии, открыто выступило против шахского правительства и отложилось от него. Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А.П. Ермолов заинтересовался этим восстанием и поручил чиновнику Алиханову, отправленному в Тегеран, собрать о нём подробные сведения [1, т. 6, ч. 2, с. 207]. В 1825 г., то есть непосредственно перед началом войны с Россией, восстали курдские племена в районе Сулеймании. Для их усмирения Аббасу-мирзе пришлось направить 3 тыс. сарбазов [1, т. 6, ч. 2, с. 317].

Накануне открытия военных действий иранским военачальникам удалось собрать лишь незначительные контингенты курдских племенных ополчений, не более 5 тыс. человек. Тем не менее, эриванские и некоторые другие приграничные курдские племена в отдельных случаях сражались неплохо и наносили поражение царским войскам. Так, в июле 1826 г. эриванский сердар Хусейн-хан Каджар, «предводительствуя сильными партиями местных курдов», совершал неоднократные нападения на российские владения в Закавказье и даже разорил немецкую колонию Екатеринфельд, находившуюся всего в 60 вёрстах от Тифлиса. Русские сторожевые отряды, разбросанные на постах вдоль всей кавказской границы, несмотря на героическое сопротивление, были вынуждены отступать, неся большие потери [2, с. 33–34].

В начале сентября 1826 г. около 3 тыс. вооружённых курдов вторглись в Лорийскую степь, разграбив несколько местных селений. В первой половине 1827 г. курды продолжали оказывать содействие эриванскому хану в борьбе

против России. Так, в апреле 1827 г. у селения Ай-Гланлу курды нанесли поражение сильному русскому отряду [2, с. 34–36].

Однако в дальнейшую кампанию курдская конница вела себя пассивно. Курдским ополченцам было трудно противостоять царской армии, вооружённой более совершенным огнестрельным оружием и, в первую очередь, артиллерией. Кроме того, у курдов не было стимулов сражаться за чуждые им интересы персидского правительства. Малорелигиозные курдские племена не воодушевлялись лозунгами защиты мусульманской веры, которые выдвигали иранские власти. Во время вооружённого столкновения царской России с шахским Ираном курдские воины, прежде всего, защищали свои стада, земли и имущество.

Во второй половине 1827 г. в русско-иранской войне 1826–1828 гг. произошёл перелом в пользу России. 1 октября 1827 г. после многомесячной осады российской войска захватили Эривань. Тем самым был ликвидирован важнейший опорный пункт Ирана на границе русских владений в Закавказье. Русские войска вступили в Иранский Азербайджан. В середине октября 1827 г. они овладели Тавризом – главным административным центром всей Северо-Западной Персии.

По мере военных неудач шахской армии некоторые курдские старшины вновь стали обращаться к царским генералам с предложениями о сотрудничестве. В частности, ещё до падения Эривани часть иранских курдов во главе с Джафар-ханом перешли на сторону России, оказав ей существенную военную помощь [5, с. 72]. В рядах российских войск воевали также курды из племени думбули под руководством Кялб Али-хана. После того, как весной 1828 г. русскими воинскими частями был занят город Хой, он был назначен его правителем [5, с. 73].

Военные поражения заставили персов обратиться к России с просьбой о начале проведения мирных переговоров. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, по условиям которого к Российской империи отошло Эриванское ханство [4, с. 140]. Это значительно увеличило численность подвластного ей курдского населения.

Итак, в первой трети XIX столетия происходит становление военно-политических контактов царской России с курдскими племенами шахского Ирана. В ходе двух русско-иранских войн 1804–1813 и 1826–1828 годов были выработаны основные методы и средства взаимодействия российского правительства с иранскими курдами. Российским властям удалось приобрести определённое влияние на курдов, что в значительной мере обеспечило победу России в противостоянии с Персией.

Список литературы

1. **Акты, собранные** Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. 2–6 / Издан под ред. председателя Комиссии д. с. с. А. Берже. – Тифлис: типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1868 – 1875.
2. **Аверьянов П.И.** Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персид-

- ских и русских курдов. Исторический очерк / П.И. Аверьянов. – Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1900. – XVIII, 338, 135 с.
3. **Потто В.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. От древнейших времён до Ермолова / В. Потто. – М. : Центрполиграф, 2006. – 678 с.
  4. **Международная политика новейшего времени** в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны / сост. и ред. проф. Ю.В. Ключников, А. Сабанин. – М. : Литиздат НКВД, 1925. – VI, 401 с.
  5. **Чатоев Х.М.** Из истории русско-курдских связей. Т. XIII Курдоведение / Х.М. Чатоев // Страны Ближнего и Среднего Востока. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1986. – С. 68–92.

**Saidov Z.A.,
Kornilovskiy A.S.**

**Tsarist Russia and Iranian Kurds in the first third of the nineteenth century
(from military-political history)**

The article examines the main aspects of the formation of relations between Tsarist Russia and the Kurdish tribes of Iran in the first third of the nineteenth century. Based on the study of sources and scientific literature, an attempt was made to comprehensively study the Russian-Kurdish military-political ties of that period. Particular attention is paid to the participation of the Kurds in the Russian-Iranian wars at the beginning of the 19th century.

Key words: *Russia; Kurds; Iran (Persia); Transcaucasia; Russian-Iranian wars.*

УДК 378.4(477.6)ДИНО»1923/1934»

Савенкова Инна Юрьевна,
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры всемирной истории
и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Люди и время: профессорско-преподавательский состав Донецкого института народного образования (1923-1934)

В статье рассмотрены структура и деятельность профессорско-преподавательского состава Донецкого института народного образования. Показано, что деятельность педагогов проходила в сложных условиях становления советской системы высшего образования 1920-х - начала 1930-х гг. Проанализированы социальный и половозрастной состав, условия пополнения и обновления педагогического состава, материальная обеспеченность. Показано, что, несмотря на множество трудностей, сопровождавших становление института, его первые сотрудники сумели обеспечить достойный уровень подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: Донецкий институт народного образования, профессорско-преподавательский состав, г. Луганск, высшее образование, профессура.

В 2021 г. Луганский государственный педагогический университет отпраздновал 100-летний юбилей. Высшее учебное заведение было создано в 1920-х гг. и с тех пор тем или иным аспектам его деятельности посвящено немало работ. Однако структура и деятельность профессорско-преподавательского состава по-прежнему привлекают внимание исследователей. В этом отношении показателен период 1923-1934 гг., когда луганский вуз проходил этап своего становления в качестве флагмана педагогического образования Донбасса.

В начале 1920-х гг. государственное и партийное руководство отводило развитию науки и образования, подготовке квалифицированных педагогических кадров и воспитанию новых специалистов значительную роль. В этом отношении большое значение приобретали институты народного образования. Мысль о создании в Луганске ИНО зародилась в местных государственных учреждениях еще в середине 1922 г., однако в силу различных причин, главным образом – материального характера, не нашла практического воплощения. [6, л. 10]. На состоявшемся в том же году губернском совещании по проблемам народного образования было принято решение открыть вуз [1, л. 16]. Но лишь 28 июня 1923 г. Народный комиссариат просвещения УССР принял постановление №3-103 о создании в Луганске Донецкого института народного образования (ДИНО. - И. С.) [12].

Важнейшей проблемой учебного заведения стало кадровое обеспечение. В этой связи 9 июня 1923 г. губернский отдел народного образования обратился в

Наркомпрос с просьбой «о скорейшей высылке профессуры», поскольку «укомплектование института педагогическими силами» являлось важнейшей задачей, на реализацию которой в тот период были брошены все силы [13, л. 13; 16, л. 1].

Приезд какой «профессуры» ожидали в Луганске? Необходимо отметить, что в 1920-е гг. это понятие бытовало в широком и узком смыслах, причем официальная трактовка содержания последнего к моменту открытия ДИНО изменялась дважды и в значительной степени отличалась от понимания, привычного в настоящее время. Декретом СНК от 1.10.1918 г. дореволюционное разделение преподавательского состава отменялось, профессорами считались все лица, самостоятельно ведущие преподавание в высших учебных заведениях. Новая педагогическая иерархия была введена в 1922 г. «Положением о высших учебных заведениях», согласно которому профессором мог быть работник высшего учебного заведения, который вел самостоятельные курсы или занятия, или заведовал кафедрой и избирался на должность Государственным ученым советом [см., напр.: 4]. Как правило, научные работники такого ранга читали основные лекционные курсы, но учебный процесс также обеспечивали преподаватели, ведущие вспомогательные курсы и научные сотрудники, обязанностью которых, помимо научных изысканий, являлась помощь профессорам и преподавателям.

К работникам вуза всех категорий (профессоров, преподавателей или научных сотрудников) законодательство тех лет не устанавливало каких-либо формальных требований, достаточность подготовки преподавателей определялась исключительно на основании научных трудов, степени подготовки читаемых курсов, практической деятельности. Поэтому некоторые преподаватели ДИНО не имели полного высшего образования.

В институте был разработан проект штатного расписания, согласно которому, помимо прочих, в вузе предполагалось наличие 3 должностей лекторов с нагрузкой 36 часов в неделю (чтение лекций и проведение практических занятий на I курсе), а также должностей лекторов с нагрузкой 60 часов в неделю; на работу приглашались 6, 8 и 12 лекторов I курса с нагрузкой на ставку 6, 9 и 12 часов соответственно [13, лл. 27-28]. Нормы продолжительности рабочего времени для преподавателей ДИНО были установлены «Общем положением о тарифе» (1920), закрепившим продолжительность рабочего времени для лиц, «занятых конторским или иным умственным трудом» в объеме 6 часов в день.

Специализация вуза предопределила состав и направления деятельности профессорско-преподавательского состава, привлекаемого к научно-педагогической работе. К 1 октября 1923 г. в институт были приняты 13 преподавателей, однако, не все из них приступили к проведению учебных занятий. Например, предполагалось, что в Луганск приедут 4 приглашенных преподавателя, однако, прибыли только двое – И. Х. Зосимов (математика, физика) и Ф. А. Бельский (литература, практикум) [8, л. 35; 9, лл. 40, 64]. В подобной ситуации руководство ДИНО решило «прибегнуть к приглашению местных педагогических сил» [8, л. 10].

Осенью 1923 / 1924 учебного года занятия со студентами начали 11 преподавателей, читавшие дисциплины физико-математического, естествен-

но-географического и социально-экономического циклов для 190 студентов (6 академических групп). К 1 января 1924 г. штат ДИНО уже состоял из 13 преподавателей, к аудиторной работе привлекалась и администрация института в количестве 5 сотрудников. Теоретическую подготовку обеспечивали профессор истории С.Г. Грушевский, русского языка Р.В. Кутепов, математики И.К. Мурский, А.В. Улановский, русской литературы Ф.А. Бельский, физики И.С. Кухтенко, биологии Е.А. Равич-Щербо, преподаватели И.А. Войтенко, М.А. Кушлин, А.В. Матусевич, Н.А. Трикар, С.А. Локтюшев и др. [8, л. 136].

Замещение преподавательских должностей, а также должностей научных сотрудников в 1920-х гг. находилось в ведении правления высшего учебного заведения. Декретом СНК «Положение о высших учебных заведениях» от 3.07.1922 г. в этом отношении устанавливался следующий порядок: руководство структурных подразделений вуза было обязано сообщать правлению высшего учебного заведения о каждой освободившейся должности преподавателя или научного сотрудника; кандидатов на замещение вакансий рекомендовали предметные комиссии и советы институтов; и, наконец, соискатели утверждались в должностях преподавателей и научных сотрудников правлением высшего учебного заведения и Центральной штатной комиссией Наркомпроса [4; 13, л. 205].

Практическим воплощением подобных правил является, например, избрание на должность профессора В. С. Буравцова в ходе заседания Бюро Донецкого института народного образования от 4.12.1923 г.. Заслушав предложение ректора, правление постановило: «... пригласить профессора Буравцова на должность профессора химии Института, гарантировав оплату содержания по этой должности в размере 1 и ½ ставки 17-го разряда, при чем сообщить ему, что он может получить большую нагрузку в случае согласия с его стороны взять работу в институте по другим родственным циклам» [17, л. 10]. Примером внутренних перемещений является перевод в 1925 г. профессора С.А. Локтюшева на ставку профессора II группы. Сергей Александрович был принят в ДИНО на должность преподавателя и менее чем за два года достиг значительных успехов на научном и педагогическом поприщах. Правление учебного заведения по достоинству оценило труд ученого, однако предложить достойную оплату труда смогло лишь по окончании 1924 / 1925 учебного года [18, л. 60б.]. Причиной тому были действовавшие в то время нормы законодательства, требовавшие ежегодного утверждения работников вуза в должностях и запрещавшие пересмотр штатного расписания в течение учебного года [10, л. 205]. Связанные с трудовыми отношениями частные дела, не касавшиеся всего учебного заведения, находились в ведении комиссий факультетов. 6 марта 1925 г. подобная комиссия рассмотрела заявление преподавателя физики Зосимова И.Х. с просьбой освободить его от чтения курса физики в группе С5 (группа №5 факультета социального воспитания. - И. С.) в связи с большой нагрузкой и состоянием здоровья [16, л. 18].

Как уже было сказано, кадровые трудности сопровождали ДИНО все первые годы его существования. В течение 1923 / 1924 учебного года в институт прибыло 16 преподавателей, выбыло 9. Их занятость была крайне высокой: к тому времени в вузе учились 280 студентов [8, л. 136].

Ситуация несколько улучшилась в 1924 / 1925 учебном году, когда после летних каникул к занятиям приступило 13 преподавателей, к 1 декабря 1924 г. учебный процесс обеспечивался силами 18 человек. Все они были перегружены вследствие нехватки кадров и не всегда выдерживали высокий темп работы [8, лл. 72, 144]. Текучесть кадров являлась в то время серьезной проблемой, поскольку превысила критически опасный порог в 5 %. Преподаватели уходили, в основном, по собственному желанию, принуждения к увольнению в документах института не зафиксированы.

Причины создавшегося положения крылись в той сложной социально-экономической обстановке, на фоне которой рождался ДИНО. Институт испытывал значительные трудности, связанные с материально-техническим обеспечением учебного процесса, оплатой труда и обеспечением сотрудников. Изначальные условия работы первый ректор ДИНО П.Ф. Ефремов характеризовал как «как крайняя бедность, а в некоторых случаях и полное отсутствие учебно-материального оборудования». Преподаватели, помимо основной своей работы, были вынуждены вместе со студентами изготавливать наглядные пособия [8, л. 43–44]. Большое значение имело и материальное положение профессорско-преподавательского состава. Летом 1923 г. президиум Главпрофобра Наркомпроса УССР постановил «... по оплате штаты Донецкого ИНО причислить к I разряду» [13, л. 14].

Утвержденная в 1922 г. норма академического обеспечения для первого разряда составляла от 5 до 20 довоенных рублей. Для сравнения, цены на основные продукты питания в 1924 г. были следующими: например, фунт масла стоил в среднем 69 коп., фунт сахара – 28,5 коп., мясо – 13 руб., рыба – 15 коп., пуд ржаной муки – 1 руб. 15 коп. Однако в ДИНО до марта 1924 г. труд преподавателей оплачивался институтом из расчета 4 рубля 50 копеек по I разряду, после – 5 рублей 50 копеек. Для сравнения, труд школьных учителей оплачивался из расчета 7 рублей по тому же разряду [8, л. 11об.]. К сказанному следует добавить и то, что на иждивении преподавателей, как правило, находилось от 4 до 7 членов семьи. Вскоре выяснилась недостаточность этого денежного обеспечения, как следствие, давшая о себе знать задержкой начала учебного года до середины октября. В подобной ситуации Луганский окружной исполнительный комитет немедленно обратился к вышестоящим органам с просьбой увеличить оплату труда, поскольку существовавшая «... не в состоянии обеспечить даже физического существования профессора, а возможности получить заработок в других вузах г. Луганска, за их отсутствием, нет ... Окружной город, без сильной культурной базы и без достаточного материального обеспечения не может заинтересовать высококвалифицированного работника, а тем более перенести сюда свою работу» [8, л.11об.; 13, лл. 51, 124].

Еще одной проблемой первого года работы института являлся морально-психологический настрой, преобладавший в коллективе ДИНО не только вследствие финансовых проблем, но и по причине оказывавшегося на вуз внешнего давления. Ситуация неопределенности «... создавала неясность во взаимоотношениях и, следовательно, мешала планомерной работе» [8, л. 4]. Закономерным исходом подобной ситуации являлось отсутствие единства между администрацией, преподавателями и студентами вуза, а также конфликты внутри самой

администрации, продлившись в 1924 / 1925 учебном году и завершившись сменой ректора [7, л. 11]. К этому следует добавить также отсутствие у профессорско-преподавательского состава возможности вести научную работу вследствие колоссальной аудиторной нагрузки и слабой материально-технической базы.

Тем не менее, к началу 1924 / 1925 учебного года в институт были приглашены преподаватели Глуховского ИНО: Ф.М. Леонтович (литература и обществоведение), Н.А. Трикар (биология, физика, химия), И.А. Войтенко (химия), И.С. Кухтенко (математика и физика), В.В. Голубев (литература и педагогика) [15, л. 45].

К 1 ноября 1924 г. штат ДИНО состоял из 16, а летом 1925 г. – из 21 преподавателя и 3 лаборантов [8, л. 22]. Пополнением штата высококлассными специалистами институт во многом был обязан самоотверженно отдающему себя работе ректору, сумевшему, несмотря на все сложности, убедить преподавателей из Бахмута и Новочеркасска приехать в Луганск [15, л. 27об.; 16, л. 1]. В 1926 / 1927 учебном году в институте работало 24 преподавателя, в том числе 4 профессора, 10 преподавателей 1 категории, 10 внештатных сотрудников. Из этого числа 21 человек имел законченное высшее образование, 1 не закончил вуз, и 2 сотрудника имели среднее образование. Из числа тех, кто окончил вуз, 2 преподавателя имели инженерное образование, 2 – агрономическое, 18 – педагогическое. Педагогический состав был довольно опытным: большинство имело стаж работы в учебных заведениях 11–15 лет (9 человек), 16–20 лет (8 человек) [10, л. 339; 11, л. 18об.].

В 1926 / 1927 учебном году материальное положение профессорско-преподавательского состава в значительной степени улучшилось вследствие перевода с почасовой оплаты труда на штатную. Штат учебного заведения к тому времени уже состоял из 26 человек: 4 профессора 2 категории, 8 преподавателей 1 категории, 2 преподавателя 2 категории, 12 внештатных сотрудников [11, л. 18об.].

Начиная с 1926 г. трудовой путь сотрудников ДИНО (впрочем, как и других государственных учреждений) отражался в трудовых списках – документе – предшественнике трудовой книжки, обязательное заполнение которого при приеме на работу регламентировалось постановлениями СНК СССР «О трудовых списках» [14]. Подобный документ, оформленный на имя преподавателя ДИНО М.А. Кушлин, сохранился до наших дней. В нем содержатся персональные данные преподавателя, в том числе – этническое и социальное происхождение, а также сведения об образовании, профессии, партийной принадлежности и записи о взаимоотношениях владельца списка с работодателем, подтвержденные справками с мест работы. В этом отношении трудовой список М.А. Кушлин является показательным и отражает реалии эпохи, характерной чертой которой являлась острая нехватка квалифицированных кадров в Луганске 1920-х гг.: не окончив обучение в Санкт-Петербургской императорской консерватории и не получив диплома «преподавателя, композитора, хормейстера, пианиста, руководителя драмкружка и т.д.», М.А. Кушлин до 1938 г. поработал в 35 местах. В 1923–1928 гг. он преподавал в ДИНО, затем был главным художественным руководителем Городского Детского театра, работал в Луганском педагогическом техникуме, преподавал в школе [19].

В 1927 г. структура вуза претерпела значительные изменения, что в будущем позволило создать пять отдельных факультетов. Появились и новые формы учебы: в 1929 г. открылось заочное, а в 1931 г. – вечернее отделения. Подобные изменения требовали соответствующего кадрового обеспечения: 1927 / 1928 учебный год ДИНО начал, имея в своем составе 30 преподавателей, в течение года был принят еще 1, уволилось 3 человека, к концу учебного года осталось 28 преподавателей (из них 13 являлись штатными и 15 – внештатными сотрудниками); в 1929 г. количество преподавателей достигло 38 человек, в течение года выбыло 4, к концу года осталось 17 штатных и 17 внештатных педагогов из них 5 работали на профессорских должностях, 7 являлись лекторами; к 1934 г. в институте работало уже более 50 преподавателей [3, лл. 2-16об.].

Анализ сохранившихся годовых отчетов Института за период 1923–1934 гг. позволяет сделать ряд дополнительных выводов о составе преподавателей. В социальном отношении преобладали выходцы из рабочих и крестьян. Это были люди молодого и среднего возраста, в основном, 26–45 лет. Характерно, что педагогическим трудом занимались, в основном, мужчины. Например, в 1925 / 1926 учебном году в институте преподавало 26 преподавателей, из них только 5 были женщинами (19,2%).

Профессорско-преподавательские кадры ДИНО были укомплектованы в том числе и представителями старой, получившей образование еще в дореволюционные времена, интеллигенции: 80,8% получили образование в вузах Российской империи (в университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова), 19,2% – за рубежом. Например, В.В. Галин окончил физико-математический факультет Софийского университета имени святого Климента Охридского (Болгария), И.К. Мурский – Дармштадский технический университет (Германия), Х.П. Примак – Львовский университет (Австро-Венгрия), А.В. Улановский – Горный институт в Вене (Австро-Венгрия), И.В. Юзычинский окончил 2 курса Венского университета (Австро-Венгрия). Постепенная замена старых кадров новыми, советскими, началась с 1926 г., когда на работу были приняты первые выпускники ДИНО: Орнатский А.В. (принят преподавателем физики и лаборантом «по хемии»), Родионов Н.М. (принят на должность «лаборанта по физике»), Полоцкий М.Б. (принят на должность преподавателя обществоведения и в соответствующую лабораторию), Гунченко З. (принята на должность лаборанта) [см., напр.: д. 2, 5, 6, 10].

Таким образом, становление ДИНО и профессиональная деятельность его профессорско-преподавательского состава осуществлялись в крайне своеобразных и неблагоприятных условиях середины – второй половины 1920-х гг. Несмотря на различные трудности, сопровождавшие этот первый и едва ли не самый важный этап в жизни вуза, преподаватели сумели обеспечить преподавание учебных курсов, развивали научную и общественную деятельность. Как следствие, к началу 1930-х гг. число преподавателей и уровень их профессиональной подготовки заметно выросли.

В июне 1933 г. коллегия Наркомпроса Украины рассмотрела вопрос о системе подготовки педагогов и сети педагогических учебных заведений на 1933 / 1934 учебный год и приняла решение о введении новой системы подготовки, определила номенклатуру профилей подготовки педагогических ка-

дров. Создавался единый тип высшего педагогического учебного заведения – педагогический институт. В следующем, 1934 г., ДИНО был реорганизован в Луганский государственный педагогический институт Народного Комиссариата образования УССР. В жизни учебного заведения началась другая эпоха.

Список литературы

1. **Выписка из протокола №99** заседания коллегии Укрглавпрофобра от 27.07.1922 // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.5.
2. **Годовой отчет института** за 1925–1926 учебный год // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.29.
3. **Годовые отчеты института за 1928–1929 учебный год.** Списки преподавателей // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.42.
4. **Декрет от 3 июля 1922 г.** «Положение о высших учебных заведениях»; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2954#007143500645580536>
5. **Доклад и годовой отчет института за 1925–1926 учебный год** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.20.
6. **Доклад о деятельности** Донецкого института народного образования со времени его организации по 1-е ноября 1924 г. // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.25.
7. **Доклад о состоянии работы** партячейки при ИНО // Госархив ЛНР. – Ф.1830. – Оп.1. – Д.96.
8. **Доклады и отчеты о деятельности, учебные планы ... 1924 г.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.16.
9. **Доклады о деятельности института ..., 1923–1924 учебный год** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.3.
10. **Отчет ДИНО за 1925–1926 учебный год** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.25.
11. **Отчет за 1926–1927 учебный год** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.35.
12. **Первый институт в Донбассе – И.Н.О. в Луганске** // Всероссийская колегарка. – №142. – 18.08.1923.
13. **Переписка с Наркомпросом и донецким губернским отделом об открытии ДИНО, 1923 г.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.5.
14. **Постановление от 21 сентября 1926 г. «О трудовых списках»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16463#03767947573451884>
15. **Протокол заседания правления института от 21 июня 1924 г.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.14.
16. **Протокол заседания факультетской комиссии, 17 января 1925 г.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.67.
17. **Протоколы заседаний правления института, 15 октября 1923 – 31 декабря 1923 гг.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.1.
18. **Протоколы заседания правления института, 1925 г.** // Госархив ЛНР. – Ф.Р.–416. – Оп.1. – Д.22.
19. **Трудовой список Кушлин М.А.** // Луганский краеведческий музей. – ед. хранения В–32690, А–2959.

Savenkova I.Yu.

**People and time: Donetsk Institute of People's education academic staff
(1923-1934)**

The article deals with structure and activity of the academic staff of Donetsk Institute of People's education. The paper asserted that educator's actions unfolded in a difficult situation of formation of the higher education system in the 1920-1930th. There are the social composition, gender and age, conditions of recruitment and renewal of the composition, and material security of the academic staff analyzed. It is shown that the first academics were manage to provide high standards of the education of the future professional despite of lots of difficulties.

Key words: *Donetsk Institute of People's education, academic staff, Luhansk city, higher education, Professors.*

Харьковский Руслан Геннадиевич,
канд. ист. наук, доцент, директор Института
государственной службы и управления
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»

Политика колониальных государств в Египте в 1880-е гг.

В статье исследуется политика Великобритании и Франции в Египте в период окончательного закрепления господствующего положения Британской империи в долине Нила. Доказано, что Британская оккупация Египта в 1882 г. отличалась несомненной спецификой, которая нашла свое проявление в неопределенном политическом статусе этой страны вплоть до начала Первой мировой войны, при этом автор отмечает, что первоначально долгосрочная оккупация Египта не входила в планы англичан. Последствиями включения Египта в сферу влияния Англии стало обострение франко-британских отношений, что в конечном итоге привело к образованию русско-французского союза, неофициально направленного также против Англии.

Ключевые слова: Ближний Восток, Великобритания, Египет, колониализм, Османская империя, Суэцкий канал, Франция, хедив.

Регион Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки на протяжении ряда столетий сохраняет важное положение как геополитический плацдарм. Существенное значение имеет и тот факт, что здесь сконцентрирована значительная часть мировых запасов энергоресурсов, вокруг добычи и транспортировки которых последнее время разворачивается острая борьба, в которую втянута и Российская Федерация.

Фактором, который придаёт особую актуальность изучению истории международных отношений на Ближнем Востоке и Северо-Восточной Африке, является обострение внешнеполитической ситуации в этом регионе. Изучение корней подобных противостояний, происходивших на этой территории в прошлом, на наш взгляд, может облегчить процесс решения региональных конфликтов в настоящем.

Целью статьи является исследование роли Египетского региона во взаимоотношениях между Францией и Англией в 1880 – начале 1890-х гг.

Исследуемая тема привлекала внимание ряда авторов [1–6]. Вместе с тем, вопросы политики колониальных держав в египетском регионе требуют дальнейшей научной разработки.

Начало 1880-х ознаменовалось резкой эскалацией англо-французского соперничества в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке. Основной проблемой, которая стояла перед двумя государствами, был Египетский регион и определение его статуса.

Египет стал «европейской полуколонией» [15, с. 190] ещё в конце 1870-х годов, когда, для выплаты огромного внешнего долга, ведущие евро-

пейские государства в лице Великобритании и Франции установили финансовый контроль над данным регионом. Экономический контроль со стороны Европы, в свою очередь, вызывал негодование как у простого населения Египта, так и у высших кругов общества, в частности, хедива Измаила, который попытался избавиться от внешнего влияния на государство. Однако, попытка выйти из-под англо-французского финансового контроля обернулась неудачей в связи с тем фактом, что Египетский регион на тот момент уже настолько укрепился как одно из направлений французской и английской колониальной политики, что ни Париж, ни Лондон не могли уйти оттуда ни с чем.

При этом следует отметить, что если Франция пыталась установить контроль над Египтом из стремления к более выгодному стратегическому положению в Северо-Восточной Африке, то Великобритания держалась за Египет именно из-за французских амбиций. По словам Солсбери, «... можно было либо отступить, либо монополизировать, либо войти в долю. Отступить – значило бы позволить французам расположиться на нашем пути в Индию. Монополизировать – значить пойти на риск войны. Поэтому мы решили войти в долю» [16, с. 331–332]. Приведенная цитата относится к периоду установления англо-французского финансового контроля, однако, она явно отражает причину, по которой Великобритания не могла уступить Египетский регион.

Существовавший на тот момент англо-французский финансовый контроль не мог длиться вечно. Местное население с каждым днем становилось менее терпимым к иностранному вмешательству, что привело к резкому росту национально-освободительного движения и восстанию под предводительством Ораби-Паши в 1882 г. [13, с. 85], которое привело к результату, обратному от желаемого повстанцами.

Начиная с 1882 г. Египет оказался ещё под более жестким британским контролем. Английские войска оккупировали территорию Египта и не покидали её на протяжении ещё долгого времени, взяв под свой контроль не только экономическую сферу жизни государства, но и ряд других.

Изначально англичане не планировали долгосрочную оккупацию Египта и уж тем более – полную его колонизацию с применением вооруженных сил. Подтверждение этому можно найти как в вышеприведенной цитате лорда Солсбери: «Монополизировать – значит пойти на риск войны», так и в высказывании Гладстона от 10 августа 1882 г., когда он заявил, что бессрочная оккупация «шла бы вразрез со всеми принципами и взглядами правительства Её Величества, с обязательствами, которые оно дало Европе, и, смею сказать, со взглядами самой Европы» [16, с. 308]. На наш взгляд, в данной ситуации большую роль сыграло дело случая. Великобритания оперативно отреагировала на волнения в Египте, тем самым взяв контроль над регионом в свои руки на спорной, но всё же относительно легитимной основе. В период революции и политической нестабильности в Египте другие государства не могли возразить против ввода британских войск, преследовавших, казалось-бы, праведную цель – вернуть общественный порядок.

Стоит отметить, что Великобритания, несмотря на свои колониальные амбиции и удачно сложившиеся обстоятельства, всё же не могла прямо захватить Египет, не вызвав при этом серьезных изменений в международной

политике. Английское правительство приказало ввести войска в Египет под предлогом необходимости сохранения стабильности. Великобритания делала вид, что действует от лица всей Европы при том, что оккупационные действия с её стороны поддерживались лишь Германией, которая на тот момент пыталась разжечь англо-французскую вражду.

Французское правительство, в свою очередь, совершило большой просчет, отказавшись от изначального варианта совместной с Великобританией оккупации Египта. Высшие круги французского общества не одобряли идею военного вмешательства в дела Египта по той причине, что это могло привести к полномасштабным боевым действиям, которые на тот период были не выгодны Франции [14, с. 33]. Постепенное усиление потенциальных противников вынуждало Париж проявлять более осторожную политику, не принимая участия в конфликтах, которые могли быть решены без французского вмешательства.

Таким образом, не предприняв тех решительных действий, которых на тот момент требовали от Франции обстоятельства, Париж оказался не в самом лучшем положении. Британские войска оккупировали Египет самостоятельно и уже не могли быть согласны на совместное с Францией управление данной территорией. В Париже могли надеяться лишь на то, что Англия не станет задерживаться долгое время в Египетском регионе и вскоре его покинет, поэтому первоначально, когда статус оккупантов был ещё не ясен, Франция не выказывала открытых возражений против нахождения британских войск в Египте.

В самой же Великобритании сложилось две точки зрения относительно дальнейшей судьбы Египта. Лорд Кромер подчеркивал, что дальнейшая политика в Египте может быть представлена следующими вариантами: «политика быстрой эвакуации» или же «политика реформ», причем «принятие первой из них было полностью разрушительно для другой» [7]. В то же время, У. Гладстон писал следующее: «мы сейчас в положении, когда мы можем выбирать между еще большим или меньшим вмешательством в дела Египта, а также должны ли мы подготовить Египет к будущему самоуправлению. Думаю, что мы уже сделали выбор» [11, р. 422].

Главной проблемой в области внешней политики оставалась Франция, которая никогда не примирилась бы с подобным исходом. Правящие круги Великобритании прекрасно осознавали, что удержание Египта вызовет неодобрение со стороны Парижа, однако, предпочитали игнорировать этот факт в связи с тем, что на прямой вооруженный конфликт Франция пойти не могла, а спорные вопросы с другими государствами по поводу господства Англии в Египте были улажены. Следовательно, Великобритания могла практически полностью господствовать в Египетском регионе, не опасаясь, что французы рискнут попытаться поколебать её влияние.

Стремления Англии не были поддержаны большинством государств, имевших какие-либо интересы в Египте. Несмотря на то, что основной проблемой Великобритании по-прежнему оставалась Франция, другие европейские государства относились к английской политике либо довольно противоречиво, либо прямо враждебно.

Оккупация Египта Великобританией значительно усложнила англо-французские отношения, которые и до этого момента не всегда шли гладко. Российский посол Орлов отмечал, что, начиная с 1882 г., между Великобританией и Францией установились «прохладные отношения» [12, л. 304]. В подобной ситуации Франция, не имея возможности противостоять Англии в одиночку ни на политической, ни на военной арене, была вынуждена искать союзников на стороне. Учитывая не столько общность, сколько отсутствие конфликта интересов на Востоке, Россия становилась идеальным кандидатом на роль союзника Франции в борьбе с Великобританией. Более тесное сближение интересов двух государств произошло лишь в 1890-х гг., однако, начало русско-французского сотрудничества было положено именно в 1882 г.

Из всех перечисленных государств Франция оказалась в наименее выгодном положении в сложившейся ситуации. Изначально на Египет, в силу его выгодного географического положения между Красным и Средиземным морями, было два основных претендента: Великобритания и Франция [18, с. 20]. Другие европейские государства могли оказывать определенное влияние на ситуацию в Египте, однако, решающей всегда оставалась политика Лондона и Парижа. Однако, после установления британского господства, французская политика перестала учитываться, что нанесло большой урон именно Франции, которая включала Египет в сферу своих законных интересов.

Объединение интересов Франции и Османской империи в отношении Египетского вопроса вселило в правительства обеих государств надежду на хотя бы частичное восстановление своих прежних позиций. Большую роль в этом сыграли и настроения в самом регионе, которые выражались в одновременном осознании высшими кругами египетского общества необходимости турецкой интервенции, и в то же время её неприятия из-за страха перед англичанами [9]. Кроме того, Египет формально всё же оставался частью Порты, поэтому султан вполне мог оказать определенное влияние на положение Великобритании в Египте.

Англия, в свою очередь, заполучив один раз Египет, уже не собиралась его уступать. Изначальные планы и обещания британцев покинуть данный регион разбились об осознание всей стратегической важности Суэцкого канала и количество вложенных финансовых средств. И хотя англичане в 1884 г. всё ещё пытались заверить Францию в том, что они покинут Египетский регион с наступлением стабильности, кредит французского доверия к Великобритании постепенно понижался. Как отмечает А. Дж. П. Тэйлор: «Грэнвилл в циркулярном письме к державам пообещал отвести войска, и между 1882 и 1922 годами это обещание повторили 66 раз» [16, с. 308–309].

Эскалация конфликта была неизбежна. Начиная с 1884 г., когда англичане дали Франции новое обещание вывести свои войска из Египта в течение четырех лет, в ответ на которое французы также обязывались не занимать Египет, оказав помощь в обеспечении его «нейтралитета» [10]; Париж стал отходить от политики, направленной на постепенное сближение с Англией. Рассчитывать на британскую милость было поздно, наступило время ответных мер, которые выразились в срыве новой финансовой реформы Египта, для проведения которой англичане созвали в 1884 г. конференцию по египетскому вопросу.

Возможно, Франция не решилась бы предпринимать какие-либо меры в одиночку, однако, поддержка Германии подтолкнула её к решительным действиям. Политика действующих французского и немецкого правительств носила антибританский характер. Франция пыталась поколебать положение Англии в Египте и заставить её исполнить ранее данные обещания по поводу вывода вооруженных сил. В свою очередь, отношение Германии к Восточному вопросу носило комплексный характер.

Сложившаяся ситуация подтолкнула британское правительство к пересмотру отдельных аспектов своей политики, в том числе в отношении Египта. Англия намеревалась сначала смягчить претензии других великих держав в отношении Египта, а после заручиться чьей-либо поддержкой.

Лондонская конференция 1885 г. стала демонстрацией невозможности Великобритании в одиночку противостоять всему мировому сообществу и привела к первым уступкам Англии в отношении Египта. Более того, на конференции также оформилась новая политическая линия, которая проводилась совместными усилиями правительств России и Франции и была направлена на ограничение английской экспансии. Официальным итогом конференции стала безоговорочная победа великих держав, которые добились смягчения британской политики в Восточном вопросе.

В целом, процесс формирования «египетской» политики Франции в значительной степени зависел от характера взаимоотношения этой страны с другими европейскими державами – Великобританией, Россией, Германией. Кроме того, фактором, существенно влиявшим на уровень и характер активности дипломатии Кэ д'Орсэ в долине Нила, была ситуация внутри самой Франции. Частая смена форм государственного правления, происходившая во Франции в ходе рассматриваемого периода, как представляется, была одной из причин непоследовательности, «половинчатости» политического курса этой державы в отношении Египта.

Проведение подобного курса в условиях резкого роста стратегического значения Египта, как неотъемлемого звена на пути в бассейн Индийского океана (после открытия Суэцкого канала), привело Францию в конечном итоге к поражению в борьбе за преобладание в долине Нила.

Таким образом, политика колониальных государств в 1880-х гг. формировалась под большим влиянием Восточного вопроса. С момента британской оккупации Египта отношения между Францией и Великобританией постепенно ухудшались, что в конечном итоге привело к образованию русско-французского союза, неофициально направленного также против Англии.

Список литературы

1. **Павлович М.П.** Борьба за Азию и Африку / М.П. Павлович. – Л. : Госиздат, 1925. – 257 с.
2. **Ротштейн Ф.А.** Англичане в Египте / Ф.А. Ротштейн. – М. – Л. : Госиздат, 1925. – 62 с.
3. **Зусманович А.З.** Империалистический раздел Африки / А.З. Зусманович. – М. : Восточная литература, 1959. – 148 с.
4. **Ерусалимский А.С.** Внешняя политика и дипломатия германского импе-

- риализма в конце XIX века / А.С. Ерусалимский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 608 с.
5. **Субботин В.А.** Колонии Франции в 1870–1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана / В.А. Субботин. – М. : Наука, 1973. – 403 с.;
  6. **Ерофеев Н.А.** Английский колониализм в середине XIX в. / Н.А. Ерофеев. – М. : Наука, 1977. – 256 с.;
  7. **Anderson M.S.** The Eastern Question 1774–1923. A study in international relations / M.S. Anderson. – London, 1966. 436 p.; Berque J. Egypt. Imperialism and Revolution / J. Berque. – New York, 1972. – 733 p.
  8. **DDF. Série 1. T. 4. Doc. 574.**
  9. **DDF. Série 1. T. 5. Doc. 159.**
  10. **Waddington H.** a J. Ferry. 30 mai 1884 // DDF. 1 sene. T. V. № 286.
  11. **The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville. 1876–1886** / Ed. by Agatha Ramm. Vol. I. Oxford, 1962.
  12. **Канцелярия МИД / АВПРИ.** – Ф. 133. – Оп. 470. – Д. 72 (1).
  13. **Белолипецкая Н.А.** Англо-египетские отношения последней четверти XIX – первой четверти XX вв. в освещении английской публицистики / Н.А. Белолипецкая // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 85–95.
  14. **Дармштеттер П.** История раздела Африки (1870–1919 гг.) / П. Дармштеттер. – М. : Госиздат, 1925. – 179 с.
  15. **Попов А.Д.** Оккупация Египта Великобританией в откликах российской прессы (1882 г.) / А.Д. Попов // Научный диалог. – 2016. – № 9 (57). – С. 190–204.
  16. **Солсбери – Норскоту** 16 сентября 1881 г. G. Cecil, Life of Salisbury, vol. II.
  17. **Тэйлор А.Дж.П.** Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / А.Дж.П. Тэйлор. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958. – 644 с.
  18. **Хизриев А.Х.** Египет в политике великих держав в 50-х – нач. 80-х гг. XIX в. / А.Х. Хизриев // Омский научный вестник. – 2007. – № 5 (59). – С. 20–24.

Kharkovsky R.G.

Policy of colonial states in Egypt in 1880s

The article examines the policy of Great Britain and France in Egypt during the period of the final consolidation of the dominant position of the British Empire in the Nile Valley. It is proved that the British occupation of Egypt in 1882 was distinguished by its undoubted specificity, which found its manifestation in the uncertain political status of this country until the beginning of the First World War, while the author notes that initially the long-term occupation of Egypt was not included in the plans of the British. The consequences of Egypt's inclusion in the British sphere of influence was the aggravation of Franco-British relations, which ultimately led to the formation of a Russian-French alliance, which was also unofficially directed against England.

Key words: Middle East, Great Britain, Egypt, colonialism, Ottoman Empire, Suez Canal, France, Khedive.

Политология

УДК [323.2 : 316.334.3] – 047.27

Михайловская Оксана Георгиевна,
канд. полит. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой
политических наук и регионалистики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ks-04@mail.ru

Кандауров Богдан Игоревич,
ст. преподаватель кафедры
политических наук и регионалистики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
politolog_1@internet.ru

Политические практики формирования макрополитической идентичности в поликультурных государствах

Авторы статьи проводят анализ формирования макрополитической идентичности в поликультурных государствах. Выделяют причины актуализации категории «политическая идентичность», ее функции и типы. Изучается опыт консолидированных поликультурных, поликонфессиональных и полилингвистических государств, а также модели гражданской идентичности России и государств Европейского Союза.

Ключевые слова: *политическая идентичность, трансформация, поликультурное государство, демократический транзит, нация, легитимация.*

Социально-политические трансформации современного мира, процессы глобализации и регионализации, образование новых политических режимов и государств обусловили необходимость обратиться к категории идентичности в ее политическом измерении.

Концепт политической идентичности прошел длительную эволюцию и содержит огромное многообразие подходов к определению понимания данного феномена и его значения в жизни общества. Политическую идентичность рассматривали как партийную Е. Кемпбелл, Т. Дж. Колтон, Ф. Конверс, В. Миллер, Д. Стоукс, М. Шэнкс. Доминирующая роль национальной идентичности, роль культуры и государства в ее формировании исследуется в работах Ю. Качанова, А. Малиновой, Е. Мелешкиной, В. Суханова, А. Старостина, С. Хантингтона. Проблемы формирования наднациональной идентичности, в первую очередь, в Европейском Союзе показаны в трудах Ю. Хабермаса, Ж. Деррида, И. Нойманн, Ф. Черутти и др. В контексте становления демократических политических режимов в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве политическую идентичность изучали В. Мишлер, Н. Монро, Р. Роуз, О. Попова. Тема кризисной, негативной и позитивной политической идентичности проанализирована Л. Гудковым и Д. Трубицы-

ным. В условиях глобализирующегося мира проблемы самоидентификации личности нашли отражение в работах М. Кастельса, В. Лапкина, И. Семененко, В. Пантина, И. Тимофеева. Актуальным задачам политики идентичности в многоконфессиональных, поликультурных и полилингвистических государствах современного мира, разрешению конфликтов идентичностей посвящены исследования Х. Линца, Г. Миненкова, Э.Паин, В. Сафрана, А. Степана, И. Ядав. В то же время, исходя из того, что политическая идентичность детерминируется множеством факторов и очень динамична по своей сущности, этот феномен требует постоянного научного мониторинга.

На основании обобщения различных подходов к определению политической идентичности можно сделать вывод, что политическая идентичность утверждается в процессе соотнесения человека с другими индивидами и политическими институтами на основе его идейно-политических ценностей и симпатий. Наиболее значимые для человека политические позиции и ориентации во многом определяют его электоральный выбор и другие формы политического поведения.

Среди причин актуализации категории «политическая идентичность», начиная с 60-х годов XX века, ученые называют: рост конкуренции между партиями в демократических обществах, усложнение политической жизни и электорального поведения, повышение роли субъективного фактора в политическом процессе.

В 90-х годах XX века концепт политической идентичности приобретает актуальность в странах демократического транзита в связи с тем, что политическая идентичность социальных субъектов все чаще рассматривается учеными и политиками как важнейший ресурс общественного развития.

Изменения политической идентичности в условиях современной глобализации привели к необходимости изучения коллективных форм политической идентичности и их влияния на внутригосударственные и глобальные трансформации

Исследование политики идентичности в разных государствах мира, направленной на формирование коллективных общенациональных или наднациональных форм политической идентичности, привело к необходимости введения в научный оборот, в качестве инструмента научного анализа, понятия макрополитической идентичности. Данное понятие рассматривается как общий знаменатель для описания в научном дискурсе «политической нации», «гражданско-государственной идентичности», «наднациональной» (цивилизационной) идентичности» и др. Макрополитическая идентичность предполагает идентификацию социальных субъектов с широким сообществом, наличие солидарности поверх политических или идеологических предпочтений. Конструирование макрополитической идентичности является важным направлением политики современных государств. Она направлена на солидарность, формирование определенного понятия «МЫ», опирающегося на исторические и культурные детерминанты, на урегулирование этнокультурных, языковых и религиозных различий.

Таким образом, «макрополитическая идентичность» относится к коллективной форме политической идентичности и предполагает идентификацию

социальных субъектов с широкими сообществами на основании общих идентификационных ориентиров.

Макрополитическая идентичность определяет во многом статус государства и общества на международной арене, его конкурентоспособность в международных социально-политических и экономических взаимодействиях.

Можно выделить следующие типы макроидентичности, которые испытывают влияние извне и целенаправленно подлежат конструированию:

1. Национальная идентичность. 2. Гражданская идентичность. 3. Цивилизационная идентичность. 4. Внешнеполитическая идентичность. 5. Религиозная идентичность. 6. Политическая идентичность.

Одним из основных инструментов формирования консолидированной макрополитической идентичности является политика идентичности. В демократическом обществе политика идентичности не исключает наличия множества идентичностей, в том числе и политических. Её основная цель – создание фундамента для согласования дифференцированных интересов социальных субъектов, основы коллективной самоидентификации общества.

При этом необходимо учитывать, что конструкт коллективной политической идентичности имеет границы своего функционирования и рассчитан на определенные исторические условия. Он определяется этнической культурой, традициями и другими объективными факторами.

Для легитимации государства и интеграции общества государственная политика идентичности должна выполнять следующие функции: легитимация политической власти; обеспечение преемственности развития общественной системы; консолидация общества вокруг согласованных ценностей; мобилизация общества на выполнение задач и целей общественного развития; коммуникация социальных субъектов на макро- и микроуровне; регулирование взаимоотношений между социальными субъектами, обществом и властью; правовое решение конфликтов идентичностей на основе согласованных принципов и ценностей; компенсация потребности в безопасности из-за чувства принадлежности к доминирующему большинству; нормирование общественного поведения, в том числе политического.

Обобщая подходы исследователей, государственную политику, направленную на формирование макрополитической идентичности, можно определить как направление государственной политики, целью которой является формирование общегосударственной консолидированной идентичности на основе консенсусных целей и ценностей, с помощью имеющихся у государства ресурсов воздействия.

Опыт консолидированных государств показывает, что основой их политики идентичности являются ценности демократии, правового государства, социальные гарантии, создание высоких стандартов жизни и психологического комфорта

Исходя из вышесказанного, эффективная политика идентичности, направленная на формирование макрополитической идентичности, предполагает:

– перспективное планирование политики идентичности на государственном уровне с привлечением всех заинтересованных субъектов политического процесса (политических партий, общественных организаций, СМИ и др.);

- формирование модели макрополитической идентичности на основе демократических принципов и ценностей;
- определение цели общественного развития на основе политического и социального консенсуса;
- развитие институтов гражданского общества как основы роста самоорганизации населения и накопления социального капитала;
- формирование социальной солидарности на основе развития культуры участия, привлечения граждан к решению общественных проблем.

Актуальной проблемой политической науки является формирование макрополитической идентичности в современных поликультурных и поликонфессиональных государствах, фрагментированных этнически, социокультурно, территориально. Такие известные авторы, как Т. Карозерс, Р. Дарендорф, А. Лейпхарт и др. в своих работах подчеркивают, что в «расколотых» обществах процессы консолидации и демократизации проходят более болезненно и менее успешно.

Необходимо отметить, что социокультурные различия присутствуют во многих странах. Активизации миграционных процессов в конце XX – начале XXI века привела к тому, что в современном мире однородная этническая структура населения является исключением, практически все современные государства – полиэтнические.

Мировой опыт показывает, что формирование макрополитической идентичности в государствах со сложной этнической структурой может быть достаточно успешным, например, в США, Канаде, Индии, Австралии, Китае и других государствах. Применяя различные формы и методы политики идентичности, в зависимости от сложившихся условий в разные исторические периоды («плавильного котла», мультикультурализма и даже коммунитаризма), государства достигли больших успехов в процессе общественной консолидации. Определенный эффект дала в свое время политика мультикультурализма в странах Западной Европы. Несмотря на кризис политики мультикультурализма в некоторых странах, сегодня она остается наиболее успешным вариантом решения культурных проблем в сложносоставных государствах. Новые политические и социально-экономические условия формируют новые подходы к политике мультикультурализма, появляются новые черты в концепции «культурной свободы», предполагается развитие индивидуального мультикультурализма.

Щепетильными проблемами в мультикультурных обществах являются конфессиональные вопросы, они могут перерасти в религиозные конфликты, что значительно усложняет процессы гражданского единства. Успешные мультикультурные общества, такие как Канада, США, Россия, Австралия, демонстрируют, как на основе права, терпимости и толерантности можно избежать большей части конфессиональных противоречий.

Макрополитическая идентичность требует демократического решения языкового вопроса. Языковой вопрос всегда был вопросом политическим. С одной стороны, язык является важнейшим фактором коммуникации и инструментом строительства нации-государства (гражданство по «праву крови»), с другой – формирование государств-наций (гражданство по «праву почвы») в

современных полиэтнических обществах требует демократического решения и языкового вопроса.

Примеры эффективной политики идентичности не означают, что в указанных странах отсутствуют конфликты, связанные с культурным разнообразием и регионализмом. Например, в Канаде существуют проблемы Квебека, во Франции – Корсики, в Испании – страны басков, в Италии сепаратизм Северной Лиги, в Великобритании вопрос Северной Ирландии и Шотландии. Как показывает мировой опыт, там, где процессы нации не завершены (Балканы, частично страны Прибалтики, пространство СНГ), эти проблемы проявляются гораздо острее. Но приверженность ценностям демократии, свободы и равенства позволяет большинству консолидированных стран Западной Европы и Северной Америки избегать или благополучно решать острые конфликты идентичностей.

Таким образом, изучение опыта консолидированных поликультурных, поликонфессиональных и полилингвистических государств показывает, что в основу их политики идентичности заложены ценности демократии, правового государства, демократические принципы разрешения конфликтов идентичностей, социальные гарантии.

В политическом и научном дискурсе России проблемы общенациональной макрополитической идентичности, её формирования и укрепления начали активно обсуждаться в начале XXI столетия.

Концептуальные вопросы укрепления общенациональных ценностей, культуры, традиций, определены в таких документах, как: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Военная доктрина Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Основы государственной культурной политики, Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. и др., а также в ежегодных Посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации.

В этих документах на уровне государства закрепляется общенациональная стратегия, решение основных задач и приоритетов политики идентичности, определяются основные механизмы и инструменты их реализации.

Реализация этих задач должна привести к становлению макрополитической идентичности, в основе которой лежат общегражданские и демократические ценности. Такая коллективная идентичность стала бы фундаментом для сочетания региональных, этнокультурных, конфессиональных идентичностей. Так, основой федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» является принцип единства российской нации и этнокультурное многообразие народов.

По мнению экспертов, политика идентичности должна быть направлена на поддержание в обществе социальной справедливости, сохранения традиции, российской цивилизационной общности, развитие социального капитала.

Наиболее актуальным проектом формирования консолидированного сообщества в России является конструкт гражданской идентичности. Целью проекта является достижение единства граждан в мультикультурном российском обществе при сохранении индивидуальной идентичности конкретного человека, с одновременным формированием коллективной гражданской идентичности на основе общих гражданских ценностей.

Модель гражданской идентичности предполагает ценности, связанные с понятиями: Отечество, Родина, общество, государство, страна. Формирование гражданской идентичности на основе общих морально-нравственных ценностей, гражданской ответственности и солидарности рассматривается как основное условие интеграции российского сообщества. При этом предполагается сохранение связи с этническими и религиозными корнями. Данная модель формирования макрополитической идентичности доминирует в официальной политике российской власти и рассматривается сегодня как практически реализуемый проект государственной политики идентичности.

Важнейшим направлением проекта является консолидирующая национальная идея. В настоящий момент утвердилась концепция национальной идеи развития человеческой личности. Именно она должна стать мобилизующим фундаментом российского общества, основой политического проекта, направленного на формирование гражданской идентичности.

Стратегия формирования макрополитической идентичности в Европейском Союзе. Тема общеевропейской макрополитической идентичности актуализировалась в Европе в 90-х гг. XX века. В целом, можно выделить три вектора научных исследований формирования макрополитической идентичности в Европе:

1. Исследования последствий политики мультикультурализма и влияния неевропейцев на становление национальной идентичности в странах Евросоюза и на общеевропейскую идентичность в целом.

2. Изучение проблем формирования политики общеевропейской макрополитической идентичности и выбора ее модели.

3. Разработка механизмов становления общеевропейской идентичности.

Основными механизмами формирования европейской идентичности определяются: принятие совместной Конституции, введение института гражданства, создание наднационального общего символического пространства, внедрение единых стандартов в образовании, праве, формирование общей коммуникационной сферы.

Основными направлениями политики идентичности ЕС являются различные формы символической политики, обеспечение внутреннего единства, солидарности и ослабление национальных символических границ. Особое место в формировании солидарности занимает политика памяти. Происходит отбор нужных исторических событий: мировые войны по-новому интерпретируются, события, которые разделяют граждан Европейского Союза – забываются, унифицируются учебники в образовании.

Коллективная идентичность в Европе создается также путем создания образов «Другого». В истории становления ЕС значимыми «Другими» для него были США, Турция, Россия, идеологии тоталитаризма и конфессия ислама.

Актуальными формами политики идентичности в ЕС являются политика памяти и политика символов. Особенно большое значение уделяется символам: гимну ЕС, флагу, девизу Европейского Союза «единство в многообразии». Большое символическое значение придается общественным церемониям, праздникам и ритуалам. Символическое значение для Европы имеет День Европы, который отмечается 9 мая.

Эффективная политика идентичности в ЕС проводится в отношении молодежи. Она направлена на формирование общеевропейской идентичности у молодого поколения европейских стран на основе создания единого информационного, культурного и образовательного пространства.

Таким образом, изучение опыта консолидированных поликультурных, поликонфессиональных и полилингвистических государств показывает, что поликультурность государств и надгосударственных сообществ создает дополнительные трудности в процессе формирования макрополитической идентичности, консолидации сообществ на основе согласованных общественных целей и ценностей. В то же время, в тех странах, где в основу политики идентичности заложены ценности демократии, правового государства, общие морально-нравственные ценности, гражданская ответственность, солидарность, социальные гарантии – формирование макрополитической идентичности проходит более успешно. Конструкт макрополитической идентичности имеет границы своего функционирования и рассчитан на определенные исторические условия. Он определяется этнической структурой, культурными традициями и другими объективными факторами. Идентичность в её макрополитическом измерении (национальная, национально-гражданская, гражданско-национальная, гражданская и др.) является существенным фактором стабилизации общественной системы и ресурсом политического развития.

Список литературы

1. **Болотина И.И.** Проблемы формирования государственно-гражданской идентичности в национальных регионах [Электронный ресурс] / И.И. Болотина, Е.И. Кузнецова, Т.В. Толстухина // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/journal/> (дата обращения: 21.02.21)
2. **Волков Ю.Г.** Возможности имплементации зарубежных моделей нациестроительства и национальной интеграции в российских условиях [Электронный ресурс] / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, В.П. Войтенко // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 6. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 11.03.21)
3. **Гигаури Д.И.** Символические измерения политики идентичности [Электронный ресурс] / Д.И. Гигаури // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/search?> (дата обращения: 11.03.21)
4. **Доклад ВЦИОМ** «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы». – 2013, сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (дата обращения: 21.02.21)

5. **Зорин В.Ю.** Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации [Электронный ресурс] / В.Ю. Зорин, А.В. Рудаков // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2018. – № 3. – Режим доступа : www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 21.02.21)
6. **Идентичность:** Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М. : Весь мир, 2017. – 992 с.
7. **Кастельс М.** Власть идентичности [Электронный ресурс] / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: [антология / под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Academia, 1999. – Режим доступа : http://iir-mp.parod.ru/books/inozemcev/page_1003.html (дата обращения: 21.02.21)
8. **Кокка Ю.** Границы Европы и идентичность = Europas grenzen unci identitat: исторический опыт и вызовы современности / Ю. Кокка; [пер. с нем. Е.В. Безмен]. – М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. – 310 с.
9. **Котта М.** Европейская идентичность: вызовы современности / М. Котта // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. – М. : Весь Мир, 2017. – С. 184–193.
10. **Миненков Г.** Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс] / Г. Миненков. – Режим доступа : <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (дата обращения: 11.03.21)
11. **Миненков Г.** Концепт идентичности: перспективы определения (часть I) [Электронный ресурс] / Г. Миненков – Режим доступа : <http://belintellectuals.eu/publications/174/> (дата обращения: 11.03.21)

**Mikhailovskaya O.G.,
Kandaurov B.I.**

Political practices for forming macropolitical identity in polycultural states

The authors of the article analyze the formation of macro-political identity in multicultural states. The reasons for the actualization of the category «political identity», its functions and types. The experience of consolidated polycultural, poly-confessional and polylinguistic states, as well as the model of civic identity of Russia and the states of the European Union.

Key words: *political identity, transformation, multicultural state, democratic transition, nation, legitimation.*

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

УДК 517.968.22

Полищук Наталья Алексеевна,
ст. преподаватель кафедры фундаментальной математики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nata_pl@list.ru

Темникова Светлана Владимировна,
канд. техн. наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой фундаментальной математики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
temnikovasvetlana@rambler.ru

О некоторых вопросах нахождения приближенного решения линейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода с применением полиномов Лежандра

В статье рассмотрен численный метод решения линейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода. В рассматриваемом методе ортогональные полиномы Лежандра используются для аппроксимации неизвестной функции в интегральном уравнении Вольтерра и преобразования уравнения в систему линейных алгебраических уравнений. Для иллюстрации точности данного метода показано его применение на некоторых примерах.

Ключевые слова: *интегральное уравнение Вольтерра, численный метод, наилучшее приближение функции, ортогональные многочлены, полиномы Лежандра.*

Одним из центральных разделов современной математики является теория многочленов. Среди всех многочленов особый интерес вызывают ортогональные многочлены. Прежде всего, это связано с возможностью их применения при решении различных классов теоретических и прикладных задач. Ортогональные многочлены нашли широкое применение в математической статистике, вычислительной математике, квантовой механике, термодинамике, теории кодирования и других областях.

Для описания некоторых демографических процессов, процесса вязкого трения, теплопроводности, процессов восстановления и обновления в страховой математике используются линейные интегральные уравнения Вольтерра второго рода. Решая уравнения, описывающие реально протекающие процессы, приходится зачастую сталкиваться с тем фактом, что не всегда можно аналитически получить точное решение. В связи с этим все большую актуальность приобретают методы приближенного решения интегральных уравнений.

Ортогональные полиномы широко используются для аппроксимации функций. Поэтому при решении интегрального уравнения Вольтерра такие полиномы могут быть использованы для аппроксимации функции $y(x)$, что позволит преобразовать интегральное уравнение в систему алгебраических уравнений, а затем получить решение.

Рассмотрим многочлены $\{P_n\}$, ортогональные на сегменте $[-1, 1]$ с единичным весом $h(x) \equiv 1$, называемые полиномами Лежандра.

Они задаются несколькими способами, один из которых с помощью рекуррентной формулы:

$$P_{n+1}(x) = \frac{(2n+1)}{(n+1)}xP_n(x) - \frac{n}{(n+1)}P_{n-1}(x), n \geq 1,$$

причем: $P_0(x) = 1, P_1(x) = x$.

Рассмотрим пространство функций:

$$L_2 = L_2[a, b; h(x)]. \quad (1)$$

Для каждой функции из пространства (1) можно определить коэффициенты Фурье по ортогональным многочленам:

$$a_n = \int_a^b h(t)f(t)\hat{B}_n(t)dt, n = 0, 1, 2, \dots$$

В результате получаем ряд Фурье по ортогональным многочленам:

$$\sum_{n=0}^{\infty} a_n \hat{B}_n(x) \quad (2)$$

Как и у всяких ортогональных рядов, частичные суммы ряда (2) являются в некотором смысле наилучшими приближениями функции $f(x)$ в метрике пространства (1).

Линейные интегральные уравнения Вольтерра второго рода имеют вид:

$$y(x) - \int_a^x k(x,t)y(t)dt = f(x), \text{ где } x \in [a, b]. \quad (3)$$

При решении интегральных уравнений (3) с заданным ядром $k(x, t)$ и функцией $f(x)$, задача состоит в нахождении неизвестной функции $y(x)$.

Разработано несколько численных методов решения интегральных уравнений такого вида. В работе [2] авторы использовали полиномы Чебышева для решения как линейных, так и нелинейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода и проиллюстрировали точность метода. В настоящей работе другие ортогональные полиномы, полиномы Лежандра, используются при нахождении приближенного решения линейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода.

Благодаря своим ортогональным свойствам, полиномы Лежандра были использованы для решения других интегральных уравнений, таких как интегральные уравнения Фредгольма [3]. В данной статье рассматривается применение полиномов Лежандра для представления неизвестной функции $y(x)$ в уравнении (3) в виде рядов полиномов Лежандра с неизвестными коэффициентами.

Функцию $y(x)$, определенную на $[-1, 1]$ можно разложить в ряд по полиномам Лежандра в виде:

$$y(x) = \sum_{i=0}^{\infty} c_i P_i(x) \quad (4)$$

Если бесконечный ряд в (4) усечен, тогда получим:

$$y(x) = \sum_{i=0}^N c_i P_i(x) = P(x) \cdot C$$

где $P(x) = (P_0(x), P_1(x), P_2(x), \dots, P_N(x))$, $C = (c_0, c_1, c_2, \dots, c_N)$.

Теперь более подробно рассмотрим решение интегрального уравнения Вольтерра с использованием полиномов Лежандра.

Сначала неизвестная функция $y(x)$ и ядро $k(x, t)$ аппроксимируются как:

$$y(x) = P(x) \cdot Y \text{ и } k(x, t) = P(x) \cdot K \cdot P(t), \quad (5)$$

где K – квадратная матрица $(N + 1)$ порядка, элементы которой

$$K_{ij} = \left(\frac{2i+1}{2} \right) \left(\frac{2j+1}{2} \right) \int_{-1}^1 \int_{-1}^1 P_i(x) k(x, t) P_j(t) dx dt, \quad (6)$$

$Y = (y_0, y_1, \dots, y_N)$ – вектор, координаты которого являются коэффициентами в разложении функции $y(x)$ по полиномам Лежандра.

Тогда получим:

$$\int_{-1}^x k(x, t) y(t) dt \approx \int_{-1}^x P(x) K P(t) P(t) Y dt = P(x) K \left(\int_{-1}^x P(t) P(t) dt \right) Y \quad (7)$$

Используя результаты предыдущих исследований [1, 5], вводим $Z(x)$ – квадратную матрицу $(N + 1)$ -го порядка, элементы которой z_{ij} могут быть легко вычислены исходя из заданного x .

$$z_{ij} = \int_{-1}^x P_i(t) P_j(t) dt, \quad (8)$$

Подставив (5), (7), (8) в уравнение (3), получим:

$$P(x)Y - P(x)KZ(x)Y = f(x) \quad (9)$$

Чтобы найти неизвестный вектор Y , выберем такие $N + 1$ точек x_i в сегменте $[-1, 1]$, что:

$$x_i = -1 + \frac{2i}{N}, \quad i = 0, 1, \dots, N \quad (10)$$

Исходя из этого уравнение (9) сводится к системе $N + 1$ линейных алгебраических уравнений

$$P(x_i)Y - P(x_i)KZ(x_i)Y = f(x_i).$$

Вектор Y может быть легко найден из:

$$[P(x_i) - P(x_i)KZ(x_i)]Y = f(x_i) \quad (11)$$

Таким образом, сформулируем алгоритм решения.

1. Аппроксимировать $y(x)$ и $k(x, t)$ с помощью полиномов Лежандра и получить равенство (9).
2. Определить порядок N и выбрать точки x_i , удовлетворяющие (10).
3. Найти квадратную матрицу K для заданного ядра $k(x, t)$, используя (6).
4. Для каждой точки x_i определить векторы $P(x_i)$ и $f(x_i)$, и найти квадратную матрицу $Z(x_i)$.
5. Используя (11) найти вектор Y , а затем найти приближенное решение $y_{\text{прибл}}(x)$.

Точность данного метода проиллюстрируем на следующих примерах. Все расчеты были выполнены с использованием MATLAB 8.6.0.

Пример 1. Найти решение линейного интегрального уравнения Вольтерра второго рода:

$$y(x) - \int_{-1}^x e^{-x^2+t^2} y(t) dt = 2x - (1 - e^{1-x^2}) \quad x \in [-1, 1] \quad (12)$$

Точное решение данного уравнения $y(x) = 2x$.

В уравнении (12) $k(x, t) = e^{-x^2+t^2}$ и $f(x) = 2x - (1 - e^{1-x^2})$.

Уравнение (12) было решено согласно приведенному выше алгоритму с $N = 10$.

После получения приближенного решения был построен график функции $E(f) = |y(x) - y_{\text{прибл}}(x)|$, отражающей наилучшее приближение функций $y(x) = 2x$ и $y_{\text{прибл}}(x)$ на отрезке $[-1, 1]$.

На рис. 1 наглядно видно, что отклонение полученного приближенного решения уравнения (12) от его точного решения по абсолютной величине не превышает значения $1,75 \times 10^{-5}$.

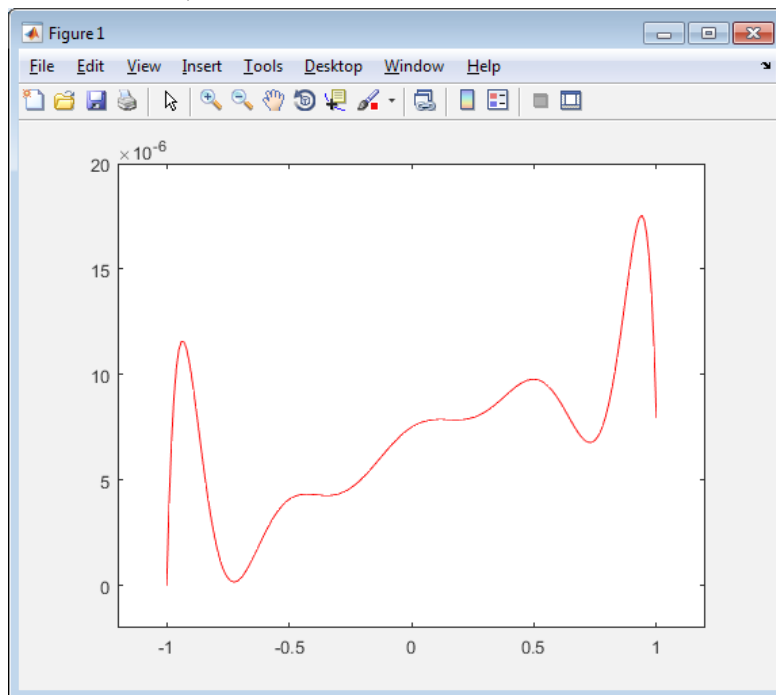

Рис. 1. График функции $E(f)$ (пример 1)

Пример 2. Найти решение линейного интегрального уравнения Вольтерра второго рода:

$$y(x) - \int_{-1}^x xty(t)dt = e^{-x^2} - \frac{1}{2} \left(\frac{1}{e} - e^{-x^2} \right) x, \quad x \in [-1, 1]. \quad (13)$$

Точное решение данного уравнения $y(x) = e^{-x^2}$.

В уравнении (13) $k(x, t) = xt$ и $f(x) = e^{-x^2} - \frac{1}{2} \left(\frac{1}{e} - e^{-x^2} \right) x$.

Аналогично, уравнение (13) было решено согласно приведенному выше алгоритму с $N = 10$, после чего был построен график функции $E(f) = |y(x) - y_{\text{прибл}}(x)|$, отражающей наилучшее приближение функций

$y(x) = e^{-x^2}$ и $y_{\text{прибл}}(x)$ на отрезке $[-1, 1]$.

На рис. 2 наглядно видно, что отклонение полученного приближенного решения уравнения (13) от его точного решения по абсолютной величине не превышает значения $7,7 \times 10^{-6}$.

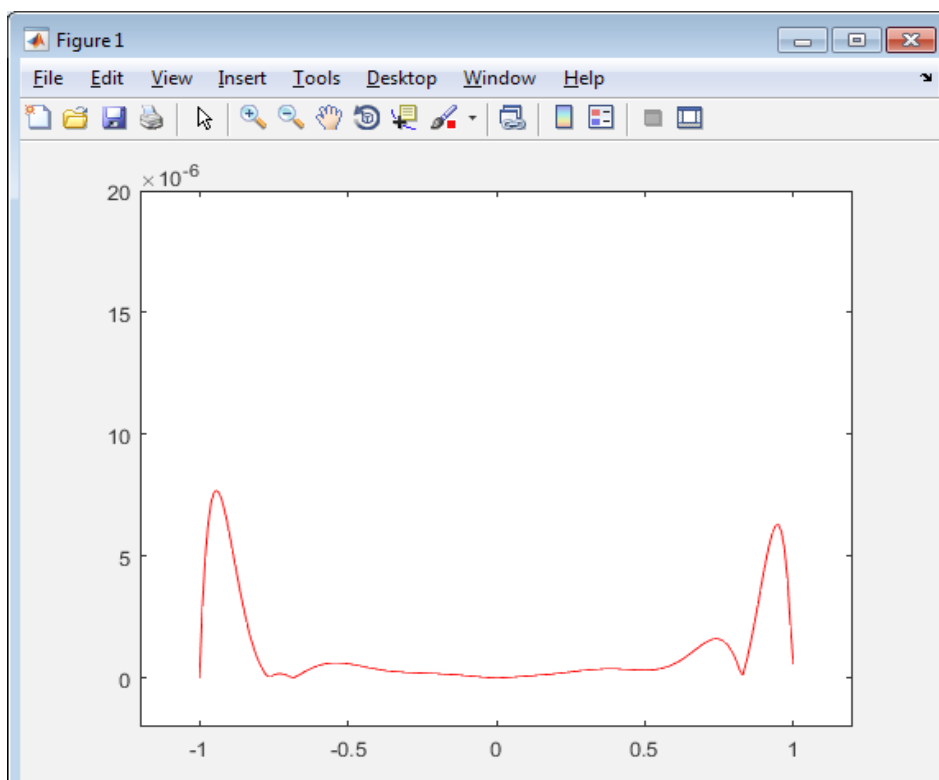

Рис.2. График функции $E(f)$ (пример 2)

Учитывая, что ряды по ортогональным полиномам не сходятся равномерно, то погрешность в некоторых точках может быть сколь угодно велика.

Рассмотренный в работе метод позволяет найти приближенное решение линейного интегрального уравнения Вольтерра второго рода путем аппроксимации неизвестной функции $y(x)$ полиномами Лежандра и преобразованием интегрального уравнения в систему алгебраических уравнений.

Рассмотренные практические примеры подтвердили возможность применения полиномов Лежандра для нахождения приближенного решения линейных интегральных уравнений Вольтерра второго рода и продемонстрировали высокую точность.

Рассмотренный метод может быть расширен и применен для решения общих интегральных уравнений и систем уравнений с соответствующими модификациями.

Список литературы

1. Суетин П.К. Классические ортогональные многочлены / П.К. Суетин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 480 с.
2. Akyuz-Dascioglu. An approximation method for the solution of nonlinear integral equations [Text] / Akyuz-Dascioglu, H.C. Yaslan // Applied Mathematics and Computation. – 2006. – Vol. 174. – P. 619–629.

3. **Maleknejad K.** Discussion on convergence of Legendre polynomial for numerical solution of integral equations [Text] / K. Maleknejad, K. Nouri, M. Yousefi // Applied Mathematics and Computation. – 2007. – Vol. 193. – P. 335–339.
4. **Maleknejad K.** Numerical solution of nonlinear Volterra integral equations of the second kind by using Chebyshev polynomials [Text] / K. Maleknejad, S. Sohrabi, Y. Rostami // Applied Mathematics and Computation. – 2007. – Vol. 188. – P. 123–128.
5. **Scanlon P.J.** An alternative form for the Legendre polynomial expansion coefficients [Text] / P.J. Scanlon // Journal of Computational Physics. – 1987. – Vol. 69 (2). – P. 482–486.
6. **Sezer M.** Chebyshev series solution of Fredholm integral equations [Text] / M. Sezer, S. Dogan // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. – 1996. – Vol. 27 (5). – P. 649–657.

**Polishchuk N.A.,
Temnikova S.V.**

About some questions of the approximate solution of linear Volterra integral equations of the second kind with the use of Legendre polynomials

The article considers a numerical method for solving linear Volterra integral equations of the second kind. In this method, the Legendre orthogonal polynomials are used to approximate an unknown function in the Volterra integral equation and transform the equation into a system of linear algebraic equations. To illustrate the accuracy and effectiveness of this method, its application is shown in some examples.

Key words: *Volterra integral equation, numerical method, best approximation of a function, orthogonal polynomials, Legendre polynomials.*

Техтелев Юрий Владимирович,
 зав. лабораториями
 кафедры физики и методики преподавания физики
 ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
 tehtelev@gmail.com

Кубическая ферромагнитная фаза в сплавах Гейслера

В статье проведен анализ особенностей свободной энергии для кубической ферромагнитной фазы. Выявлено, что при температурах меньше температуры Кюри образуется потенциальная яма, минимум которой соответствует величине намагниченности насыщения. Были обнаружены более четкие условия устойчивости для кубической ферромагнитной фазы. Выраженная зависимость глубины этой ямы от температуры показала, что переход в парамагнитную фазу возможен только при превышении температуры Кюри.

Ключевые слова: сплавы Гейслера, фазовые переходы, температура Кюри, ферромагнитная фаза.

Сплавы Гейслера, обладая высокой чувствительностью к магнитному полю, могут осуществлять эффект памяти формы (ЭПФ) без нагрева, за счет инициирования структурного фазового перехода магнитным полем [6; 7]. Такие сплавы, сочетающие магнитные свойства с ЭПФ, являются объектом пристального внимания в связи с перспективами их практического применения [1–5].

Для сплава Гейслера чисто стехиометрического состава Ni_2MnGa критические точки магнитного (~ 400 К) и мартенситного (~ 200 К) переходов существенно различаются. При этом отклонение от стехиометрического состава $\text{Ni}_{2+x}\text{Mn}_{1-x}\text{Ga}$ приводит к сближению этих точек [4; 5; 8].

Целью настоящей статьи является анализ особенностей потенциального рельефа свободной энергии для кубической ферромагнитной фазы.

Для сплавов Гейслера свободная энергия находится как сумма структурного, магнитного и смешанного вкладов [4]:

$$\begin{aligned}
 \Phi = & \Phi_0 + \frac{1}{2}a(e_2^2 + e_3^2) + \\
 & + \frac{1}{3}be_3(e_3^2 - 3e_2^2) + \frac{1}{4}c(e_2^2 + e_3^2)^2 + \\
 & + B_2 \left(\frac{1}{\sqrt{2}}e_2(m_1^2 - m_2^2) + \frac{1}{\sqrt{6}}e_3(3m_3^2 - m^2) \right) + \\
 & + \frac{1}{2}\alpha(m_1^2 + m_2^2 + m_3^2) + \frac{1}{4}\delta(m_1^2 + m_2^2 + m_3^2)^2 + \\
 & + K(m_1^2m_2^2 + m_2^2m_3^2 + m_3^2m_1^2),
 \end{aligned} \tag{1}$$

где m_1, m_2, m_3 и m – компоненты и модуль вектора намагниченности, соответственно; e_2, e_3 – соответственно сдвиговая и дилатансионная составляющие деформации, которые связаны с тензором деформации:

$$\begin{aligned} e_2 &= (e_{xx} - e_{yy}) / \sqrt{2}, \\ e_3 &= (2e_{zz} - e_{xx} - e_{yy}) / \sqrt{3}. \end{aligned} \quad (2)$$

Деформация является вторичным структурным параметром. Так как независимые переменные задачи безразмерны, то все коэффициенты в выражении (1) имеют одинаковую размерность. Смешанные члены в (1) представляют собой инварианты кубической симметрии и отвечают за взаимодействие между структурными и магнитными параметрами порядка.

Температурная зависимость выражена при помощи коэффициентов при тех же степенях структурного и магнитного параметров порядка:

$$a = a_0 (T - T_M), \quad \alpha = \alpha_0 (T - T_C), \quad (3)$$

где a_0, α_0 – некоторые постоянные, T_M – критическая температура мартенситного перехода, T_C – температура Кюри.

В кубической ферромагнитной фазе составляющие e_2 и e_3 равны нулю, а модуль вектора намагниченности m должен быть больше нуля. Как было выяснено в [10], система стремится к уравниванию компонентов вектора $\bar{m}$, что свидетельствует о том, что главная диагональ куба является осью легчайшего намагничивания. Исходя из этого, можно ввести следующие

обозначения: $m_1 = m_2 = m_3 = m_0 = \frac{m}{\sqrt{3}}$, $e_2 = e_3 = 0$. Тогда выражение (1)

примет следующий вид:

$$\Phi = \frac{3}{2} \alpha_0 m_0^2 (T - T_C) + \frac{3}{4} (3\delta + 4K) m_0^4. \quad (4)$$

Для определения экстремумов функции (4) находим $\Phi'(m_0) = 0$ и выражаем m_0 . Получаем:

$$m_0 [3\alpha_0 (T - T_C) + 3(3\delta + 4K) m_0^2] = 0, \quad (5)$$

$$m_0^2 = \frac{-\alpha_0 (T - T_C)}{3\delta + 4K} \quad \text{и} \quad m_0 = 0. \quad (6)$$

Далее методом перебора были определены следующие ограничения для устойчивого состояния системы:

- 1) если $K > 0$, то $\frac{\delta}{K} > -\frac{4}{3}$;
- 2) если $K < 0$, то $\frac{\delta}{K} < -\frac{4}{3}$;
- 3) если $K = 0$, то $\delta > 0$;
- 4) $\alpha_0 > 0$.

Полученные условия согласуются с представленными в [3]. Более наглядно они отображены закрашенными областями в плоскости $\delta(K)$ на рис. 1.

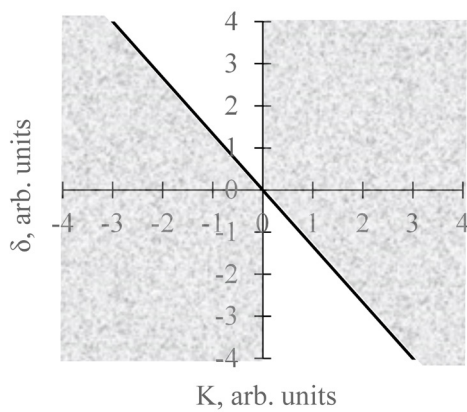

Рис. 1. Условие устойчивости системы в координатах $\delta(K)$

Для вычислений далее будут использованы такие константы: $T_C = 375$ К, $\delta = -1$, $K = 1$, $\alpha_0 = 1$. После построения графика зависимости свободной энергии от намагниченности (рис. 2) становится заметно смещение минимума при снижении температуры менее температуры Кюри T_C . В общем виде минимум потенциальной ямы характеризует намагниченность насыщения ферромагнетика.

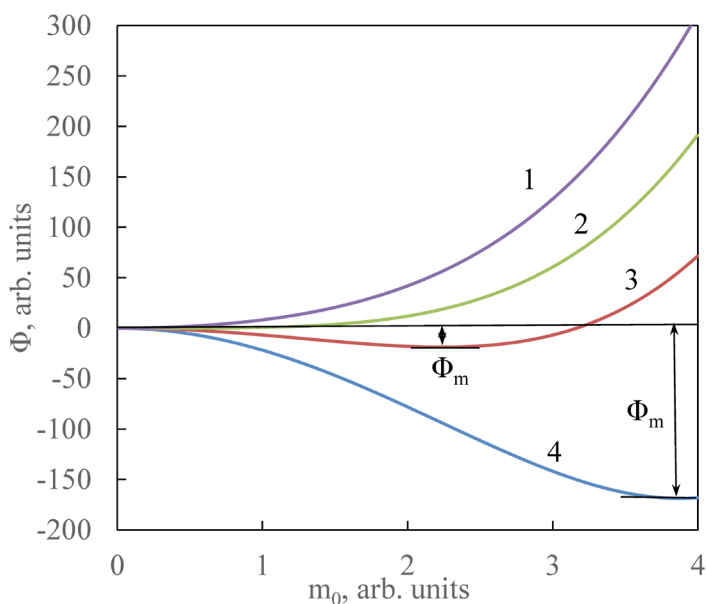

Рис. 2. Зависимость свободной энергии от намагниченности:

1 – $T_C = 380$ К, 2 – $T = T_N = 375$ К, 3 – $T = 370$ К, 4 – $T = 360$ К

Подставив выражение (6) в (4), находим глубину потенциальной ямы:

$$\Phi_m = -\frac{3 [\alpha_0 (T - T_C)]^2}{4 (3\delta + 4K)} \text{ при } T \leq T_C \quad (7)$$

Это значение как функция температуры представлено на рис. 3а, на рис. 3б показана расчетная кривая насыщения намагниченности от температуры. Зона I под кривой представляет собой устойчивую ферромагнитную фазу, в то время как II — неустойчивую. Переход же в кубическую парамагнитную фазу происходит при $T \geq T_C$.

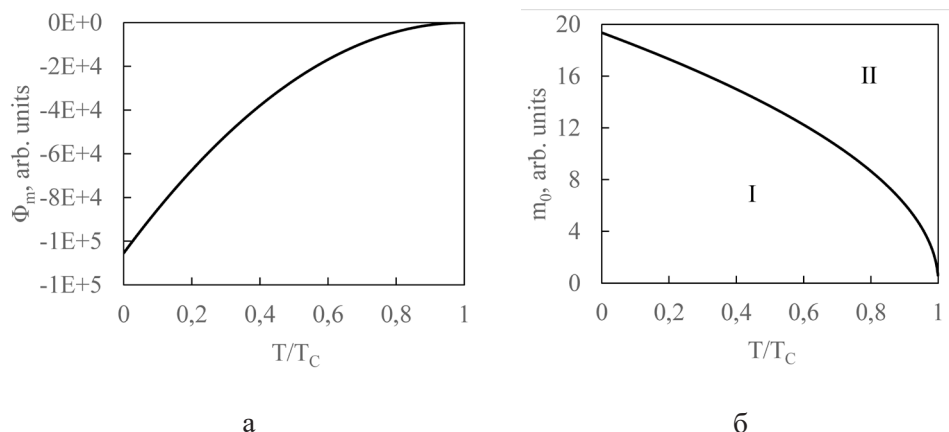

Рис. 3. Температурные зависимости: а – глубины потенциальной ямы от температуры, б – намагниченности от температуры

Проведенный анализ свободной энергии для кубической ферромагнитной фазы показал, что сплав Гейслера в отсутствие деформаций ведет себя как обычный ферромагнетик. При этом выделенные более четкие условия устойчивости такой системы позволяют легче определять границы фазы и допустимые значения констант.

Список литературы

1. **Божко А.Д.** Магнитные и структурные фазовые переходы в ферромагнитных сплавах $Ni_{2+x}Mn_{1-x}Ga$ с памятью формы / А.Д. Божко [и др.] // ЖЭТФ. – 1999. – Т. 115, В. 5. – С. 1740–1750.
2. **Белослудцева Е.С.** Микроструктура, термоупругие мартенситные превращения и свойства В2 сплавов на основе Ni-Mn : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук / Е.С. Белослудцева; Ин-т физики металлов УрО РАН. – Екатеринбург, 2017.
3. **Кучин Д.С.** Эффект памяти формы в сплавах $Ni_{54}Mn_{21}Ga_{25}$ и $Ni_{50}Mn_{41,2}In_{8,8}$ в магнитном поле до 14 Т / Д.С. Кучин [и др.] // Фазовые переходы, критические и нелинейные явления в конденсированных средах: сборник трудов международной конференции, 6–9 сентября 2017 г., Махачкала. – 2017. – С. 145–148.
4. **Метлов Л.С.** Магнитоструктурные фазовые переходы в сплавах Гейслера / Л.С. Метлов, В.В. Коледов, В.Г. Шавров // ФТВД. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 46–53.
5. **Пушин В.Г.** Магнитные и структурные фазовые переходы и степень тетрагональности термоупругого мартенсита в квазибинарных сплавах Гейслера $Ni_{2+x}Mn_{1-x}Ga$ / В.Г. Пушин [и др.] // ФТТ – Т. 57, В. 1. – С. 43–49.
6. **Chernenko V.A.** The development of new ferromagnetic shape memory alloys in Ni-Mn-Ga system / V.A. Chernenko, E. Cesari, V.V. Kokorin, I.N. Vitenko // Scripta Metall. Mater. – 1995. – V. 33, I. 8. – P. 1239–1244.
7. **Zheludev A.** Precursor effects and premartensitic transformation in Ni_2MnGa / A. Zheludev, S.M. Shapiro, P. Wochner, L.E. Tanner // Phys. Rev. B. – 1996. – V. 54, I. 21. – P. 15045–15050.

8. **Vasil'ev A.N.** Structural and magnetic phase transitions in shape-memory alloys $\text{Ni}_{2+x}\text{Mn}_{1-x}\text{Ga}$ / A.N. Vasil'ev, etc. // Phys. Rev. B. – 1999. – V. 59, I. 2. – P. 1113–1120.
9. **Monroe J.A.** Direct measurement of large reversible magnetic-field-induced strain in Ni–Co–Mn–In metamagnetic shape memory alloys / J.A. Monroe, etc. // Acta Mater. – 2012 – V. 60. – P. 6883–6891.
10. **Khovaylo V.V.** Phase transitions in $\text{Ni}_{2+x}\text{Mn}_{1-x}\text{Ga}$ with a high Ni excess V.V. Khovaylo, etc. // Phys. Rev. B. – 2005. – V. 72, I. 22. – P. 224408.

Tehtelev Yu.V.

Cubic ferromagnetic phase in Heusler alloys

An analysis of the free energy features for the cubic ferromagnetic phase is carried out. It is revealed that at temperatures below the Curie temperature, a potential well is formed, the minimum of which corresponds to the value of the saturation magnetization. Clearer stability conditions were found for the cubic ferromagnetic phase. The pronounced temperature dependence of the depth of this well showed that the transition to the paramagnetic phase is possible only when the Curie temperature is exceeded.

Key words: Heusler alloys, phase transitions, Curie temperature, ferromagnetic phase.

Швыров Вячеслав Владимирович,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
slsh@i.ua

Воронина Елизавета Николаевна,
магистрант кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Интерполяция функций с использованием пакета `scipy` в среде Python

Одной из важнейших задач численного анализа является задача интерполяции функций, т.е. требуется восстановить функцию $f(x)$ для всех значений x на отрезке $[a, b]$, если известны её значения в некотором конечном числе точек этого отрезка. Эти известные значения, как правило, находятся в результате наблюдений или измерений. Задача интерполяции может возникать при обработке экспериментальных данных, анализе данных, полученных с датчиков, анализе рынков, обработке аналоговых сигналов. Интерполяционные формулы используются также при вычислении сложных интегралов, решении дифференциальных уравнений, на основе интегральных тождеств.

В данной работе рассматриваются возможности использования пакета `scipy` и языка Python для решения задачи интерполяции по табличным данным и визуализации результатов с помощью пакета `matplotlib`.

Ключевые слова: интерполяция, полиномиальная интерполяция, `matplotlib`, Python, `scipy`.

1. Постановка задачи интерполяции

На практике очень часто возникает необходимость изучения форм связей в процессах и явлениях, а также необходимость их математического описания.

Рассмотрим такие формы связи, для которых некоторая величина Y , что характеризует процесс, зависит от совокупности несвязанных между собой величин $x_1, x_2, \dots, x_n$ таким образом, что каждому набору $(x_1; x_2; \dots; x_n)$ отвечает единственное значение величины Y [2,3].

Такое однозначное соответствие величины Y совокупности независимых переменных $x_1, x_2, \dots, x_n$ называется функциональной зависимостью, а сама переменная величина Y – функцией переменных величин $x_1, x_2, \dots, x_n$.

Формально можно записать $Y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$.

Если величина Y является функцией одной независимой величины x , то эту связь можно представить отношением $Y = f(x)$

Пример. Если рассматривать площадь круга $S = \pi \cdot R^2$, то площадь S является функцией независимого радиуса

$$S = f(R)$$

Если рассмотреть объем фигуры, то он будет функцией трех измерений
 $V = f(x_1, x_2, x_3)$

Из курса математического анализа известны три способа, с помощью которых можно задать функциональные зависимости: аналитический способ, графический, табличный.

Наиболее удобным способом задания функциональной зависимости является аналитический, потому что он прямо указывает действия и их последовательность выполнения над независимой переменной x для получения соответствующего значения Y . Например, связь пути со временем в равноускоренном движении можно выразить формулой:

$$S = V_0 t + \frac{a^2}{2}$$

При аналитическом способе задания есть возможность получить значение Y для любого фиксированного аргумента x с любой точностью.

Но при этом необходимо выполнять всю последовательность вычислений и сам способ не нагляден.

Эти недостатки отсутствуют в случае графического задания функции. Графиком называют геометрическое место точек плоскости XOY , координаты которых удовлетворяют уравнению $y=f(x)$.

Табличный способ задания функции преимущественно распространен в технике, физике, экономике и он чаще возникает в результате обработки эмпирических результатов эксперимента или испытаний.

Преимуществом табличного способа задания функции является то, что для каждого значения независимой переменной, размещенной в таблице, можно сразу найти соответствующее значение функции.

При наличии заданных таблицей функций часто возникает необходимость нахождения значений функции в тех точках, которые отличаются от значений аргумента, зафиксированных в таблице. Такие задачи называют задачами интерполяции.

Пусть на отрезке $[a, b]$ задана функция $y = f(x)$ с своими $n+1$ значениями

$$y_0 = f(x_0) \quad y_1 = f(x_1) \quad \dots, \quad y_n = f(x_n)$$

в точках $x_0, x_1, x_2, \dots, x_n$, которые называют узлами интерполяции. Необходимо найти аналитическое выражение $F(x)$ табличной функции которая совпадает в узлах интерполяции со значением заданной функции, т.е.

Таблица 1

Пример задания данных

y_0	y_1	y_2	y_3	... ..	y_n
x_0	x_1	x_2	x_3	...	x_n

$$y_0 = F(x_0) = f(x_0), \quad y_1 = F(x_1) = f(x_1), \quad \dots, \quad y_n = F(x_n) = f(x_n)$$

Процесс вычисления значений функции в точках x , которые отличаются от узлов интерполяции, называют интерполированием функции $f(x)$.

Если аргумент x , для которого определяется приближенное значение функции, принадлежит заданному отрезку $[x_0, x_n]$, то задача вычисления приближенного значения функции называется интерполированием в узком понимании. Если аргумент находится за пределами отрезка интерполяции $[x_0, x_n]$, то задача определения функции в точке x называется экстраполяцией.

С геометрического ракурса задача интерполирования для функции одной переменной заключается в нахождении кривой $F(x)$ определенного класса, которая проходит через точки с координатами

$$(x_0, y_0), (x_1, y_1), (x_2, y_2), \dots, (x_n, y_n).$$

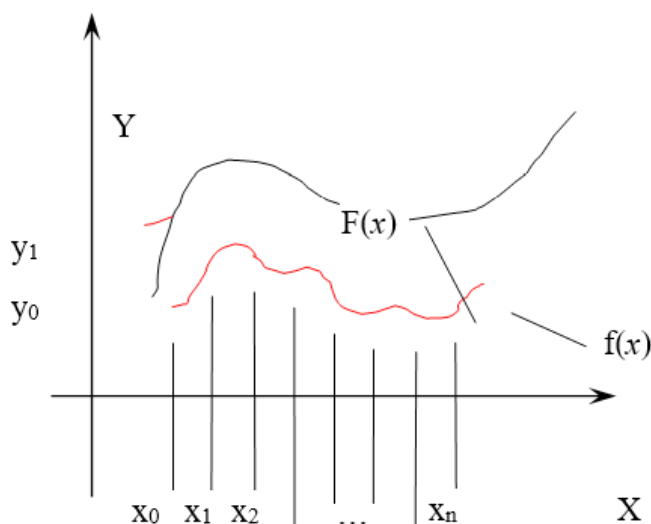

Рис.1. Геометрический смысл интерполяции

Таким образом, задача поиска функции $f(x)$ по конечному числу ее значений становится неопределенной или многозначной.

Эта задача становится однозначной, если как интерполируемую функцию $F(x)$ для функции $f(x)$, которая задана $(n+1)$ своими значениями, выбрать многочлен $F_n(x)$ степени не выше n , такой, что

$$F_n(x_0) = y_0, \quad F_n(x_1) = y_1, \quad \dots, \quad F_n(x_n) = y_n.$$

Многочлен $F_n(x)$, который удовлетворяет этим условиям, называют интерполяционным многочленом, а соответствующие формулы – интерполяционными формулами.

Если функция $F(x)$ принадлежит классу степенных функций, то интерполирование называется параболическим. Параболическое интерполирование наиболее удобно, поскольку многочлены, которые простые по форме и не имеют особенных точек, могут принимать произвольные значения, их легко

вычислять, дифференцировать и интегрировать [6]. При интерполировании возникает ряд задач:

- выбор наиболее удобного способа построения интерполяционной функции для каждого случая;
- оценка погрешности при замене $f(x)$ интерполирующей функцией $F(x)$ на отрезке $[a, b]$;
- оптимальный выбор узлов интерполяции для получения минимальной погрешности.

В случае, если требуется найти приближение для периодических функций, то есть интерполировать некоторые функции, содержащие $\sin$, $\cos$, tg и т.п., то более удобным является применение тригонометрических многочленов вида [7]

$$T_m(x) = a_0 + \sum_{k=1}^m a_k \cos\left(\frac{2\pi k}{L}(x - x_0)\right) + b_k \sin\left(\frac{2\pi k}{L}(x - x_0)\right).$$

2. Использование среды Python для полиномиальной интерполяции

В последние годы язык Python все чаще применяется при обработке экспериментальных табличных данных, поскольку он имеет достаточно понятный и удобный синтаксис и большое количество дополнительных пакетов для организации сложных математических вычислений [1]. Python по сути является интерпретируемым объектно-ориентированным языком и интерактивную среду для разработки программ [5].

Рассмотрим возможности использования среды Python для выполнения полиномиальной интерполяции по табличным данным с помощью пакетов `scipy`, `pandas`.

Для управления зависимостями и удобной установки всех пакетов было использовано программное средство `Anaconda`, в котором создано виртуальное окружение, а также установлены все необходимые пакеты для вычислений. Пакет `Pandas` использовался для чтения данных из формата `xlsx`, пакет `scipy` – непосредственно для выполнения интерполяции, кроме этого для визуализации используем пакет `matplotlib`, и пакет `sympy` для вывода найденного полинома. Полный список пакетов приведен ниже.

```
import pandas as pd
import scipy as sp
import numpy as np
import matplotlib.pyplot as plt
import scipy as sp
from sympy import S, symbols, printing
```

В качестве примера рассмотрим данные для построения интерполяционного многочлена в виде листа `xlsx` (см. рис. 2)

	1	2	3	4
1	X	Y		
2		-3	9	
3		-2	4	
4		-1	1	
5		0	0	
6		1	1	
7		2	4	
8		3	9	
9				
10				

Рис. 2. Табличные данные

Чтение из файла `xlsx` выполняется с помощью пакета `pandas` и метода `read_excel`:

```
df=pd.read_excel(open('exp.xlsx', 'rb'), sheet_name='Лист1')
x=df['X']
y=df['Y']
```

Затем выполним непосредственно поиск коэффициентов интерполирующего данные таблицы многочлена, используя метод `polyfit` пакета `scipy`:

```
fp, residuals, rank, sv, rcond = sp.polyfit(x, y, 2, full=True)
f = sp.poly1d(fp)
```

Для визуализации исходных данных создадим объект холста и отобразим на нем точки с помощью `plt.scatter()` пакета `matplotlib.pyplot`.

Наконец, для визуального оформления найденного интерполяционного многочлена будем использовать пакет `sympy`, который позволяет транслировать формулу в формате `LaTeX` в текстовую надпись

```
xx = symbols("x")
poly = sum(S("{:6.2f}".format(v))*xx**i for i, v in enumerate(fp[:-1]))
eq_latex = printing.latex(poly)
plt.plot(x, f(x), linewidth=2)
ax.set_title("${}".format(eq_latex))
plt.show()
```

В результате, получим искомый полином (см. рис. 3) и график диаграммы для исходных табличных данных.

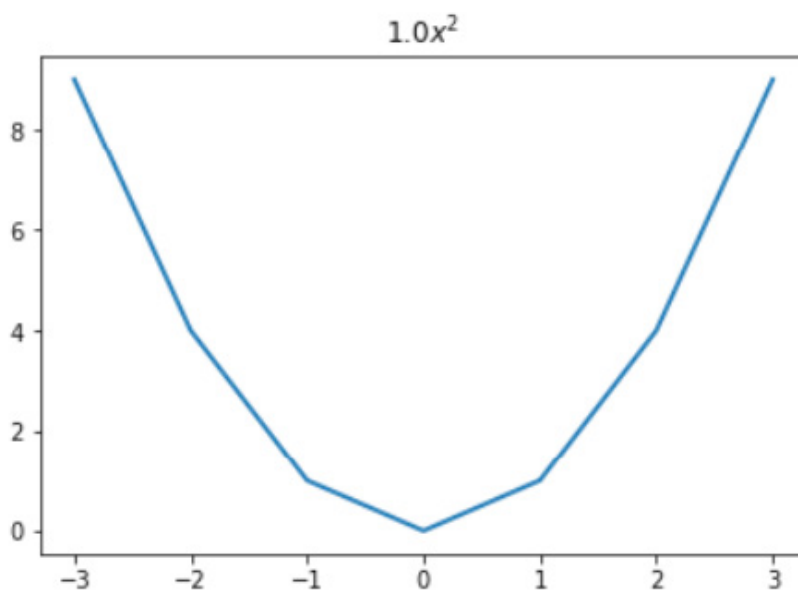

Рис. 3. Результаты интерполяции

Выводы

Основная цель интерполяции – получить быстрый и экономичный алгоритм вычисления значений $f(x)$ для значений x , не содержащихся в таблице данных. Интерполирующие функции строятся в виде линейных комбинаций некоторых элементарных функций:

$$f(x) = \sum_{k=0}^n c_k \Phi_k(x),$$

где $\{\Phi_k(x)\}$ – фиксированные линейно независимые функции, $c_0, c_1, \dots, c_n$ – не определённые пока коэффициенты. В качестве линейно-независимых функций можно выбрать степенные полиномы, что и делается в интерполяционных методах Ньютона и Лагранжа.

Использование средств Python для организации вычислений дает возможность гибкой и удобной настройки параметров и автоматизации рутинных вычислений в случае обработки больших массивов однотипных данных, например, при выполнении анализа экономических или медицинских данных, данных эмпирических наблюдений.

Список литературы

1. **Александрова И.А.** Математика на Python / И.А. Александрова // М. : Прометей, 2018. – Ч. I.
2. **Волков Е.А.** Численные методы : учеб. пособие для вузов – 2-е изд., испр. / Е.А. Волков. – М. : Наука, 1987. – 248 с.
3. **Гаврилюк И.П.** Методы вычислений : учебник, в 2 ч / И.П. Гаврилюк, В.Л. Макаров. – К. : Высшая школа, 1995. – 431 с.

4. **Гетманова Е.А.** Visual Python –язык для моделирования физических явлений / Е.А. Гетманова // Компьютерные инструменты в образовании. – 2005. –№ 5. – С. 43– 47.
5. **Долгих Т.Ф.** Язык Python 3 для научных исследований / Т.Ф. Долгих, Е.В. Ширяева. – Ростов н/Д. : Ростов, 2017. –90 с.
6. **Краскевич В.Е.** Численные методы в инженерных расчетах : учеб. пособие для вузов / В.Е. Краскевич. – К. : Высшая школа, 1986. – 236 с.
7. **Куприянова Л.М.** Программирование, алгоритмические языки и вычислительная математика / Л.М. Куприянова. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 223с.
8. **Хахаев И.А.** Практикум по алгоритмизации и программированию на Python / И.А. Хахаев. –2-е изд., испр. – М. : ИНТУИТ, 2016. –179 с.

**Shvyrov V.V.,
Voronina E.N.**

Interpolation of functions using the scipy package in the python environment

One of the most important problems of numerical analysis is the problem of interpolation of functions, i.e. it is required to recover the function $f(x)$ for all values of x on the segment $[a, b]$ if its values are known at some finite number of points of this segment. These known values are usually found from observation or measurement. The interpolation problem can arise when processing experimental data, analyzing data obtained from sensors, analyzing markets, processing analog signals. Interpolation formulas are also used in calculating complex integrals, solving differential equations, based on integral identities.

This paper discusses the possibilities of using the scipy package and the Python language to solve the problem of interpolation from tabular data and visualize the results using the matplotlib package.

Key words: *interpolation, polynomial interpolation, matplotlib, Python, scipy.*

Технические науки

УДК 539.1.075

Бакаева Наталья Владимировна,
д-р техн. наук, профессор,
профессор кафедры градоустройства
НИУ «Московский государственный
строительный университет»,
Советник Российской Академии
архитектуры и строительных наук (Российская Федерация)
natbak@mail.ru

Калайдо Александр Витальевич,
канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры технологий производства
и профессионального образования
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kalaydo18@mail.ru

Скринникова Анна Владимировна,
ст. преподаватель кафедры
фундаментальной математики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ann3005@rambler.ru

Лабораторное исследование переноса радона в пористых средах

В статье описана методика и экспериментальная установка для лабораторного исследования переноса радона в пористых средах. Предложенная конструкция позволяет определять коэффициенты диффузии радона в грунтах и строительных материалах в условиях, близких к натурным. Особенностью разработанной установки является объединение в столбе циркониевого концентрата мощного источника радона и модели пористой среды. Высокая удельная активность радия в данном природном материале обеспечивает необходимую достоверность результатов измерений без использования радиоактивных веществ, требующих специального обращения. Также в статье представлен алгоритм вычисления коэффициента диффузии по результатам измерения плотности потока радона с поверхности двухслойной пористой среды.

Ключевые слова: радон, уравнение одномерного стационарного диффузионного переноса, метод секущих.

Большую часть годовой дозы радиационного облучения население Российской Федерации получает в зданиях от короткоживущих дочерних продуктов распада радона, который практически полностью поступает из грунта в основании [1]. Поэтому определение плотности потока радона в грунтах и

материалах ограждающих конструкций является актуальной научно-практической задачей в плане проектирования радонобезопасных зданий.

Процесс переноса радона в пористых средах реализуется посредством диффузии и конвекции, причем, в зависимости от конкретных условий переноса, вклад каждого из механизмов может быть как доминирующим, так и пренебрежимо малым. Принято считать, что основным параметром, определяющим характер переноса радона в пористой среде, является ее проницаемость [2; 3].

Под проницаемостью понимается свойство пористых сред пропускать жидкость или газ [4]. Диапазон вариаций величины проницаемости крайне широк – от 10^{-8} м² для гравийных почв до 10^{-15} м² для песчаных глин [5]. Материалы, используемые при производстве подземных ограждающих конструкций, имеют еще меньшую проницаемость: для бетонов она лежит в диапазоне 10^{-14} – 10^{-16} м², а у полимерных пленочных материалов снижается до 10^{-18} м² [6].

Ряд исследователей отмечает, что при проницаемостях ниже 10^{-12} м² конвективные эффекты незначительны [7], а потому плотность потока радона в пористой среде q может быть определена из закона Фика:

$$q = D \cdot \frac{\partial A}{\partial z}, \quad (1)$$

где D – коэффициент диффузии радона в среде, м²/с; A – объемная активность радона, Бк/м³.

Поскольку все глинистые почвы имеют проницаемость ниже 10^{-12} м² [5], то для подавляющего большинства зданий гипотеза о чисто диффузионном характере поступления радона в них является обоснованной. Градиент концентраций радона в грунте и материалах подземных ограждающих конструкций легко может быть определен на основании следующих соображений:

1. Объемная активность радона в воздухе помещений на 3-5 порядков меньше его активности в почвенном воздухе, а потому может быть принята равной нулю.

2. Объемная активность радона в почвенном воздухе увеличивается с глубиной и на определенном расстоянии от дневной поверхности достигает максимального значения, называемого радоновым потенциалом грунта P_{Rn}

$$P_{Rn} = C_{Ra} \cdot \rho_{zp} \cdot k \cdot \frac{1 - \varepsilon}{\varepsilon}. \quad (2)$$

где C_{Ra} – удельная активность радия в грунте, Бк/кг; ρ_{zp} – плотность грунта, кг/м³; k – коэффициент эманирования радона грунтом; ε – пористость грунта.

3. Расстояние от поверхности грунта Δz , на котором устанавливается максимальная объемная активность радона, называется мощностью «активного» слоя [8] и определяется величиной коэффициента диффузии радона в данном грунте.

Таким образом, коэффициент диффузии в наибольшей степени определяет величину плотности потока радона в пористой среде. Он зависит от раз-

личных факторов, таких как температура, влажность, пористость и эффективная проницаемость [9], а потому его достоверное определение представляет актуальную научно-практическую задачу. С использованием коэффициента диффузии вычисляется максимальная радоновая нагрузка на подземные ограждающие конструкции, которая является исходным данным при проектировании основания здания.

Большинство устройств для определения коэффициента диффузии радона стационарным методом содержит две камеры, разделенных образцом исследуемого материала [10]. Радон образуется из источника, помещаемого в первую камеру, или вводится в нее извне, коэффициент диффузии определяется по разности концентраций радона в первой и экспозиционной камерах.

Главным недостатком описанных конструкций является техническая сложность обеспечения герметичности камер при отборе пробы, так как имеющиеся место утечки радона приводят к снижению достоверности получаемых результатов. Кроме того, в качестве источника радона используется урановая руда, относящаяся к радиоактивным материалам, требующим специального обращения.

На базе лаборатории радиационной безопасности в строительстве НИИ строительной физики РААСН авторами была разработана принципиально новая конструкция устройства для определения коэффициента диффузии радона в пористых средах стационарным методом. Устройство также содержит одну герметичную камеру и объемный источник радона, одновременно являющийся физической моделью пористой среды (рис. 1). Повышение точности определения результата достигается за счет исключения из конструкции устройства разъемных соединений и измерения плотности потока радона непосредственно в рабочей камере.

Объемным источником радона в установке выступает колонна циркониевого концентрата, который обладает крайне высокой удельной эффективной активностью радия ($A_{эфф} > 3\ 200$ Бк/кг), что позволяет получать высокие значения плотности потока радона с поверхности материала, повышая точность измерений. При этом сам циркониевый концентрат не относится к радиоактивным веществам, а потому не требует специальных условий хранения и использования.

Главной особенностью разработанного устройства является использование двух слоев различных пористых материалов. Верхний слой является исследуемым материалом, в котором определяется коэффициент диффузии радона.

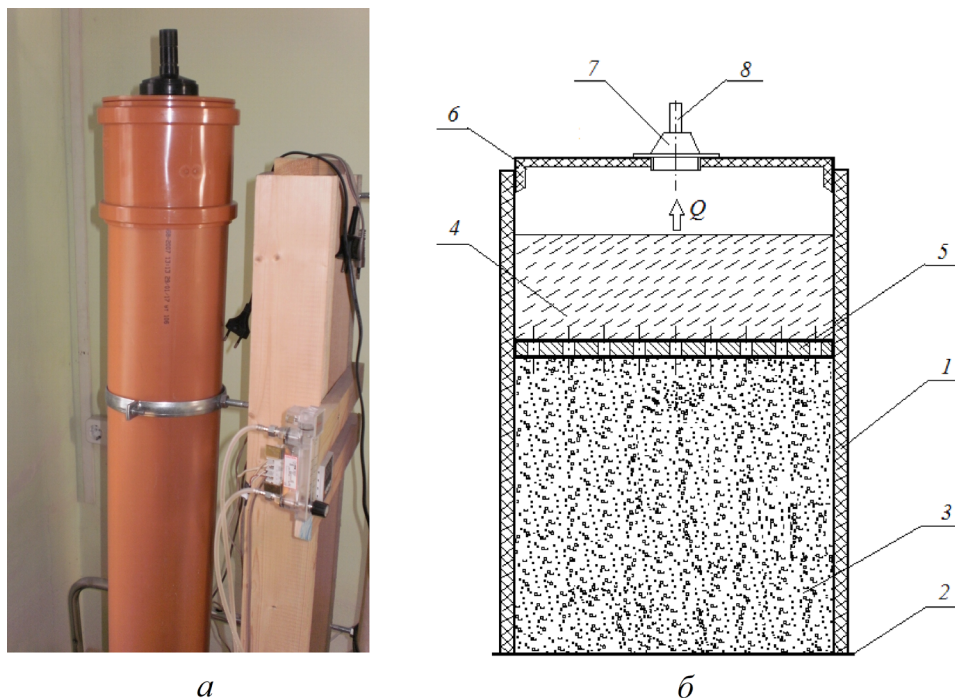

Рис. 1. Устройство для определения коэффициента диффузии радона в пористых средах: а – фото; б – схема: 1 – цилиндрическая камера; 2, 6 – заглушки; 3 – объемный источник радона; 4 – исследуемый материал; 5 – разделительная пластина; 7 – накопительная камера; 8 – сорбционная колонка

Измерение плотности потока радона с поверхности исследуемого материала производится при помощи накопительной камеры, герметично закрываемой сорбционной колонкой СК-13, заполненной активированным углем. Аналитическое выражение для плотности потока радона с поверхности двухслойной пористой среды получено Л.А. Гулабянцем и др. в [11] из решения уравнения одномерного стационарного диффузионного переноса в виде

$$q_2 = \frac{C_{Ra1} \cdot \rho_1 \cdot k_1}{\varepsilon_1} \cdot \frac{\frac{D_1 \cdot sh \frac{h_1}{L_1} \cdot ch \frac{h_2}{L_2}}{L_1} \cdot ch \frac{h_2}{L_2}}{sh \frac{h_1}{L_1} \cdot ch \frac{h_2}{L_2} + \frac{D_1 \cdot L_2}{D_2 \cdot L_1} \cdot ch \frac{h_1}{L_1} \cdot sh \frac{h_2}{L_2}}, \quad (3)$$

где D_1 и D_2 – коэффициент диффузии радона в циркониевом концентрате и исследуемом материале, соответственно, m^2/c ; h_1 и h_2 – толщины верхнего и нижнего слоев, соответственно, m ; C_{Ra1} – удельная активность радия-226 в циркониевом концентрате, Bk/kg ; k_1 – коэффициент эманирования радона в

нижнем слое; ρ_1 – плотность материала нижнего слоя, Бк/кг; L_1 и L_2 – длина диффузии радона в материале верхнего и нижнего слоя, соответственно, м; $\lambda = 2,1 \cdot 10^{-6} \text{ c}^{-1}$ – постоянная распада ^{222}Rn .

Коэффициент диффузии радона в исследуемом материале D_2 определяется по измеренному значению плотности потока радона q_2 из соотношения (3). Если в (3) подставить выражения для длин диффузии

$$L_1 = \sqrt{\frac{D_1}{\lambda}} \text{ и } L_2 = \sqrt{\frac{D_2}{\lambda}}, \quad (4)$$

а затем перенести вправо q_2 , то мы получим нелинейную функцию которая является непрерывной вблизи искомого корня D_2 .

$$f(D_2) = \frac{\frac{C_{Rad} \cdot \rho_1 \cdot k_1}{\varepsilon_1} \cdot \sqrt{D_1 \lambda} \cdot sh \frac{h_1 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_1}} \cdot ch \frac{h_2 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_2}}}{sh \frac{h_1 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_1}} \cdot ch \frac{h_2 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_2}} + \frac{D_1 \cdot \sqrt{D_1}}{D_2 \cdot \sqrt{D_2}} \cdot ch \frac{h_1 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_1}} \cdot sh \frac{h_2 \sqrt{\lambda}}{\sqrt{D_2}}} - q_2 \quad (5)$$

По теореме Больцано-Коши, если функция $f(x)$ непрерывна на $[a; b]$ и

$$f(a) \cdot f(b) < 0, \text{ то } \exists c \in (a; b): f(c) = 0.$$

Корень D_2 возможно отделить, задав граничные значения коэффициента диффузии радона: минимальное – $a = 10^{-12} \text{ м}^2/\text{с}$ (полимерные пленочные материалы) и максимальное – $b = 10^{-5} \text{ м}^2/\text{с}$ (воздух).

Для уточнения искомого корня в (5) был использован численный метод секущих [12]. На рис. 2 представлены основные блоки алгоритма метода секущих для нахождения корней уравнения (5). Здесь подпрограмма f вычисляет значение $f(x)$ по формуле (5); e – погрешность вычислений. Ограничение на количество итераций ($I < 1000$) предотвращает зависание алгоритма.

На рис. 3 показана зависимость плотности потока радона q_2 с поверхности исследуемого материала от коэффициента диффузии радона в нем.

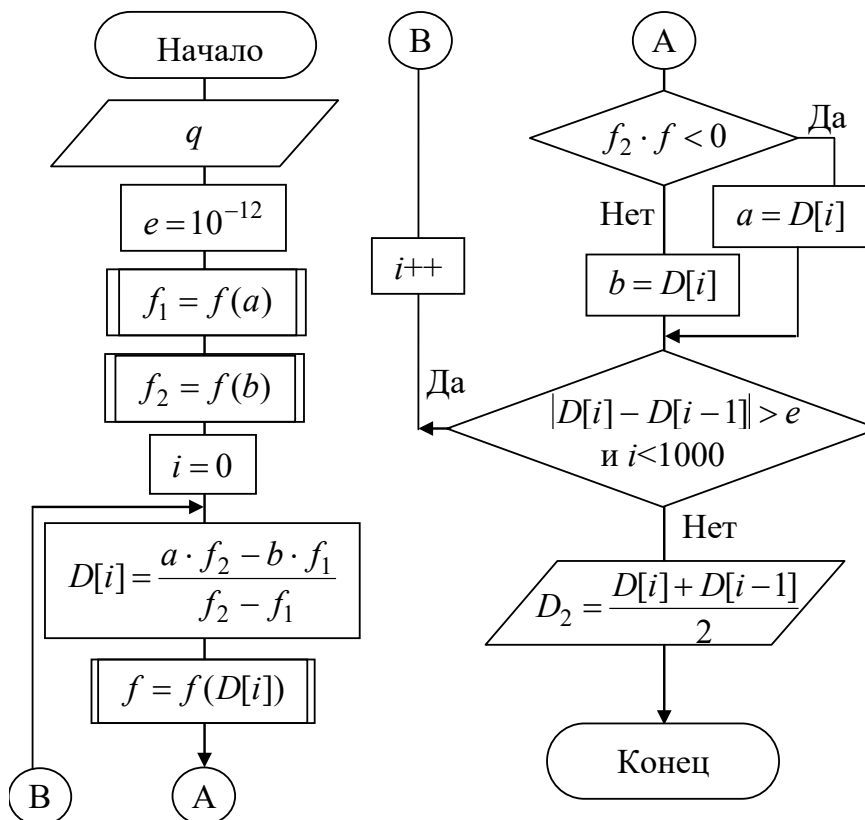

Рис. 2. Алгоритм метода секущих для нахождения корней уравнения (5)

Плотность циркониевого концентрата в расчетах принималась равной $\rho_1 = 2\ 000\ \text{кг/м}^3$; пористость $\varepsilon_1 = 0,5$; коэффициент диффузии радона в нем $D_1 = 10^{-6}\ \text{м}^2/\text{с}$ и коэффициент эманирования $k_1 = 0,3$. Толщина исследуемого материала бралась равной $h_2 = 0,15\ \text{м}$, образование в нем радона в расчет не принималось.

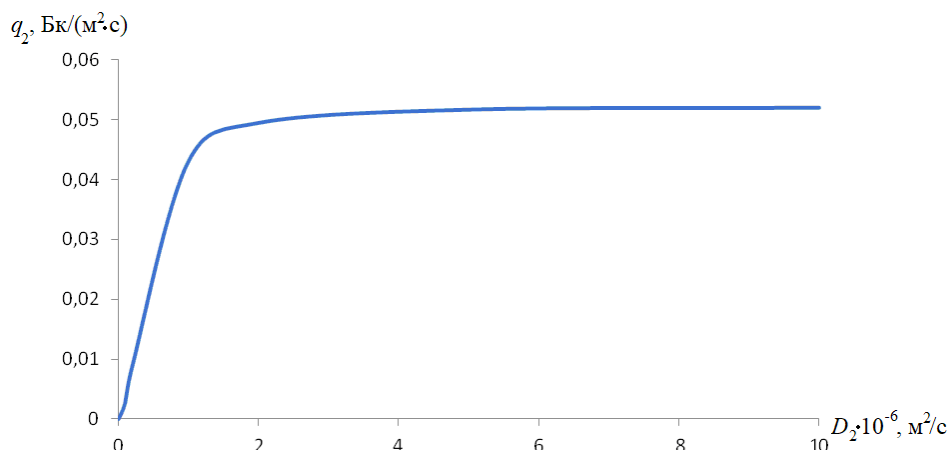

Рис. 3. Зависимость плотности потока радона q_2 с поверхности исследуемого материала от коэффициента диффузии радона в нем

В случае, когда в качестве исследуемого слоя выступает строительный материал, то через коэффициент диффузии радона в нем может быть определена другая важная технологическая характеристика – сопротивление радонопроницанию материала подземной ограждающей конструкции R

$$R = \frac{1}{\sqrt{\lambda \cdot D_2}} \cdot sh \left(h_2 \cdot \sqrt{\frac{\lambda}{D_2}} \right). \quad (6)$$

Таким образом, в результате проведенных исследований было разработано простое по конструкции устройство для определения коэффициента диффузии радона в грунтах и строительных материалах. Его использование позволит с достаточно высокой точностью определять параметры, необходимые для рационального проектирования подземных ограждающих конструкций зданий: коэффициент диффузии радона в грунте или материале ограждающей конструкции, а также их сопротивление радонопроницанию.

Список литературы

1. Гулябянц Л.А. Пособие по проектированию противорадоновой защиты жилых и общественных зданий / Л.А. Гулябянц – М. : ФЭН-НАУКА, 2013. – 52 с.
2. Богданов А.Е. Сравнительный анализ методов численного решения систем нелинейных уравнений / А.Е. Богданов, О.А. Торшина // Международный научно-исследовательский журнал, Вып. №4(82) Физ.-мат. науки, 2019, – С. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.82.4.006>.
3. Гулябянц Л.А. Мощность «активного» слоя грунта при диффузионном переносе радона в грунтовом основании здания / Л.А. Гулябянц, Б.Ю. Заболоцкий // АНРИ: Аппаратура и новости радиационных измерений, 2001. – № 4 (27). – С. 38–40.

4. Гулябянц Л.А. Определение радоновой нагрузки на подземные ограждающие конструкции здания / Л.А. Гулябянц, М.И. Лившиц, С.В. Медведев // Академия. Строительные науки, 2016. – № 1. – С. 122–128.
5. Гулябянц Л.А. Плотность потока радона как критерий оценки радоноопасности / Л.А. Гулябянц, Б.Ю. Заблоцкий // АНРИ: Аппаратура и новости радиационных измерений, 2004. – № 3. – С. 16–20.
6. Шмонов В.М. Техника измерения проницаемости образцов анизотропных горных пород для воды и газа / В.М. Шмонов, В.И. Мальковский, А.В. Жариков // Приборы и техника эксперимента, 2011. – № 5. – С. 129–135.
7. Andersen C.E. Soil gas and radon entry into a simple test structure: comparison of experimental and modeling results / C.E. Andersen, J. Spgaard-Hansen, B. Majbom Rise // Radiation Protection Dosimetry, 1994. – № 36 (1–4), – Pp. 151–155.
8. Bakaeva N.V. Analytical model for calculation the radon-protective characteristics of underground walling / N.V. Bakaeva, A.V. Kalaydo // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2018. – Pp. 456. DOI: 10.1088/1757-899X/456/1/012102.
9. Kovler K. Determination of the Radon diffusion length in the building materials using electrets and activated carbon / K. Kovler, A. Perevalov, V. Steiner, E. Rabkin // Health Physics, Vol. 86. – 2004. – Pp. 505–516.
10. Jamadi F. Radon gas diffusion coefficient in moisturized soil samples / F. Jamadi, A. Hosseini Ranjbar, H. Abbaslou // International Journal on «Technical and Physical Problems of Engineering», 2015. – Vol. 7–1. – Pp. 15–20.
11. Scott A.G. Modeling radon source and ingress / A.G. Scott // Proceedings of the 1993 International Radon Conference, 1993. – Vol. IV. – Pp. 66–74.
12. Wang F. The development of a radon entry model for a house with a cellar / F. Wang, I. Ward // Building and Environment, 2000. – № 35. – Pp. 615–631.

**Bakaeva N.V.,
Kalaydo A.V.,
Skrinnikova A.V.**

Laboratory investigation the radon transport in porous media

The article describes a technique and an experimental device for laboratory investigation the radon transport in porous media. The proposed design makes it possible to determine the radon diffusion coefficients in soils and building materials under real conditions. A feature of the developed device is the combination of a powerful radon source and a porous medium model in the zirconium concentrate column. The high specific activity of radium in this natural material provides the necessary reliability of the measurement results without the use of radioactive substances that require special handling. The article also presents an algorithm for calculating the diffusion coefficient based on the results of measuring the radon flux density from the surface of a two-layer porous medium.

Key words: radon, one-dimensional stationary diffusion transport equation, secant method.

НЕТ УДК

Паламарчук Анастасия Анатольевна,
студент Института архитектуры и строительства
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет»
(Российская Федерация)
palamarchukanastasia505@Gmail.com

Сидельникова Ольга Петровна,
д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры безопасности
жизнедеятельности в строительстве и городском хозяйстве
Института архитектуры и строительства
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет» (Российская Федерация)
sidelnikova-volg@mail.ru

Анализ изменений в оценке условий труда по показателям напряженности трудового процесса в соответствии с ФЗ-426 от 28.12.2013 «О специальной оценке условий труда»

С каждым годом риск травматизма и несчастных случаев уменьшается, но по-прежнему остается на высоком уровне. Одним из способов контроля условий рабочего места, в которых работник исполняет свои трудовые обязанности, является специальная оценка условий труда, которая включает в себя: идентификацию негативных факторов технологического процесса и установление класса условий труда.

Ключевым пунктом этой процедуры является оценка напряженности и тяжести трудового процесса, поскольку важно определять не только физическое и химическое воздействие факторов производственной среды на работника, но и необходимо учитывать физические и интеллектуальные нагрузки, связанные с приемом и переработкой информации, требующей преимущественного напряжения сенсорного аппарата, внимания, памяти, а также активизации процессов мышления, эмоциональной сферы.

В статье рассмотрены показатели, по которым оценивают напряженность трудового процесса на сегодняшний день, выполнен сравнительный анализ изменений, коснувшихся этих показателей, а также определены положительные и отрицательные стороны нововведений.

Ключевые слова: *напряженность труда, показатели трудового процесса, условия труда, рабочее место.*

Проблемой многих предприятий остается организация труда и обеспечение безопасных условий на рабочем месте. Организация труда подразумевает создание комфортных и допустимых условий, в которых была бы обеспечена высокая работоспособность и, как следствие, исключена возможность чувства усталости и вреда для здоровья.

Важнейшим условием нормального состояния человека остается отсутствие умственных и физических перенапряжений, которым подвержены работники в течение смены; а также стимулов, раздражителей, создающих предпосылки для возникновения нервно-эмоциональных состояний.

С внедрением новых технологий и мероприятий по улучшению условий труда существенно снижается нагрузка на работника, о чем свидетельствует статистика, опубликованная Росстатом [1] (табл.1)

Таблица 1

Число занятых на работах, связанных с напряженностью трудового процесса, %

Год	2017		2018		2019	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,5	2,8	6,2	2,2	5,9	2,1
Добыча полезных ископаемых	6,3	2,5	4,5	2	4,0	1,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6,4	2,1	3	2,1	2,8	2,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	4,7	0,9	3,3	0,6	3,1	0,6
Строительство	7	1,6	4,9	1,2	4,7	1
Деятельность в области информации и связи	0,9	0,3	0,6	0,2	0,9	0,6

В Приказ Минтруда России от 24.01.2014 г. №33н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению» [2] были внесены изменения. Они коснулись сроков действия декларации по спецоценке условий труда, внеочередной проверки знаний по охране труда и др. Также были исключены из перечня оценки напряженности трудового процесса некоторые виды нагрузок (табл.2).

Таблица 2

Изменения в оценке напряженности трудового процесса

Вид нагрузок	Методика, действовавшая до 2014 года	Методика 2014 года, с изменениями
1. Интеллектуальные нагрузки	1.1. Содержание работы	Показатель не учитывается
	1.2. Восприятие сигналов (информации) и их оценка	Показатель не учитывается
	1.3. Распределение функций по степени сложности задания	Показатель не учитывается
	1.4. Характер выполняемой работы.	Показатель не учитывается
2. Сенсорные нагрузки	2.1. Длительность сосредоточенного наблюдения (в % от времени смены)	Показатель не учитывается
	2.2. Плотность сигналов (световых, звуковых) и сообщений в среднем за 1 ч работы	Учитывается
	2.3. Число производственных объектов одновременного наблюдения	Учитывается
	2.4. Размер объекта различения при длительности сосредоточенного внимания (% от времени смены)	Показатель не учитывается
	2.5. Работа с оптическими приборами (микроскоп, лупа и т.п.) при длительности сосредоточенного наблюдения (% от времени смены)	Учитывается
	2.6. Наблюдение за экраном видеотерминала (ч в смену)	Показатель не учитывается
	2.7. Нагрузка на слуховой анализатор	Показатель не учитывается
	2.8. Нагрузка на голосовой аппарат (суммарное количество часов, наговариваемых в неделю)	Учитывается

3. Эмоциональные нагрузки	3.1. Степень ответственности за результат собственной деятельности. Значимость ошибки	Показатель не учитывается
	3.2. Степень риска для собственной жизни	Показатель не учитывается
	3.3. Степень ответственности за безопасность других лиц	Показатель не учитывается
4. Монотонность нагрузок	4.1. Число элементов (приемов), необходимых для реализации простого задания или многократно повторяющихся операций	Учитывается
	4.2. Продолжительность (с) выполнения простых производственных заданий или повторяющихся операций	Показатель не учитывается
	4.3. Время активных действий (в % к продолжительности смены)	Показатель не учитывается
	4.4. Монотонность производственной обстановки (время пассивного наблюдения за ходом техпроцесса в % от времени смены)	Учитывается
5. Режим работы	5.1. Фактическая продолжительность рабочего дня	Показатель не учитывается
	5.2. Сменность работы	Показатель не учитывается
	5.3. Наличие регламентированных перерывов и их продолжительность (без обеденного перерыва)	Показатель не учитывается

Таким образом, из 22 ранее учитываемых показателей оценка проводится только по 5. Более не оцениваются: интеллектуальные, эмоциональные нагрузки, режим работы, а также часть сенсорных нагрузок. В таблице 3 приведены параметры, оцениваемые новой методикой.

**Оцениваемые параметры напряженности трудового процесса
с изменениями на 2014 год**

Вид нагрузок	Показатели
1. Сенсорные	1. Плотность сигналов (световых, звуковых) и сообщений в среднем за 1 ч работы
	2. Число производственных объектов одновременного наблюдения
	3. Работа с оптическими приборами (микроскоп, лупа и т.п.) при длительности сосредоточенного наблюдения (% от времени смены)
	4. Нагрузка на голосовой аппарат (суммарное количество часов, наговариваемых в неделю)
2. Монотонность нагрузок	5. Число элементов (приемов), необходимых для реализации простого задания или многократно повторяющихся операций, и Монотонность производственной обстановки, которые объединили в один пункт – Время активных действий

В соответствии с утвержденной методикой проведения специальной оценки условий труда 2014 года не учитываются:

1. Интеллектуальные нагрузки

Предусматривают постоянные мыслительные процессы в течение рабочей смены. Этот показатель ранее оценивался с точки зрения сложности выполнения задания: от простых задач до творческих решений. От этого и зависела нагрузка на организм работника, ведь чем больше возложено на него функций, тем выше напряженность труда.

Характер выполняемой работы характеризовался такими показателями, как [3]:

1. Наличие/отсутствие индивидуального графика работы.
2. Дефицит времени.
3. Ответственность за конечный результат.

Здесь действовала такая схема: чем больше дефицит времени на выполнение задания, тем выше напряженность и ответственность за конечный результат.

Все это, безусловно, связано с эмоциональной составляющей, которая также была исключена при оценке напряженности трудового процесса.

На наш взгляд, именно интеллектуальные нагрузки в большей степени могли повлиять на определение конечного класса условий труда и, как следствие, на выплаты и компенсации за работу во вредных условиях.

2. Сенсорные нагрузки

Подразумевают воздействие на основные органы чувств. Не учтены показатели: размер объекта различения при длительности сосредоточенного вни-

мания; длительность сосредоточенного наблюдения; наблюдение за экраном видеотерминала и нагрузка на слуховой анализатор. Сейчас в меньшей степени затронута нагрузка на слуховой аппарат. Если наблюдение за экраном видеотерминала можно соотнести с монотонностью труда и оценивать по оставшимся показателям зрительную нагрузку, то оценка на слуховой аппарат отсутствует. Единственным способом отследить нагрузку остается процедура медицинского осмотра, которая также подразумевает проведение оценки влияния негативных факторов производственной среды на здоровье работника. Из этого следует, что комплексная оценка напряженности будет не вполне корректна, т.к. в полной мере нет сведений о воздействии на слуховой анализатор.

Статьей 212 ТК РФ [4] определены обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий на рабочих местах. При повышенных сенсорных нагрузках важно контролировать эти условия труда. Связывая это с нововведениями, стоит уделить внимание пункту, который исключили – «Размер объекта различения при длительности сосредоточенного внимания». В данном случае предлагается оценить сразу два значения: размер рассматриваемого объекта и процент времени его рассмотрения от времени смены. В качестве основы объектов различения взяты категории зрительных работ из СНиП 23–05–95 «Естественное и искусственное освещение» [5]. При отсутствии возможности объективного определения размера объекта и времени рассмотрения существует риск возникновения производственных ошибок.

Поэтому, исключив из сенсорных нагрузок оценку указанных выше показателей, работодателю необходимо разрабатывать собственные мероприятия по улучшению условий труда, например, использовать автоматизированные системы с возможностью настройки размеров объектов наблюдения с учетом индивидуальных особенностей работников. Это позволит уменьшить риски появления профессиональных заболеваний, связанных с нагрузкой на зрительный анализатор.

3. Эмоциональные нагрузки

Показатель указывает, в какой мере работник может влиять на результат собственного труда при различных уровнях сложности осуществляемой деятельности. С возрастанием сложности повышается степень ответственности за свой результат и тех, кто также задействован в производственном процессе, поскольку ошибочные действия приводят к дополнительным усилиям и увеличению эмоционального напряжения.

Инстинктивный страх причинения вреда может сопровождать не только профессии с реально высоким риском таких событий, но и профессии, при которых этот риск навязывается подсознанию работников особенностями производственной обстановки и их личной восприимчивостью.

С отменой учета этого вида нагрузок может возрасти риск несчастных случаев в результате эмоционального подхода к своей деятельности и понимания того, что в итоге степень вины будет возлагаться в большей мере на работодателя. Положительными или отрицательными станут эти нововведения – покажет время, но, вероятно, эмоциональные нагрузки также должны учитываться, причем совместно с интеллектуальными, где присутствуют творческие решения.

4. Монотонность труда

Производства бывают как с высокой активной деятельностью, так и с монотонным режимом работы, который также оказывает нагрузку на организм. Причем здесь можно говорить не только о физических нагрузках, но и о психологических. В данном случае нагрузка на работника и его напряженное состояние вызывается однообразием выполняемых на работе движений и действий. Под влиянием переживаний человек, не умеющий это состояние сдерживать или устранять, становится вялым, безучастным к работе. Поэтому важно учитывать время и условия, в которых работник исполняет свои трудовые обязанности.

При определении монотонности производственного процесса перестал учитываться такой показатель, как продолжительность выполнения простых производственных заданий или повторяющихся операций. А также были объединены два пункта в один: «Число элементов (приемов), необходимых для реализации простого задания или многократно повторяющихся операций» и «Монотонность производственной обстановки» объединили «Во время активных действий», который и стал определяющим при оценке монотонности труда.

5. Режим труда

Согласно ст.37 Конституции РФ [6], «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены...». При надлежащей организации труда, введении регламентированных перерывов на отдых, а также рационального составления графиков работы (сменности) можно способствовать улучшению функционального состояния организма работника и обеспечить высокую производительность его труда. Недостаток вышеперечисленных условий усугубляет обстановку и вызывает повышенную нагрузку на организм, поскольку отсутствует элемент кратковременной защиты временем от воздействия факторов трудового процесса и производственной среды.

Результаты проведенного анализа показали, что новой методикой исключены основополагающие показатели напряженности трудового процесса. Учет ранее существующих показателей, на наш взгляд, способен в большей степени предотвратить риски несчастных случаев и профессиональные заболевания, а также существенные материальные потери работодателя на мероприятия по улучшению условий труда.

Список литературы

1. **Федеральная служба государственной статистики** [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/working_conditions?print=1.
2. **Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ** от 24 января 2014 г. № 33н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению».
3. **Руководство Р 2.2.2006-05** «Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда».

4. **Трудовой кодекс Российской Федерации** от 30.12.2001 № 197–ФЗ (ред. От 16.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
5. **СНиП 23–05–95**. Естественное и искусственное освещение. – М.: ГП ЦПП, 1995.
6. **Конституция Российской Федерации**: [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2021)
7. **Федеральный закон** от 28.12.2013 N 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» ЗАО «Консультант Плюс». – ИБ СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/1510e52e196f8c85940c7bcdcb10352da6847443/
8. **Безопасность жизнедеятельности**. Безопасность технологических процессов и производств. Охрана труда / П.П. Кукин и др. – М. : Высшая школа, 2009. – 336 с.

**Palamarchuk A.A.,
Sidelnikova O.P.**

Analysis of changes in the assessment of working conditions by the indicator of the severity of the labor process in accordance with the Federal Law – 426 of 28.12.2013 «On Special Assessment of Working Conditions»

One of the ways of monitoring the conditions of the workplace in which the employee performs his/her work duties is a special assessment of working conditions, which includes: identification of negative factors of the technological process and establishment of the class of working conditions.

The key point of this procedure is the assessment of the intensity and severity of the labor process, since it is important to evaluate not only the physical impact of factors of the production environment on the employee, but also take into account the intellectual loads associated with the reception and processing of information that requires preferential tension of the sensory apparatus, attention, memory, as well as the activation of processes of thinking, emotional sphere.

The article considers the points by which the labor process tension is assessed to date, a comparative analysis of the changes that affected this indicator is carried out, as well as the positive and negative aspects of innovations.

Key words: *about tensions, indicators of the labor process, working conditions, workplace.*

Экономические науки

УДК [330.1:330.341.1]-043.86²1917/1991²

Заика Ирина Петровна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
zip1964@mail.ru

Скороход Наталья Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой экономики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
skorohod67@mail.ru

Отражение и развитие инновационных идей в экономической науке «советского периода»: размышления после научного семинара

*Самая могучая сила в мире – это мысль.
Чем больше форм для своего отражения она находит,
тем больше эта сила может проявить себя.*
Лев Толстой

В статье представлены размышления авторов по поводу использования научного наследия учёных «советского периода» в современной экономике в эпоху развёртывания четвёртой промышленной революции. Идея написания статьи возникла после проведения научного семинара «Вклад в экономическую науку профессора Бадера Василия Антоновича» и включает основные теоретические инновации учёного.

Ключевые слова: инновационно-реформаторские идеи, «советский период», «социалистический продукт», капитал, фонды.

Либеральная модель реформирования национальной экономики, применяемая в России и в ряде республик постсоветского пространства по своей социально-экономической направленности и последствиям, скорее всего, напоминает грандиозный экономический эксперимент, проводимый ради самого эксперимента. Истинная экономическая реформа всегда выступала как важнейшая составляющая общественного развития, ведущего к повышению уровня и качества жизни, к развитию новых форм научно-технического прогресса, а в современных условиях – перестройки мировой экономики на «цифровые рельсы». К сожалению, данного эффекта не наблюдалось в ранних российских экономических реформах.

Задачей российской экономической науки является аргументированное обоснование, на основе достижений экономической мысли многих поколений учёных, формирования эффективной модели социально-экономического

развития страны с использованием собственного исторического опыта, в том числе и опыта социалистического хозяйствования.

Цель данной статьи состоит в изучении научного наследия учёных «советского периода» на предмет отражения их достижений в современной науке и развития инновационно-реформаторских идей, необходимых для формирования эффективной модели социально-экономического развития стран постсоветского пространства.

В анализе экономических процессов периода XX – XXI вв. в литературе имеют место различные подходы учёных, представляющих существующие направления и школы экономической мысли. В статье мы будем оперировать экономическими категориями науки «советского периода», обращая внимание на категории, рассматриваемые представителями других школ экономической науки и отражающие аналогичные процессы

Для современного производства в условиях развёртывания четвёртой промышленной революции требуются значительные инвестиции, которые могут быть получены двумя основными способами: за счёт роста производительности общественного труда, или за счёт целенаправленного сокращения личного потребления трудящихся и их обнищания. Для страны, выбравшей второй способ финансирования национальной экономики, будут иллюзорными ожидания зажиточной жизни для всех, а также того, что эту жизнь можно быстро обеспечить путём полной капитализации экономики. Российские реформы в конце XX – начале XXI вв., проходившие по второму способу финансирования инвестиций, привели к «голландской болезни». «Голландская болезнь» характерна в период реформирования для многих экономик стран, имеющих значительный природный потенциал, в которых экономическая политика не получает достаточного научного обоснования.

Экономическое развитие в период четвёртой промышленной революции требует реализации в хозяйственной жизни инновационно-реформаторских идей. Современная экономика потенциально представляет собой многоуровневую и в высшей степени сложную систему производственных отношений, которые могут реализовать свои цели, свой потенциал на основе применения науки к хозяйственной практике. Во-вторых, современная экономика объективно социализируется, нацеливается на социальные приоритеты в своём развитии. Поэтому реальный путь в инновационном реформировании состоит в переходе к многоукладной экономике с приоритетным развитием народных предприятий, сочетающих в себе различные формы трудовой собственности.

Многоукладная экономика создаёт условия для оживления хозяйственной инициативы и вывода экономики из кризиса, а также для дальнейшего её поступательного развития путём привлечения государством иностранного и отечественного капитала, а также собственности трудящихся.

Научный анализ параметров многоукладной экономики проводился учёными-экономистами «советского периода» Я.А. Кронродом, Н.А. Цаголовым, В.С. Немчиновым, Л.И. Абалкиным и другими [1; 4; 5]. В политической экономике начала XX века дискуссии разворачиваются от описания и анализа содержания и формы, сущности и явления экономических процессов в сторону обоснования практических рекомендаций хозяйствования. Особо следует от-

метить новаторский подход к изучению экономических явлений и процессов «советской модели хозяйствования» Василия Антоновича Бадера.

Исходной категорией в изучении «советской модели хозяйствования» он определяет «социалистический продукт» как наноявление, как исходную категорию политической экономии социализма. Василий Антонович считает, что в социально-экономической форме продукта «завязаны» все процессы и все противоречия экономической системы многоукладной экономики. Началом всех процессов и их развёртывания в целостную систему служит продукт. «Социалистический продукт» учёный рассматривает как специфический вид продукта со своим особым содержанием и специфической формой [2, с.11]. Социально-экономическая форма продукта определяется формой собственности на средства производства и формой обмена деятельностью между экономическими субъектами. Данный тезис относится к общеизвестным определениям в политической экономии и в экономической теории.

По содержанию социалистический продукт рассматривался как социалистическая собственность. В.А. Бадер указывает на раздвоение качества продукта, поскольку он является отражением как общенародной собственности, так и собственности отдельных коллективов производителей. При этом автор и другие учёные-экономисты, например, Л.И. Абалкин, подчёркивали, что понятие общенародной собственности не тождественно категории государственной собственности при социализме [2, с.69]. Учёные Института экономики Академии наук СССР пришли к выводу о том, что в процессе социалистической практики хозяйствования абсолютное огосударствление производства привело в поздний советский период к возникновению плутократической собственности и к отрицанию в этом смысле общенародной собственности.

Меновая форма «социалистического продукта» выводится учёными из факта относительного обособления государственной собственности, поскольку эта форма предполагает обособление внутри совместного присвоения средств производства, а, следовательно, и продуктов коллективами предприятий. При этом меновые (стоимостные) отношения не являются уже абсолютными, а сочетаются с отношениями планомерности. Меновые отношения и планомерность конвергируют друг с другом и вызывают необходимость «социалистического сотрудничества» и взаимопомощи членов общества. При этом В.А. Бадер обращает внимание, что экономическое соревнование в новых условиях – это соревнование не просто за высшие достижения по более производительному использованию материальных и трудовых ресурсов, но и за экономически выгодное их использование. Необходимо отметить, что в начале XX в. В.И. Ленин в характеристике экономического соревнования подчёркивал, что достижение лучших социальных результатов на предприятии является первейшим условием оценки результатов социалистического соревнования.

Продукт многоукладной экономики, которой, в действительности, является современная экономика, приобретает переходную социально-экономическую форму. В экономической литературе его рассматривают как нетовар и как товар. Такая двойственная природа «социалистического продукта» обу-

словлена переходной формой обмена деятельностью, которую В.А. Бадер называет распределительно-меновой. Дж.К. Гэлбрейт называет эту форму планомерно-рыночной. Вывод учёных-экономистов о смешанной форме обмена деятельностью обусловлен преобразованиями, происходящими в общественном разделении труда и в отношениях экономической собственности.

Общественное разделение труда в XX веке снимает (во всяком случае, нивелирует) противоречия необходимого и прибавочного труда, простого и сложного, умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного труда. Оно сохраняет специализацию труда по профессиональным компетенциям, обуславливая подвижные и, в известном смысле, размытые границы между видами экономической деятельности. Кооперация видов деятельности в этих условиях является непосредственной, проявляя себя в совокупном труде. Виды деятельности не составляют содержание совокупного труда, они образуются из него. Совокупный труд является единым органичным целым, а поэтому обмен деятельностью между субъектами этой деятельности становится непосредственно общественным.

Отношения экономической собственности в связи с обобществлением производства на основе углубления общественного разделения труда становятся, прежде всего, отношениями совместного присвоения средств производства участниками экономической деятельности. Этот фактор требует и обеспечивает непосредственно общественный обмен.

В рассмотрении переходной формы «социалистического продукта» В.А. Бадер выделяет продукты личных подсобных хозяйств и подсобных промыслов как товары, которые реализуются по ценам, складывающимся на рынке, но при воздействии на этот процесс государства. В отдельную группу учёный выделяет продукты социалистических предприятий, в которой различает подгруппы. Первая подгруппа по продуктам колхозно-кооперативных предприятий, которые по форме являются преимущественно товарами. Вторая подгруппа – продукты государственных предприятий, которые по форме являются нетоварами и одновременно товарами [2, с.68].

Отражение свойств «социалистического продукта» рассматривается Бадером в оценочно-учётной форме. Под учётной формой он понимает прямое измерение трудоёмкости (в затратах рабочего времени), а под оценочной формой – идеальную оценку трудоёмкости (стоимость, цену). При этом автор указывает, что свойства продукта едины и противоречивы. Имеют место противоречие между потребительной стоимостью и потребительной эффективностью и противоречие между стоимостью и трудовой эффективностью [2, с. 83–85]. Разрешение этих противоречий является прямой задачей экономической политики.

Развитие формы «социалистического продукта» или другой её стороной являются «социалистические деньги», которые по отношению к затратам живого труда являются «трудовыми квитанциями» и при этом они являются и мерой овеществлённого труда, т.е. стоимостью [2, с.139]. Деньги сохраняют внутренние противоречия «социалистического продукта» и в то же время выводят это противоречие наружу как противоречие между продуктом и деньгами.

Форма «социалистического продукта» и «социалистических денег» разворачивается в сложную систему многоукладной экономики. Система многоукладной экономики является экономикой фондов и капитала, взятых едино и органично.

В учебной и научной литературе, характеризующей теорию и практику хозяйственной деятельности в период её реформирования, в противоположность категории «капитал» широко используется категория «фонды», или же они авторами отождествляются. Исследуя основные параметры многоукладной экономики, Василий Антонович Бадер уточнил содержание категории «фонды» и определил границы её применения [3].

Сравнительный анализ содержания капитала и фондов как категорий многоукладной экономики выявил следующие противоречия их отождествления.

Капитал, по методологии К. Маркса, это стоимость, приносящая прибавочную стоимость путём эксплуатации наёмной рабочей силы. Социально-качественная определённость капитала заключается в том, что он является капиталистической собственностью.

Фонды, согласно теории научного социализма, представляют собой стоимостное выражение собственности трудящихся. Средства, используемые на народных предприятиях, в кооперативах и акционерных обществах трудящихся, в индивидуальной трудовой деятельности, не могут характеризоваться как капитал, т.е. собственность, отчуждённую от работников. Их необходимо трактовать именно как фонды.

Поскольку в многоукладной экономике наряду с собственностью трудящихся существуют элементы капиталистической собственности и капиталистических производственных отношений, то логично применение двух категорий одновременно.

И капитал, и фонды в социально-качественном аспекте представляют содержание и форму собственности на экономические ресурсы. По социальному содержанию собственность определяется тем, кто присваивает средства и результаты общественного труда и может быть как трудовой, так и нетрудовой. А форма собственности отвечает на вопрос – как осуществляется присвоение и существует в виде обособленной (отдельной) и обобществлённой (совместной). Но в теории и практике хозяйственной деятельности под формами собственности понимают государственную, кооперативную, акционерную и другие формы хозяйства. Учёный отметил две методологические ошибки данного суждения: во-первых, упускается процесс изменения специального содержания собственности; во-вторых, отношения собственности подменяются её управлением. Следовательно, фонды как стоимостное выражение интересов трудящихся являются одним из видов трудовой, а капитал как стоимостное выражение интересов капиталиста – нетрудовой собственности.

В подмене и отождествлении категорий «капитал» и «фонды», как считал В.А. Бадер, скрыта концепция отрицания трудовой собственности, а, значит, и социализма как социально-экономической системы. Однако данные высказывания не имеют ничего общего с научной методологией и исторической практикой [3, с.35].

Оценка категории «фонды» в условиях «советской экономики» показала, что формально в республиках бывшего СССР была провозглашена общественная собственность на средства производства, но фактически фонды были монопольно узурпированы бюрократической верхушкой партийного, советского и государственного аппарата, который получал собственность во временное управление и не был заинтересован в её сохранности и приумножении. Поэтому учёным были выделены характерные признаки «фондов советской экономики» – это: во-первых, отчуждение от непосредственных производителей; во-вторых, их обезличенность; в-третьих, бюрократическая централизация [3, с.35]. Таким образом, Бадер вскрыл одну из причин вульгаризации социализма.

Объективные предпосылки социализма в современном мире стали более зрелыми. В конце XX – начале XXI вв. получают дальнейшее развитие наукоёмкие и высокотехнологичные отрасли, информационные и телекоммуникационные системы; формируется единое экономическое и информационное пространство; накапливается опыт внутрифирменного и индикативного планирования; совершенствуются различные формы государственного регулирования экономики в сочетании с рыночным механизмом. Таким образом, развитие социально ориентированной смешанной экономики, распространение коллективных форм собственности, акционирование, демократизация управления изменяют социально-экономическую природу капитала. В эпоху цифровизации экономики возрастает взаимообусловленность мотивационных приоритетов наёмных работников и капиталистов на основе «социализации» капитала и «капитализации» труда.

Научное наследие В.А. Бадера и экономистов «советского периода» состоит в развитии методологии научного социализма, отсылка на которую исчезла из научного оборота после развала Советского Союза и мировой системы социализма.

Важнейшая задача современной экономической науки заключается не только в отражении и в объяснении процессов, но и в разработке рекомендаций по изменению экономического мира на основе его законов и в интересах прогресса общества. Сегодня возрастает её роль в ориентировании хозяйственной практики, в разработке прогнозов и перспектив экономического развития на основе научного предвидения, в формировании эффективной системы хозяйствования, повышении созидательного потенциала реформ, обосновании экономической политики государства, форм и степени участия страны в процессах глобализации, интернационализации и интеграции хозяйственной жизни человечества.

Список литературы

1. **Абалкин Л.И.** Диалектика социалистической экономики / Л.И. Абалкин. – М. : Мысль, 1981. – 351 с.
2. **Бадер В.А.** Социалистический продукт / В.А. Бадер. – М. : Экономика, 1967. – 190 с.
3. **Бадер В.А.** Капитал и фонды / В.А. Бадер // Экономика Украины. – 1992. – № 7. – С. 33–39.

4. **Кронрод Я.А.** Законы политической экономии социализма / Я.А. Кронрод. – М. : Мысль, 1966. – 581 с.
5. **Немчинов В.С.** Общественная стоимость и плановая цена / В.С. Немчинов. – М. : Наука, 1971. – 507 с.

**Zaika I.P.,
Skorokhod N.N.**

**Reflection and development of innovative ideas
in economic science “soviet period”:
reflections after the scientific seminar**

The article presents the authors’ reflections on the use of the scientific heritage of scientists of the “Soviet period” in the modern economy in the era of the deployment of the fourth industrial revolution. The idea of writing the article arose after the scientific seminar “Contribution to Economic Science of Professor Vasily Antonovich Bader” and includes the main theoretical innovations of the scientist.

Key words: *innovation and reform ideas, “Soviet period”, “socialist product”, capital, funds.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакаева Наталья Владимировна, профессор кафедры градоустройства НИУ «Московский государственный строительный университет», Советник Российской Академии архитектуры и строительных наук, доктор технических наук, профессор (Российская Федерация)

Воронина Елизавета Николаевна, магистрант кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Даренский Виталий Юрьевич, профессор кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», доктор философских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Заика Ирина Петровна, доцент кафедры экономики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат экономических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Ищенко Валентина Владимировна, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук (Луганская Народная Республика)

Ищенко Нина Сергеевна, доцент кафедры музыкального искусства эстрады Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, кандидат философских наук (Луганская Народная Республика)

Калайдо Александр Витальевич, доцент кафедры технологий производства и профессионального образования ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Кандауров Богдан Игоревич, старший преподаватель кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Корниловский Алексей Сергеевич, старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Михайловская Оксана Георгиевна, и.о. заведующего кафедрой политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат политических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, профессор (Луганская Народная Республика)

Паламарчук Анастасия Анатольевна, студент Института архитектуры и строительства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (Российская Федерация)

Полищук Наталья Алексеевна, старший преподаватель кафедры фундаментальной математики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Попов Василий Борисович, доцент кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат философских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Савенкова Инна Юрьевна, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Саидов Зиявудин Абасович, и.о. заведующего кафедрой всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Сидельникова Ольга Петровна, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности в строительстве и городском хозяйстве Института архитектуры и строительства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», доктор технических наук, профессор (Российская Федерация)

Скорород Наталья Николаевна, и.о. заведующего кафедрой экономики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат экономических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Скринникова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры фундаментальной математики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Темникова Светлана Владимировна, и.о. заведующего кафедрой фундаментальной математики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Техтелев Юрий Владимирович, заведующий лабораториями кафедры физики и методики преподавания физики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Харьковский Руслан Геннадиевич, директор Института государственной службы и управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Швыров Вячеслав Владимирович, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат физико-математических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.

3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М.А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник научных трудов

Серия 5

Гуманитарные науки

Технические науки

Главный редактор – *Л.А. Черных*
Выпускающий редактор – *Г.Г. Калинина*
Редактор серии – *С.В. Темникова*
Корректор – *О.И. Письменская*
Дизайн обложки – *Р.В. Жила*
Компьютерная верстка – *Р.В. Жила*

Подписано в печать 24.09.2021. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 9,75.

Тираж 28 экз. Заказ № 94

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru